

ТРЕЙСИ БРОГАН СКАЖИ, ЧТО БУДЕШЬ МОИМ

DOLCE VITA

ТРЕЙСИ БРОГАН СКАЖИ, ЧТО БУДЕШЬ МОИМ

Дилайни Мастерсон, дочь знаменитого в прошлом рок-музыканта, участвует в семейном реалити-шоу. Девушка ничего не имеет против такой работы, пока ее бывший кавалер не выкладывает в Сеть интимное видео с ее участием. В ужасе от сомнительной славы Дилайни бежит в занесенный снегами городок Белл-Харбор, чтобы побыть наедине с собой. Но не тут-то было! В ванной комнате снятого ею дома она обнаруживает голого мужчину, который утверждает, что этот дом принадлежит ему. Девушка еще не знает, что им предстоит вместе отправиться в путешествие по зимним дорогам Мичигана...

Смех, слезы и неподдельные чувства в книгах Трейси Брган о Белл-Харборе.

Все книги издательства «Аркадия»
на **www.labirint.ru**

16+

Знак информационной продукции

ISBN 978-5-907143-30-2

9 785907 143302

DOLCE VITA

ТРЕЙСИ
БРОГАН

СКАЖИ,
ЧТО БУДЕШЬ
МОИМ

АРКАДИЯ

Санкт-Петербург
2020

УДК 821.111(73)
ББК 83.3(7США)
Б88

Tracy Brogan
LOVE ME SWEET

Перевела с английского
Анастасия Лазарева

Дизайнер обложки
Александр Андрейчук

Настоящее издание выходит
с разрешения *Amazon Publishing, www.apub.com*
при содействии *Synopsis Literary Agency*

Броган Т.

Б88 Скажи, что будешь моим : [роман] / Трейси Броган;
[пер. с англ. А. Лазаревой]. — СПб. : Аркадия, 2020. —
416 с. — (Серия «Dolce Vita»).

ISBN 978-5-907143-30-2

Вокруг имени Дилайни Мастерсон, звезды реалити-шоу, разгорается сексуальный скандал. Рейтинги шоу взлетают до небес, но расстроенная Дилайни сбегает от журналистов в городок Белл-Харбор. Однако скоро в душе снятого ею жилья обнаруживается голый незнакомец, который утверждает, что дом принадлежит ему. В это девушка еще способна поверить, но не в то, что Грант оказался телеоператором лишь по случайному совпадению! Тогда Дилайни еще не знала, что они вместе отправятся в путешествие по зимним дорогам Мичигана...

Добрые и забавные истории про Белл-Харбор американской писательницы Трейси Броган заставляют читателя смеяться и переживать вместе с их героями.

УДК 821.111(73)
ББК 83.3 (7США)

© Tracy Brogan, 2015
© Издание на русском языке, перевод
на русский язык, оформление
ООО «Издательство Аркадия», 2020
© Shutterstock

ISBN 978-5-907143-30-2

*Посвящается Мередит.
Спасибо тебе... Спасибо тебе огромное!*

Глава 1

Нелепым казалось само предположение, что обласканная солнцем девушка из Калифорнии вроде Дилайни Мастерсон решит спрятаться в побитом морозом городке Белл-Харборе. Именно поэтому он и стал для нее идеальным убежищем. Никто не догадается искать ее здесь. Только не в этом приозерном захолустье, расположенном где-то между Нигдевиллом и Никогдабургом. И, разумеется, не в этом шатком викторианском домике с бледно-лиловыми стенами и покосившейся крышей. Особенно в самый разгар зимы.

В начале января.

В Мичигане.

Здесь было столько снега, сколько она в жизни не видела. Неудивительно, что по форме этот чертов штат напоминает варешку.

— Я согласна, — сказала Дилайни, глядя сверху вниз на стоящую рядом кудрявую блондинку, Донну Бекетт, с этой секунды хозяйку ее нового места жительства.

За последние двадцать минут они осмотрели восемьсот квадратных футов банального съемного жилья с дешевым лохматым ковролином на полу и теперь стояли посреди скудно обставленной гостиной.

Не шикарный дворец, конечно. И не модный лофт. Объявление на сайте довольно сильно приукрасило достоинства дома, но все же в нем были две спальни на втором этаже, полностью оборудованная — хотя и фатально отставшая от жизни — кухня, клетчатый диван с креслами, да и сам дом, по крайней мере, казался относительно чистым. Ну, или прибранным. Он выглядел гораздо лучше, чем те шесть мест, которые Дилайни осмотрела до него. Ни одно из них не показалось ей даже отдаленно приемлемым. Ей вовсе не хотелось жить в ветхой развалюхе, или в крошечной каморке, или в помещении настолько мрачном, что в нем могли водиться привидения.

В доме пахло хлоркой и освежителем воздуха — возможно, они маскировали затхлую вонь, но погода на улице стояла ужасная, там, словно торнадо, бесчинствовала снежная круговерть, и Дилайни уже устала искать себе жилье. Проживание в отеле «Белл-Харбор» стоило дорого, ей же приходилось экономить, чтобы денег хватило на долгое время. Кроме того, в отеле было слишком людно, и кто-нибудь из постояльцев мог узнать ее. Этот дом ей вполне подойдет. Должен подойти.

— Возможна ли помесечная аренда? — спросила Дилайни, поправив дужки предназначенных для чтения очков в черной оправе. Они были ей велики и постоянно норовили сползти на кончик носа. Перед покупкой их стоило бы примерить, но она слишком спешила, не желая задерживаться в магазине, и схватила с прилавка самые безобразные. Еще она купила себе бейсболку и упаковку

краски для волос «Самый невзрачный коричневый» от «Л'Ореаль», оттенок № 257. Не то чтобы это была надежная маскировка, но о более серьезной она побеспокоится позже. К вящей радости Дилайни, миссис Бекетт пока ничем не выдала, что узнала ее. Возможно, городок был таким маленьким, что сюда еще не провели Интернет.

И кабельное телевидение.

И бульварную прессу сюда тоже не завозили.

И никаких соцсетей тут тоже не было, потому что лицо Дилайни в последнее время постоянно мелькало во всех возможных источниках информации, и его трудно было не заметить.

Поганые папарацци!

Миниатюрная домовладелица огладила поношенную серую толстовку с изображением какого-то морского млекопитающего. Моржа? Или ламантина? Из-за толстых очковых линз Дилайни не могла это рассмотреть, но кто бы это ни был, выглядел он неважно. В стиле Дилайни знала толк, но не нужно быть экспертом, чтобы понимать: старые безразмерные толстовки с большими старыми принтами никого не украсят.

— Я предпочла бы сдать дом на год, — ответила миссис Бекетт, теребя нижний край толстовки, из-за чего млекопитающее на принте начало дрожать, — но, полагаю, мы сможем договориться о шестимесячной аренде. Шесть месяцев вас устроят?

Шесть месяцев? Дилайни сомневалась, что задержится здесь хотя бы на шесть недель, не то что месяцев. Учитывая обстоятельства, она не могла

планировать так далеко, но подозревала, что посреди снежного Армагеддона ей будет тяжело найти жилье с помесечной арендой, а эта лачуга обладала своеобразным шармом. Может быть, благодаря резным деревянным наличникам на дверях. Или толстому потолочному плинтусу. Дом был по-своему уютным и милым — в старомодном стиле. Господь свидетель — Дилайни Мастерсон сейчас очень не хватало чего-то уютного и милого, потому что она отлично знала, как дорого обходятся психике экстравагантность и роскошь.

— Думаю, шесть месяцев — это вполне нормально. — Она снова поправила бутафорские очки.

Домовладелица кивнула:

— Превосходно. Все бумаги на аренду у меня в машине. От вас мне нужны только водительские права, залог и плата за первый месяц.

Водительские права? Сердце Дилайни упало ниже, чем продажи последнего альбома ее папы. Она совершенно не желала демонстрировать Донне Бекетт свои водительские права. Она вообще никому не желала их показывать. Чтобы потянуть время, она задумчиво прижала большой палец к нижней губе.

— Верно. Хорошо. Только вот в чем дело, мисс Бекетт. На прошлой неделе у меня украли бумажник, так что документов при мне сейчас нет. Но как вы смотрите на то, что я заплачу вам наличными за шесть месяцев вперед, и мы оформим сделку?

Она сильно рисковала, потому что в любой момент могла съехать, потеряв деньги за аренду,

но при слове «наличные» лицо миссис Бекетт засияло, словно цирковой шатер. Все любят наличные. И если благодаря небольшим дополнительным расходам документы Дилайни останутся глубоко на дне фирменного рюкзака «Луи Виттон», который сейчас висит на ее плече, значит, оно того стоит.

— За шесть месяцев... *наличными*?! Когда вы собираетесь въехать? — с придыханием спросила, очень оживившись, миссис Бекетт. Да, наличные — великая вещь.

Дилайни махнула в сторону окна:

— Сегодня. Сейчас. Все мои вещи в машине.

На подъездной дорожке стоял ржавый желтый «фольксваген», который она купила неделю назад на «Парковке подержанных тачек Эда» в Энсино. За девять сотен баксов. Наличными. Ей не задали ни одного вопроса, а значит, решила она, машина этих денег стоит. Но ни цента больше.

— Все ваши вещи в этой малютке? — Брови миссис Бекетт тревожно сошлись на переносице, когда она подошла к заиндевавшему окну и посмотрела на древний автомобиль. Он был мало похож на «Фольксваген-жук» из знаменитого фильма¹, и конечно, в нем лежали *не все* вещи Дилайни. Возможно, одна миллионная часть ее барахла — все, что она смогла запихнуть в чемодан, собираясь уехать куда глаза глядят.

Дилайни натянула на лицо улыбку, настроив ее ослепительность на полную мощность, — трюк, которому она научилась у мамы-супермодели. Если

¹ Отсылка к американскому фильму The Love Bug («Фольксваген-жук») режиссера Роберта Стивенсона (1968).

вести себя уверенно, люди начинают думать, что вам можно доверять.

— Я путешествую налегке.

— Это заметно. А откуда вы приехали? — Миссис Бекетт снова посмотрела на Дилайни.

Дилайни ниже надвинула на лоб козырек бейсболки:

— Э-э-э... Из Майами.

Она сказала первое, что пришло ей в голову. Но она приехала не из Майами. Конечно же, нет. И даже не из Флориды. Надо же было ляпнуть такую глупость! Дилайни попыталась улыбнуться шире, но растянуть губы сильнее у нее не получилось.

Донна Бекетт задумчиво почесала голову, из-за чего ее короткие кудрявые волосы с одного бока стали еще пушистее:

— Майами? Боже правый! Зачем из солнечного Майами приезжать к нам сюда, да еще в такую ужасную погоду?

Очень хороший вопрос. На него требовался логичный ответ, но истина была далека от логики. Дилайни понимала это. Она примчалась сюда по наитию, в порыве чувств, без малейшего намека на стратегическое планирование. Но могла же она сказать, что приехала из Фарго или Миннеаполиса, или еще откуда-нибудь, где так же холодно и снежно. Из Сибири, например. Или с Южного полюса. Дилайни не умела врать. Но, возможно, ей просто не хватало практики.

— Я слышала, что здесь можно отлично показаться на лыжах, — ответила она.

Миссис Бекетт кивнула:

— Думаю, так и есть, хотя если вам нужны идеальные условия для катания, то вам следовало бы поехать еще дальше на север.

Еще дальше на север?! Серьезно? Как далеко на север можно уехать из этого городка, чтобы не уткнуться в канадскую границу? Конечно, Дилайни скрывается, она в бегах, но дела еще не настолько плохи, чтобы ей пришлось покинуть страну.

По крайней мере, пока.

— Замечательно! Я это запомню. Еще дальше на север, — ответила Дилайни. — Так мы договорились? — Она протянула руку для рукопожатия. Должно сработать.

Миссис Бекетт перевела взгляд с протянутой руки на лицо Дилайни и принялась внимательно его изучать. Похоже, она колебалась. Дилайни икнула. Когда она нервничала, у нее всегда начиналась икота.

— Оплата *наличными*? За шесть месяцев? — переспросила домовладелица.

— Наличными, — подтвердила Дилайни, слегка кивнув головой, чтобы подчеркнуть свои слова, затем еще раз икнула и похлопала по рюкзаку. — К сожалению, чековую книжку и кредитки украли вместе с бумажником. Но, к счастью, перед отъездом я сняла в банке немного налички.

Да. Она сняла в банке наличные, но сделать это оказалось совсем нелегко. Оказывается, банки вовсе не горят желанием *возвращать* деньги своим клиентам. Особенно клиентам, которые хотят сразу снять со счета несколько тысяч долларов. И тем более таким, которые хотят получить такую

крупную сумму купюрами по десять и двадцать долларов.

— Как же вам выдали деньги без документов? — Складки на переносице миссис Бекетт стали глубже, но Дилайни только беззаботно пожала плечами — хотя, разумеется, она совсем не ощущала себя такой беззаботной — и продолжила громоздить одну ложь на другую.

— О, с этим не возникло проблем. В банке меня хорошо знают. По правде говоря, я там работала. Когда училась в колледже. В Майами. Во время учебы в колледже в Майами я работала в банке.

Дилайни кивнула, соглашаясь со своими же словами, и понадеялась на то, что повторение собственных слов и уверенность в них прибавят ей убедительности. Как джедайский трюк: «Это не те дроиды, которых вы ищете». Но все-таки — банковский работник? Из Майами? Она никогда не работала в банке. И колледж она не оканчивала. Она была стилистом и одевала знаменитостей в Беверли-Хиллз, как и две ее сестры, а еще иногда помогала маме в ее бутике с продажей фирменного люксового мыла.

Дилайни поправила на плече лямку рюкзака, вдруг почувствовав, как она врезается в кожу. Несколько тысяч долларов мелкими банкнотами сами по себе весили довольно много и казались вдвойне тяжелее при мысли о том, что она совершает самую большую ошибку за всю свою глупую и никчемную двадцатисемилетнюю жизнь.

Миссис Бекетт снова потеряла ладони и глянула на рюкзак.

— Ну, полагаю, если вы заплатите за полгода вперед, то все в порядке, но мне нужно, чтобы вы подписали договор об аренде до того, как внесете в дом свои вещи. И еще: как только вы восстановите водительские права, мне нужна будет их копия.

На Дилайни нахлынуло чувство облегчения — сделка протекала гладко. Она нашла жилье, а демонстрацию документов могла отложить на неопределенный срок. Если повезет, то к тому времени, когда ей придется показывать документы, она сможет убедить домовладелицу, что она совсем не «та самая» Дилайни Мастерсон.

— Разумеется. Без проблем. — Она снова икнула.

Миссис Бекетт улыбнулась:

— Полагаю, мы договорились. Но я должна предупредить вас, что мой муж, Карл, в ближайшие несколько дней придет сюда, чтобы кое-что починить по мелочи. В ванной нужно заменить лейку душа — она протекает. И замок на задней двери не всегда запирается. Чтобы закрыть дверь, ее нужно сильнее потянуть на себя, но я не думаю, что в нашем городке вам надо сильно беспокоиться о том, чтобы запира́ть двери. Белл-Харбор — самое безопасное место в округе.

Самое безопасное место? Отлично. Дилайни очень надеялась, что это правда. Она также надеялась, что люди здесь занимаются своими делами и не будут лезть в ее дела. Больше всего на свете она сейчас жаждала уединения. Чтобы за ней совершенно никто не следил, не делал тайком ее

фотографии, не рылся в ее мусорке. Она хотела раствориться в тумане, как... ну, как туман.

Через пятнадцать минут Дилайни уже ставила неразборчивую подпись на договоре аренды. Они с миссис Бекетт переместились на кухню, пол которой был застелен линолеумом, и сидели за квадратным обеденным столом. Выцветшую столешницу, бело-серую с крапинками, окантовывала поцарапанная металлическая полоса. Стулья тоже были металлические с треснувшими красными подушками на сиденьях. Такие старые, что тянули на стиль ретро, но такие потрепанные, что выглядели просто старыми.

Дилайни передала документы своей домовладелице. Под кожей ощущалась бешеная пульсация.

— Держите, миссис Бекетт.

— О, можете называть меня Донной, — сказала та и поднесла договор ближе к глазам. Она щурилась, пытаясь рассмотреть подпись. Щеки ее чуть порозовели, а бумага хрустнула, когда пальцы сжали ее чуть сильнее.

Дилайни задержала дыхание. Вполне возможно, что это провал. Она беспокойно барабанила пальцами по бедру, раздумывая, должна ли она рассказать, кто она такая, и положиться на добрую волю этой любительницы ламантинов.

Пять секунд показались ей бесконечными десятью секундами.

Наконец Донна усмехнулась и покачала головой.

— Очень странно. Я должна была захватить свои очки для чтения, потому что совсем не могу разобрать подпись, и боюсь, что до сих пор не до-

гадалась спросить, как вас зовут. Здесь написано...
Элейн Мастерс?

Элейн Мастерс?

Сердце Дилайни пропустило удар. Катастрофа все еще была на пороге, но у Дилайни появилась возможность ее предотвратить. Возможность остаться неузнанной. Создать себе новую личность, пусть и временную. Она никогда не думала о псевдониме, но сейчас сама мысль о нем показалась блестящей. Ей было невозможно противиться.

За долю секунды Дилайни приняла решение.

— Да, все правильно, — сказала она, впервые за последние несколько недель искренне улыбнувшись. — Меня зовут Элейн Мастерс.

* * *

Если оператор приключенческого телешоу Грант Коннелли хотел на какое-то время обзавестись крышей над головой, то его домом становился палаточный лагерь на берегу реки Укаяли в Перу или у подножия действующего вулкана вроде Тинакулы, либо ветхий мотель в Катманду. Но сейчас настала пора возвращаться в родной дом в Белл-Харборе, потому что младший брат Гранта вознамерился совершить безнадежную глупость.

— Дурак, — вслух пробормотал Грант.

Ассистент режиссера Джейк Симмонс даже не посмотрел в его сторону. Вместо этого он склонился к видеомонитору и поправил несколько регуляторов. Мужчины сидели в импровизированной комнате для видеомонтажа, которая в последние два месяца стала их рабочим местом, хотя по сути

это была огромная брезентовая палатка, битком набитая высокотехнологичным оборудованием, запитанным от мощного генератора, который, сволочь такую, им пришлось тащить на руках через все филиппинские джунгли. Джейк постучал указательным пальцем по изображению человека, зависшего над скалистой пропастью в нескольких ярдах от их палатки.

— Кто дурак? — спросил Джейк. — Ты же не про звезду шоу «Один человек — одна планета», правда? — Голос его лучился коммерческим энтузиазмом, но Грант знал, что Джейк разделяет его невысокое мнение о человеке на экране. Это был Блейк Рокстоун. Их идиот-начальник.

Блейк повернулся лицом к объективу камеры, будто слышал их разговор. Конечно, он не мог их слышать. Он был слишком далеко от них и слишком занят — притворялся, будто он в опасности. Из-за страшных рож, которые он корчил, и хорошего ракурса камеры казалось, что он завис на большой высоте, хотя на самом деле от приземления на мягкую, поросшую мхом землю его отделяли всего шесть футов. Шесть футов. И спрятанный под одеждой страховочный трос. Жалкий трус.

«Один человек — одна планета»?

Едва ли. Скорее, чье-то гигантское эго, которое раздувают десятки невидимых зрителю профессионалов. С недавних пор от шоу ничего не осталось, кроме вранья, начиная от текущей «опасной» ситуации и заканчивая навыками выживания его главной звезды. Блейк Рокстоун совсем не был смельчаком. И не сказать, чтобы он мог замечательно выживать

в дикой природе. Черт, да его даже трудно было назвать туристом-энтузиастом.

И две ночи назад он переспал с девушкой Гранта. Из-за чего она стала его бывшей девушкой.

— Этот козел не смог бы разжечь костер даже с двумя горящими факелами и галлоном бензина, — пробормотал Грант, — но в данном случае я имею в виду своего брата.

Он вытащил потрепанный грязный конверт из картона цвета слоновой кости: путешествие от Белл-Харбора, штат Мичиган, до палаточного лагеря у подножия горы Пинатубо на Филиппинах его доконало. Судя по почтовому штемпелю, письмо месяц добиралось до адресата, и каким образом оно нашло его, осталось загадкой. Но больше всего Гранта поразило содержание письма.

— Что это? — спросил Джейк. Взгляд его, будто голодный москит, метнулся на Гранта, но через мгновение он снова был прикован к монитору.

— Я сейчас тебе покажу. — Грант вытащил открытку, из-за спешки еще раз надорвав бедный конверт. Он прочитал открытку не менее пятнадцати раз, но до сих пор до конца не осознал сути написанного в ней. — «Ивлин Марджори Роудс и Тайлер Роберт Коннелли сердечно просят оказать им честь своим присутствием на их свадьбе, на которой сердца влюбленных соединятся в священном союзе». — Грант швырнул приглашение на стол перед монитором, как игроки кидают на стол козырные тузы. — Что еще за Ивлин Марджори Роудс? Когда я в последний раз разговаривал с братом, у него даже не было девушки.

Джейк взял в руки приглашение и внимательно посмотрел на него, словно биолог на лист неизвестного тропического растения.

— Женится, да? Когда, говоришь, ты разговаривал с ним в последний раз?

Грант поднялся и подошел к порогу палатки, глядя в густую листву над ней. Солнце уже клонилось к закату, было ужасно жарко даже для сухого сезона, но взмок он совсем не из-за жары. Просто он с тоской осознал, что жизнь его брата пошла совсем по другому пути, противоположному его собственному.

— Я не знаю. Три месяца назад? Или четыре? Но я точно помню, что говорил с ним в июне, когда мы еще были в Новой Зеландии.

Джейк приподнял пшеничную бровь и посчитал на пальцах.

— В июне? Чувак, сейчас январь. Ты звонил ему полгода назад.

Грант резко обернулся и встретился с ним взглядом.

— Полгода? Ладно, согласен, я давно не разговаривал с ним. Но в тот раз он не сказал о ней ни слова. С чего бы тогда он внезапно решил жениться? Это самая большая глупость, о которой я только слышал.

Монументальная глупость. И точно по сценарию их матери. Сначала свадьба, а потом уже более тесное знакомство. А что будет потом? Всем наплевать. Мать уже третий раз замужем, но ему всегда казалось, что у Тайлера лучше со здравым смыслом.

— Ты думаешь, свадьба — это глупость? — Джейк снисходительно усмехнулся, но Грант пропустил его слова мимо ушей.

— Да, если тебе всего двадцать семь и ты никогда не покидал Белл-Харбора. Мой брат — еще ребенок.

— Эй, я сейчас обижусь. Мне тоже, знаешь ли, двадцать семь. — Джейк снял шляпу-сафари и вытер проступивший на лбу пот. Он совсем не выглядел обиженным. Скорее его голос выражал удивление, отчего Грант еще больше разозлился. Он тоже снял шляпу и провел рукой по лохматым каштановым волосам, и они встали дыбом.

— Именно об этом я и говорю, Джейк. Ты путешествуешь, твоя жизнь — сплошное приключение, и самое главное — тебе хватает ума оставаться холостяком. Понимаешь, о чем я?

Внезапный громкий смех Джейка прокатился по поляне, из-за чего невдалеке от них захлопал крыльями и досадливо вскрикнул сорокопудовый личинкоед.

— Я же все время путешествую и только *поэтому* до сих пор одинок, придурок. Ты даже не представляешь, как тебе повезло, что у тебя есть Миранда.

Грант открыл было рот с намерением объяснить, что вряд ли это можно назвать везением, но вовремя заткнулся. У Миранды были свои цели и причины, чтобы присоединиться к шоу, и они не имели к Гранту никакого отношения. Ему не хотелось сейчас говорить о ней. Даже с Джейком, его лучшим другом и постоянным напарником.

Джейк снова посмотрел на приглашение и повертел его в руках.

— Но в любом случае приглашение довольно необычное. Может, эта Ивлин — богачка?

Грант сжал кулаки и засунул их глубже в карманы походных брюк.

— Очень сомневаюсь. Скорее всего, она беременна. Иначе с какой стати так торопиться со свадьбой?

Бедный, глупый безответственный братишка!..

Джейк покачал головой:

— Знаешь, Грант, а ты — настоящий романтик. Может, тебе стоит устроиться на работу на одно из этих реалити-шоу со свиданиями?

Грант невежливо фыркнул:

— Ты, как и я, отлично знаешь, что в реалити-шоу нет ни капли реальности.

Джейк снова повернулся к монитору:

— Может, и нет, но скорее я предпочел бы потеть на съемочной площадке с двадцатью пятью горячими красотками, чем всю жизнь прошататься с тобой по джунглям. Без обид.

Настроение Гранта улучшилось. Слова Джейка явно содержали рациональное зерно.

— Никто и не думает обижаться. Я тоже предпочел бы жить в доме с кучей красоток, а не мотаться по джунглям за этим мудаком. — Он показал на монитор, где Блейк Рокстоун спустился по веревке и теперь делал вид, что борется с пятнадцатифутовым питоном на берегу озера. Питон тоже был ненастоящим. Резиновым. Они заказали его на Amazon. — Но даже в этом случае, — добавил

Грант, — жить с кучей красоток и жениться на одной из них — совсем разные вещи.

Джейк вернул ему приглашение:

— Я понятия не имел, что тебе так противна сама идея брака. А что об этом думает Миранда?

Грант почувствовал, как на его плечах напряглись мускулы. Нет, он не собирался заговаривать об этом, но было очевидно, что разговор неизбежен. В лагере всего тридцать пять человек, и слухи разойдутся очень быстро. Вообще-то его удивляло, что эта информация до сих пор не стала общеизвестной.

— Миранда самовольно покинула мой корабль, — ответил Грант.

Но она не только самовольно покинула его корабль — она перепрыгнула с него прямо в лодку Блейка. Из всех возможных оскорблений это было наихудшим. Узнать, что его девушка переметнулась к этому чучелу, было словно получить удар в пах.

Джейк вытаращил глаза:

— Что ты имеешь в виду?

Грант попытался размять внезапно онемевшее плечо:

— Блейк предложил ей сделку покруче. И она согласилась. Он сказал, что сделает ее соведущей шоу. Похоже, у соискателя на эту позицию весьма разнообразные обязанности.

Джейк склонился ближе к Гранту:

— Ты что, шутишь? Она сейчас с Блейком?

— Ну, вчера, после наступления темноты, она перенесла все свои вещи из моей палатки в его. Так что да, думаю, она теперь с ним. Ты же знаешь:

он — звезда. А я простой кинооператор. Думаю, что для нее лучше быть с ним перед камерами, чем со мной — за ними. Я стал всего лишь очередным камнем, какими вымощена ее дорога к славе.

Джейк покраснел и понизил голос.

— Прости, чувак. Это отвратительно.

Он был прав. Отвратительно. Отношения Гранта с Мирандой всегда были для него не более чем отдушиной, но все равно он заботился о ней, а она его просто-напросто использовала. В рейтинге унижений от расстегнувшейся на людях ширинки до появления на бар-мицве² с голой задницей предательство Миранды заставило его почувствовать себя ближе к последнему. Но будь он проклят, если хоть кому-то покажет, как это его задело. Он не доставит ей удовольствия, обнажая свои раны.

— Ну, может, эмоциональности Миранде и не хватает, но она с лихвой компенсирует ее амбициями. Для девушки вроде нее в таких условиях мало возможностей для развития. Думаю, ей просто нужно было не упустить свой шанс.

Да и для него в таких условиях было мало возможностей сделать карьеру. В последнее время, еще до скандала с Блейком и Мирандой, он все чаще задумывался об этом. Грант был ведущим оператором и продюсером шоу «Один человек — одна планета». В своем деле он был одним из лучших, но его доход и репутация зависели от качества продукта, а в последнее время Блейк порядочно халтурил. Несколько лет назад их проект начинался

² В иудаизме праздник достижения мальчиком религиозного совершеннолетия.

как захватывающий телерепортаж, насыщенный великолепными видами природы, полный приключений, но сейчас он превратился в крупные планы Блейка, который ест жуков (фальшивых, сделанных из сахара) и отпускает остроты, отвечающие вкусам самой невзыскательной публики. Шоу стало полностью коммерческим, что больно ударило по самолюбию Гранта. Ему это не нравилось. У него были более высокие цели в профессии. Да и в жизни в целом.

Грант взял в руки приглашение и еще раз перечитал его. Может быть, настало время начать новый жизненный этап. Как это сделала Миранда. Как собирался сделать это его брат.

Нет. Не «может быть». Время точно пришло.

Решение он принял спонтанно, но в глубине души верил, что делает правильный выбор.

— Я возвращаюсь домой, — сказал он, глядя в пространство.

— На свадьбу?

— Нет. Насовсем. Я увольняюсь.

Джейк вскочил и шагнул к нему так резко, что опрокинул походный стул.

— Увольняешься? Из-за Миранды? Не надо, чувак. Ты не можешь бросить меня с Блейком посреди джунглей. И ты будешь скучать по шоу.

Грант вышел из палатки на яркое солнце. Над ним простиралось безоблачное густо-синее небо. Воздух наполняли звуки джунглей — свист, треск и щебет, и все вокруг окутывал густой аромат жасмина.

— Дело не в ней. То есть не совсем в ней. Причин очень много. Я буду скучать по этой работе, но,

знаешь, я ведь уже сто лет не видел родных. В прошлом году умер дедушка, он завещал мне свой дом, а я даже еще не видел свое наследство. Помнишь? Мы были на съемках в Камбодже, и я пропустил похороны.

Последовавший за Грантом Джейк щурился на ярком солнце:

— Тогда съезди в отпуск домой, отдохни, навести родных, но не увольняйся.

Грант посмотрел на вершушку вулкана Пинатубо:

— Знаешь, когда ты взобрался на горную вершину, ты минут пять с удовольствием обозреваешь открывшийся вид, а потом начинаешь искать новую вершину. Вот я сейчас именно в этой точке, Джейк. Мне нужна новая цель.

Джейк почесал в затылке:

— Хорошо, я понял, но ты раньше всегда описывал Белл-Харбор как безнадежную дыру без каких-либо перспектив. Так зачем туда возвращаться?

— Не знаю. Может, я и не задержусь там надолго, но это хорошее место, чтобы собраться с силами и, возможно, спасти брата от худшего решения в его жизни. — Он усмехнулся.

Насчет спасения Тайлера он почти пошутил. Почти. Если его брат хочет разрушить свое будущее именно таким образом, это его личное дело. Вообще-то Грант взял себе за правило: никакие внутрисемейные драмы не заташат его обратно в Мичиган. Его работа требовала полной отдачи, порой даже становясь опасной для жизни, но жить у подножия действующего вулкана ему было легче, чем разбираться с делами семьи Коннелли. Но он

все равно скучал по родным, а в Белл-Харборе можно будет решить, что делать дальше. У него появилось много связей в телевизионной среде, и несколько телефонных звонков нужным людям обеспечат его гораздо лучшей работой, чем та, что у него сейчас. Возможно, ему даже удастся организовать собственное шоу, в котором над ним больше не будет начальства. У него было несколько задумок на этот счет.

Так что... Да какого черта?!

Похоже, Грант Коннелли решительно настроился отправиться домой.

Глава 2

Дилайни не могла припомнить, оставляла ли свет на кухне включенным, когда уезжала в продуктовый магазин Гибсона, но, видимо, она все-таки забыла его выключить — окна кухни ярко сияли. Оно и неплохо, потому что, похоже, темнеть здесь начинает уже к обеду. Она вытащила с пассажирского сиденья две перегруженные сумки с продуктами, торопливо вошла с ними в дом и бедром толкнула входную дверь, чтобы та захлопнулась. Потом поставила сумки на пожелтевшую пластмассовую столешницу и замерла.

На спинке одного из потрепанных стульев висела куртка. Похоже, мужская. Большая черная куртка, по всему видно, не новая. А еще Дилайни увидела пару выдавших виды ботинок. Один стоял на линолеуме посреди кухни, второй валялся на боку у стены в коридоре, будто владелец скидывал их прямо на ходу. По полу из-под ботинок растеклась вода от подтаявшего снега.

Со второго этажа до нее донеслись звуки льющейся в душе воды и радостное насвистывание, и ее любопытство растаяло вместе с принесенным с улицы снегом.

Долгожданный Карл наконец-то объявился, чтобы заняться починкой душа. Хвала богам, по-

тому что за те четыре дня, что она здесь прожила, протекающий душ стал для нее настоящей пыткой водой. Она уже начала, пока лежала на свалывшемся матрасе, считать перед сном капли. Кап-кап-кап... Прошлой ночью она успела досчитать до трехсот девяноста семи, прежде чем наконец уснула, и ей приснилось, что она превратилась в гигантские часы.

Дилайни сняла пальто, повесила его на крючок рядом с дверью и тут же заметила светящийся карман. До ее ушей донеслось характерное жужжание вибровозонка. Телефон лежал в кармане пальто, но у нее не было ни малейшего желания отвечать на звонки. Она поставила телефон на беззвучный режим еще в дороге, когда проезжала через штат Юта, потому что каждый из членов ее семьи считал своим долгом позвонить ей с уговорами вернуться домой, хотя она совсем не собиралась возвращаться в Беверли-Хиллз. Только не сейчас. Она не вернется, пока пресса не переключится на другой скандал и не оставит ее в покое.

Но все же по привычке она взяла в руки телефон, чтобы посмотреть, кто звонит. На экране высветилось лицо Мелоди. Ее средней сестры. Очень настойчивой сестры, которая за неделю, проведенную Дилайни вне дома, успела позвонить ей шестьдесят три раза. Ее настойчивость раздражала Дилайни едва ли не больше, чем протекающий душ, но, в отличие от душа, Мелоди никогда не сдавалась.

В расстроенных чувствах Дилайни изо всех сил ткнула пальцем в экран телефона, но легче ей от этого не стало.

— Я не хочу разговаривать, Мел. Со мной все в порядке, просто я не хочу ни с кем разговаривать, понятно?

— Ты в Мичигане? — Сейчас голос Мелоди никак нельзя было назвать мелодичным. — Что ты забыла в Мичигане?!

Дилайни беспокойно выглянула в окно, ожидая, что сестра уже стоит на пороге, готовая ворваться в дом с толпой репортеров.

— Почему ты думаешь, что я в Мичигане?

— У тебя включена функция «поделиться местоположением», дубина. Я все это время знала, где ты находишься.

— Черт! — В современном мире цифровых технологий затеряться трудно. Дилайни нужно было купить новый телефон и не использовать семейный тариф сотовой связи. — Кто еще знает, где я?

— Никто. Только я. Но если серьезно, как тебя занесло в Мичиган? — Голос Мелоди смягчился, и Дилайни будто наяву увидела, как сестра лежит в большом гамаке на террасе и греется на солнышке. Сама Дилайни не могла согреться с тех самых пор, как покинула Неваду.

Она расправила плечи, будто Мелоди могла видеть ее:

— В Мичигане есть своя прелесть. В одном журнале о путешествиях говорилось, что здесь просто великолепно. Там было сказано, что в этом штате потрясающие дюны и пляжи, хотя я их еще не видела, потому что повсюду лежат сугробы.

На другом конце трубки ненадолго повисла тишина.

— Ты поехала в Мичиган из-за великолепных дюн и пляжей? В январе?!

Похоже, Дилайни допустила промашку, но признаваться в этом ей не хотелось.

— В этом сезоне проще найти парковочное место. Так чем я смогу отплатить тебе за то, что ты никому не выболтаешь мой секрет?

У каждого человека в их семье была своя цена, даже у Дилайни, но в данном случае она была не против заплатить за свое уединение.

— Пока не знаю, — ответила Мелоди. — Для начала давай ты мне расскажешь, чего ты хочешь добиться своими выкрутасами. Мама уже на стену лезет от беспокойства, сама понимаешь. Она нам всю душу вынет. И что мне говорить людям, которые спрашивают о тебе? Все страшно волнуются, а ты не отвечаешь на звонки.

Дилайни достала из сумки коробку с хлопьями и поставила ее в шкафчик на кухне.

— Говори всем, что я поехала на курорт. И это не выкрутасы. Мне просто нужно хоть ненадолго убраться подальше от прессы и побыть одной. Скажи маме, чтобы не волновалась: со мной все хорошо.

— Я уверена, что она будет рада это услышать, Лайн, но еще она хочет знать, когда ты вернешься. Она, знаешь ли, не может вечно кормить наших продюсеров отговорками. Им нужно продолжать шоу, и они очень хотели бы поговорить с тобой. Ты, знаешь ли, герой дня.

Дилайни не смогла определить чувство, которое промелькнуло в тоне сестры. Что-то среднее между насмешкой, изумлением и завистью.

— Не сомневаюсь. А разве они не могут просто почитать желтую прессу, как и все остальные?

— Нашим продюсерам нужна именно твоя реакция на скандал. Они хотят знать, что произошло на самом деле. А пресса обсасывает одни и те же слухи, — сказала Мелоди и захихикала. — Ой, прости.

Дилайни и правда крупно оскандалилась.

— Спасибо, Мел. С твоей стороны это было очень тактично.

— Я знаю. Просто вертелось на кончике языка... Ой, черт! Прости. Опять не то сболтнула. — По ее голосу не чувствовалось, что она сожалеет о своих словах. Хотя бы самую малость. — Ты послушай, Лайн, — продолжала сестра. — Эта история может обернуться настоящим кладом, но только если ты вернешься домой и сама обо всем расскажешь со своей точки зрения.

— Я не хочу ничего рассказывать. Я просто хочу, чтобы никто не лез в мои дела. — Она швырнула на полку к хлопьям коробку с крекерами.

— В Беверли-Хиллз все лезут в чужие дела. Такова жизнь. И, кроме того, ты подписала контракт на второй сезон. Помнишь? Продюсеры хотят видеть тебя на съемках.

— Пусть подадут в суд, если им так хочется. Если ты, мама, папа и Роксанны не прочь расхаживать под прицелом камер и вытаскивать из шкафов семейные скелеты — воля ваша, но я пас. Одного года мне хватило с головой. Все равно главный герой шоу — наш папа. Почему всем так интересны именно мы? — Дилайни вытащила из сумки с продуктами бутылку вина. Прямо сейчас ей очень

захотелось иметь под рукой штопор, открыть им бутылку и пить вино прямо из горлышка.

— Хм-м-м, дай подумать, — ответила Мелоди. — Престарелый рокер пятидесяти шести лет, который пытается вернуться на музыкальную сцену, и три его дочери-красотки. Как ты думаешь, кто больше подходит для поднятия рейтинга реалити-шоу?

— Но ведь шоу планировалось делать о карьере отца.

По голосу Мелоди нетрудно было понять, что она обреченно закатила глаза:

— Нет, не планировалось. С самого начала это было наше шоу. Как ты думаешь, почему они называли его «Папа жжот»? Без дочерей он не был бы папой. Боже! Неудивительно, что они никогда не называли тебя самой умной дочкой.

Да, Дилайни никогда не называли самой умной.

И это расстраивало ее.

Все полагали, что самая умная из них — Роксанны. Мелоди считалась самой музыкальной. Кто бы мог подумать, правда? А Дилайни? Ну, кого-то должны же были определить на роль самой взбалмошной девчонки в семье? Непредсказуемой оторвы. Но она такой не была. Ее нельзя было назвать ни слишком взбалмошной, ни чересчур непредсказуемой, однако тщательно отобранные эпизоды и монтаж первого сезона приписали ей именно такой характер. А потом разразился скандал.

— Я больше не хочу участвовать в шоу. Хватит с меня... публичности. Сниматься в первом сезоне было даже весело, но потом появился Бойд и все испортил. Он смешал меня с грязью.

Бойд, то есть Бойделл Хэмптон, — сын проповедника, парень с ангельским личиком и похотливой душонкой. Такие ребята проникновенно рассуждают о миссионерском служении, но на деле их гораздо больше интересуют развлечения в миссионерской позе. И во всех остальных тоже. Их роман был таким же кратким и пылким, как одна из проповедей его отца. Но они давным-давно расстались, и она даже не помнила, кто первый предложил разойтись. Сначала они встречались, потом уже не встречались, и Дилайни давно не вспоминала о нем.

До тех пор, пока в прошлом месяце в телепередаче «Гора разврата» не появилось короткое мутное зернистое видео. Дилайни не знала, что он снимает их во время секса, но на видео ее голова поднималась и опускалась над кочерыжкой Бойделла Хэмптона. Каким-то образом запись просочилась в беспощадную медиамясорубку, которая с пугающей безнаказанностью регулярно поглощала и перемалывала жизни знаменитостей, и волна заголовков типа «Дилайни Мастерсон мастерски обслужила сына Божьего слуги» расплескалась по страницам бульварной прессы так же беспорядочно, как семя Бойда.

В последующие четыре недели Дилайни была главной темой шуток всех ночных комедийных шоу.

— Мы можем засудить его, Лайн, — прозвучал в трубке спокойный и уверенный голос Мелоди. — Наши адвокаты только того и ждут. Тони думает, что у нас есть все шансы выиграть дело.

— Нет! — ахнула Дилайни и в поисках штопора выдвинула ящик стола. Вино само себя не от-

кроет. — Я не хочу, чтобы в этом деле копались адвокаты! Я не хочу идти в суд. Так мы только подогреем прессу, и новости еще дольше не сойдут с первых полос.

— Но что ты собираешься делать? Ровно сидеть на попе в каком-нибудь иглу³ в Мичигане? Это безумие.

— Нет, я не собираюсь ровно сидеть на попе. Я хочу заняться саморазвитием.

— Саморазвитием? — Недоверие, прозвучавшее в голосе Мелоди, было таким выразительным, что его можно было использовать как мелодию звонка.

Дилайни возмущенно стиснула зубы:

— Да. У меня было много времени на раздумья, пока я ехала через всю страну. И я поняла, что у меня очень мало полезных навыков. Кроме подбора стильных аксессуаров, я ничего не умею делать. Поэтому, пока у меня есть свободное время, я хочу извлечь из него пользу и попробовать что-нибудь новое, что-нибудь такое, для чего мне придется выйти из зоны комфорта.

— Например?

— Ну, для начала я хочу научиться вязать.

Взрыв хохота на другом конце провода был не слишком воодушевляющим.

— Вязать? Вот что ты называешь «выходом из зоны комфорта», сумасшедшая экстремалка?

— Заткнись. Ты не поняла. Я просто хочу попробовать что-то новое и, возможно, найти способ приносить людям пользу. Я нашла в Интернете

³ Сложенное из снега зимнее жилище эскимосов.

организацию, которой можно пожертвовать вязаные шапочки для новорожденных.

Повисла долгая пауза, за время которой Дилайни могла легко пробежать стайерскую дистанцию.

— Ты вяжешь... детские шапочки? — наконец спросила Мелоди.

— Да.

— Девочка, да ты совсем рехнулась. Я звоню маминному психотерапевту.

— Я не рехнулась. Возможно, впервые в жизни я поняла, что мой труд должен послужить общему благу.

Смех сестры перешел в нетерпеливое фырканье.

— Ладно. Хорошо. Как насчет того, чтобы послужить общему благу семьи и вернуться домой? Ты нужна нам. Шоу не проживет без тебя. Ты самая лучшая.

— Бред какой-то. Конечно, я не самая лучшая. — Она что, правда лучше всех?

— Нет, Лайн, ты действительно самая лучшая. За тобой интереснее всего наблюдать, и если ты не вернешься, наши рейтинги пойдут на дно.

— Тебе мама велела это сказать? — Дилайни очень любила родителей, но в семействе Мастерсон годами практиковались тонкие эмоциональные манипуляции, и за время раскрутки телешоу они вышли на совершенно новый уровень. Казалось, что все, кроме нее, пытаются на глазах телезрителей отстаивать друг перед другом свои права.

— Нет, — ответила Мелоди. — Это я сама придумала. Просто подумай о моих словах, ладно? Дело касается не только тебя, но и всей семьи.

Всей семьи? Правда? Когда это так успела повернуться жизнь, что теперь вся семья рассчитывает на нее? На взбалмошную дочку, ту самую, на которую есть компрометирующая видеозапись? У нее есть отец, Джесси Мастерсон, который в восьмидесятых был иконой рок-сцены с тремя платиновыми альбомами. И мать, Николь Уэстгейт, бывшая модель Victoria's Secret, а теперь производитель дорогого мыла. И две сестры, которые и выглядят лучше, и одеваются гораздо более стильно, чем Дилайни. Чтобы шоу «Папа жжот» оставалось таким же успешным, она не нужна. Ей просто хочется снова стать незаметной, но она подписала контракт, и ее отказ от съемок действительно может отразиться на всей семье.

Она выдвинула следующий ящик. Штопор. Штопор. Пожалуйста, пусть тут найдется штопор.

— Хорошо, я подумаю, Мел. Но пока обещай никому не говорить, где я, хорошо? Пожалуйста. Мне нужна передышка.

— Хорошо. — В голосе Мелоди мелькнуло сочувствие. — И просто знай: если я встречу на улице Бойда Хэмптона, я так вдарю ему промеж ног, что у него яйца через ноздри выскочат.

Смех Дилайни прокатился по маленькой кухне. Ей очень нужна была такая разрядка.

— Отлично! А потом спроси у него, какого черта он после стольких лет обнарудовал эту запись. Я его лет пять не видела.

— В этом нет ничего удивительного. Просто ты стала знаменитой, и он захотел урвать себе кусочек от твоих пятнадцати эфирных минут. Желтая

пресса наверняка отвалила ему огромные деньги за эту запись. Но знаешь, если ты вернешься в шоу, то сможешь спросить его об этом сама. Я уверена, он нас смотрит.

Дилайни выдвинула очередной ящик стола. Наконец-то! Штопор!

— Хорошая идея, Мел. Но я не собираюсь обсуждать это публично. Я вообще не хочу об этом говорить. Никогда. Ни в одном из бесконечных вариантов будущего. — Впервые в жизни она была настолько в чем-то уверена. А еще ей пора было завершать звонок, потому что одной рукой вина не откроешь. — Слушай, мне пора бежать. Домовладелец чинит у меня душ, и мне надо пойти проверить, почему он так долго возится. Через несколько дней я позвоню тебе.

Они попрощались, и Дилайни налила себе мерло прямо в пустую банку из-под джема, потому что больше в шкафчике ничего подходящего не нашлось. Но иногда функциональность важнее стиля.

Наверху все так же лилась из душа вода, и Карл начал что-то напевать. Сначала негромко, потом все громче и громче. Строго говоря, напевать — это очень сильно сказано. Звуки больше походили на кошачий визг. Так мог визжать раненый пеликан, которого пытаются смыть в канализацию, и слушать это было решительно невозможно. Да и вообще сколько времени занимает починка душа? Она плеснула в банку еще вина и с ней в руках подошла к лестнице.

На первой ступеньке лежал носок. Через пять ступенек — еще один. Похоже, Карл чувствовал

себя здесь как дома. На верхней площадке скрипучей лестницы валялась грудa чего-то бежевого, которой раньше тут точно не было. Она осторожно подцепила пальцами странное нечто, стараясь не пролить на него вино.

Это оказался свитер из грубой пряжи, какие обычно носят рыбаки. Дилайни слегка замутило от нехорошего предчувствия. Что-то во всем этом было не так. Она уронила свитер на ковролин, сделала еще несколько шагов и остановилась прямо перед дверью ванной комнаты.

За ней весело журчал душ. Карл продолжал издавать кошачьи вопли.

Но теперь его голос слегка... побулькивал. И вода журчала не так, как если бы просто сливалась в канализацию. В душе будто... будто плескались.

Плескались?!

Дилайни прижала ладонь к двери и толкнула ее. Та приоткрылась на несколько дюймов и ударилась обо что-то массивное. Девушка толкнула сильнее и тут заметила на полу большую черную дорожную сумку. С последним толчком дверь наконец распахнулась, и Дилайни застыла с открытым ртом.

Она вовсе не собиралась так громко кричать.

Она вообще не собиралась кричать, но сумасшедший старикан не чинил душ — он в нем мылся! Какого черта?! Банка из-под джема выскользнула из ее рук и разбилась о черно-белый кафель пола, разлетевшись на сотни сияющих осколков. Вино расплескалось по полу. Ее крик эхом отразился от светло-голубых стен, а потом Карл тоже

закричал, с непритворным изумлением заметавшись за матовым стеклом душевой кабины.

Дилайни схватила со стойки розовый фен для сушки волос и, словно пистолет, направила его на душевую. Стекло звякнуло о металл, и дверца душевой распахнулась. За ней стоял мужчина.

В полном потрясении и совершенно голый.

Вооруженный мочалкой на деревянной ручке.

— Какого черта?! — заорал он. — Ты кто такая?

— Кто я такая? — взвизгнула она. — Как ты думаешь, кто я такая, больной убудюк? Что ты делаешь в моей ванной?!

В ее ушах беспорядочно и гулко, будто африканские барабаны, бился пульс. Мужчина был крупный. Здоровенный голый парень, мокрый и мускулистый. Взгляд Дилайни невольно скользнул ниже. Она ничего не могла с этим поделать.

Она совсем не ожидала, что Карл будет... таким. Под старой мешковатой толстовкой у Донны Бекетт, должно быть, скрывалось что-то невероятно ценное, потому что этот парень был потрясающе горяч. И вдвое моложе самой Донны.

— Эй! — возмущенно крикнул он, проследив за направлением ее взгляда, затем уронил мочалку, схватил лежащую на туалетном бачке книгу и прикрылся ею. Мыльная вода стекала у него по руке прямо на обложку. — Да кто ты вообще такая?!

— Я — Ди... Элейн. Элейн Мастерс. — Щеки ее заалели, и вовсе не из-за того, что в ванной было жарко. Она заставила себя посмотреть ему прямо в глаза. — Я — ваш арендатор.

— Мой... кто?! — Он смахнул пену со светлогризых глаз. Предплечье у него тоже было замечательно мускулистое.

— Я въехала сюда несколько дней назад. Донна тебе разве не сказала?

Он смотрел на нее как на бешеную собаку, которую нужно как-то успокоить, но при упоминании имени Донны в его глазах промелькнуло легкое понимание.

— Так Донна сдала тебе этот дом в аренду?

— Да.

У сумасшедшего голого парня хватило наглости хмыкнуть и выдать намек на слабую усмешку. Ладонью он вытер с лица остатки пены, другой рукой крепко удерживая книгу на том же месте. Книга принадлежала Дилайни. Она как раз остановилась на самом интересном месте, но теперь книга промокла, и ее прижимали к... Дилайни икнула.

— Понятно. Вот что, милая. Похоже, у нас тут сложилась щекотливая ситуация, — сказал голый парень, — но позвольте мне сначала домыться, и когда я чуть обсохну, мы с тобой сможем все обсудить. Согласна? И положи на место фен, пока мы оба не погибли от удара током.

«Милая?» Нахлынувшая на Дилайни ярость затопила удивление, и она совершенно забыла об испорченной книге.

— Не смей меня так называть, придурок! Выметайся отсюда, или я вызываю полицию! — Дилайни нагло блефовала. Она не могла позвонить в полицию. Если бы она вызвала стражей порядка, ее имя снова появилось бы в новостях, не говоря

уже о том, что она поставила фальшивую подпись под договором аренды. Но это ему знать необязательно.

— Я весь в мыле, — раздраженно заметил он, будто это все объясняло.

Она помахала феном и нацелила его ему в грудь. Надо сказать, очень красивую грудь.

— Хотя в мыле, хоть в краске, хоть в навозе — мне плевать. Твоя жена сдала мне этот дом, и тебе нужно обратиться из моего душа.

Под неопрятными зарослями на его щеках наверняка должны были быть ямочки. Хотя трудно сказать, потому что больше он не улыбался.

— Донна мне не жена. Она — моя мать. И она не имела права сдавать этот дом, потому что он ей не принадлежит. Это мой дом.

* * *

Восемь тысяч миль. Именно такое расстояние преодолел Грант, чтобы принять душ.

Семьдесят два часа назад он еще находился в жарких и душных джунглях, где у него состоялся еще более жаркий и душный спор с Блейком Рокстоуном. Идиот-начальник был совсем не рад узнать, что его ведущий оператор и продюсер уходит в разгар съемок, но ему следовало подумать о таком варианте развития событий до того, как он увел у Гранта девушку. Разговор зашел в тупик, когда Блейк пригрозил подать на Гранта в суд за нарушение контракта. Плохо, что Грант не мог подать на Блейка встречный иск только за то, что тот — мудака.

После этого Грант сел в Пампанге на ветхий самолет с сомнительной готовностью к полету и следующие ужасные двадцать четыре часа провел зажатым между двумя японскими бизнесменами. Один из них храпел и пускал слюни, как сенбернар, а второй все норовил во сне положить голову на плечо Гранту.

Двенадцать часов назад он приземлился в Чикаго и обнаружил, что рейс до Белл-Харбора отменили из-за снежной бури. Он умудрился доехать до дома с группой верующих, которые щедро выделили ему место в своем церковном автобусе и таким чудесным образом спасли финальную часть его путешествия. Поэтому прямо сейчас единственным его желанием было отмыться под горячим душем и хорошенько выспаться.

Это означало, что кем бы ни была эта разъяренная шатенка, какую бы сделку она ни заключила с его чокнутой мамашей... Они могут обсудить это позже, когда он смоет с кожи наслоения джунглей и шампунь с волос.

— Что ты имеешь в виду под словом «мой»? Он не может принадлежать тебе. Я совсем недавно арендовала его, — сказала девушка, нацелив розовый фен прямо ему в сердце.

Если бы он не был таким уставшим, это показалось бы ему даже забавным. Она так держала в руках этот фен, словно могла защититься им. Но это же просто фен!

Он кивнул на него:

— Что ты планируешь сделать с этой штукой, милая? Засушить меня им до смерти?

— Именно. Я вызываю полицию. — Она отступила на шаг, одной ногой оказавшись в коридоре.

— погоди! Подожди! Подожди секунду. — Напряжение, которое росло внутри него уже много дней и только-только начало понемногу спадать, вернулось тупым ударом под дых. Да, лучше и придумать нельзя. Чтобы полицейские узнали о том, что он вернулся, прежде родных. Он хотел позвонить и предупредить их, но потом решил устроить им сюрприз. И мобильная связь посреди Тихого океана была такой, что не стоило даже пытаться звонить. Хотя, если учесть обстоятельства, он мог допустить в своих рассуждениях ошибку.

— Дай мне хоть мыло с себя смыть, ладно? С полицией мы только зря потеряем время, а если шерифом здесь до сих пор Микки Пинкертон, то до четверга он все равно сюда не доберется.

— Тогда я звоню твоей матери.

— Нет! — Он повысил голос, и огромные нежно-голубые глаза девушки вытаращились еще больше. — Слушай, я тебя прошу: не звони матери! Просто подожди, ладно? Я сейчас в очень невыгодном положении, тебе не кажется? Если ты проявишь совсем немного терпения, ты меня очень обяжешь. Мне никто не сообщал, что мой дом собираются сдать в аренду, и я думал, что здесь живет мой брат.

— Как-то не верится... — Она отступила еще на шаг, будто готовилась сбежать.

— Меня долго не было в стране. А моя мать несколько... ненадежна. — Самое мягкое слово, которым он мог обозначить, что его мать — ходячая

катастрофа в синтетическом спортивном костюме. Непредсказуемая, недалёковидная, она не могла ни контролировать свои порывы, ни решать проблемы, ни просчитывать последствия своих шагов. Конечно, она — его мать, и он по-своему любит ее, но и понимает, что любить ее на расстоянии гораздо проще.

Шатенка снова окинула его внимательным взглядом, затем так пристально посмотрела ему в глаза, что он почувствовал себя уязвимым... и немного возбуждился. Ему показалось, что он даже втянул живот, когда по нему скользнул ее сияющий взгляд. Такая милаха! Она даже покраснела. Он уже давно не видел, чтобы девушка или женщина по-настоящему краснела. Книга в его руке чуть дернулась, и он прижал ее к себе немного плотнее. Сейчас не самое лучшее время для эрекции.

Она положила фен на белую стойку и скрестила на груди руки.

— Как тебя зовут?

— Грант.

Она вздернула подбородок:

— Грант — а дальше?

— Грант Коннелли.

— Ага! — Она снова обеими руками схватила фен и прицелилась в него. — У моей домовладелицы другая фамилия! Кто ты такой? — требовательно спросила она и попыталась изобразить угрожающую гримасу. Однако напугать ею Гранта было невозможно. У Дилайни было лицо типичной королевы школьного бала: алые щечки, сияющие глаза. С хвостом на макушке, в обтягивающих джинсах

и красном свитере она казалась не более грозной, чем божья коровка.

Он медленно качнул головой:

— Она снова вышла замуж. Мою мать зовут Донна Бекетт. Ты ведь арендовала дом у нее?

Девушка притихла. Сомнение исчезло с ее лица, и в очевидном смущении она мягко вернула фен на место.

— Да.

Выброс в кровь адреналина, который захлестнул его, когда она вломила к нему в душ, постепенно перестал ощущаться, и на Гранта накатила еще более сильная усталость. С тех пор как Миранда ушла от него к Блейку, он нормально не спал, а последние несколько дней в пути были крошечным адом. Он просто хотел вытереться и где-нибудь уснуть.

— Хорошо. Позволь мне домыться, и мы с тобой поговорим, как только на мне будет больше одежды, ладно?

Она помедлила, и на ее лице снова появилось недоверчивое выражение.

Ее взгляд опустился на его пах.

— Ты мне книгу испортил, — заявила она и прижала большой палец к губам.

Он напомнил себе, что если она обнаружит его физический интерес, то вряд ли это сыграет в его пользу. Но он просто больше не мог сдерживаться. Раз уж она продолжает смотреть в том же направлении, он даст ей возможность кое-что увидеть.

— Вот эту книгу? — Он поднял ее на уровень груди и широко улыбнулся, когда она шлепнула ла-

донями по лицу так громко, что звук эхом отразился от стен ванной.

— О боже! Да. Эту самую книгу. Забудь. Верни ее на место. Верни на место! — Она отвернулась и замахала на него рукой, отказываясь смотреть.

Вау! И правда королева школьного бала. Она отлично вписалась бы в компанию прихожан из церковного автобуса, на котором он приехал домой. Грант посмотрел на промокшую мягкую обложку. На ней красовался полуголый мужчина с огромным мечом. И никаких фаллических символов.

— «Великий вождь»? Хм-м-м, выглядит забористо. Не волнуйся. Она высохнет.

Дилайни безнадежно замотала головой:

— Поверь мне. Она испорчена. Так что... полагаю... просто подожду тебя на кухне. Но... Но если ты не спустишься через десять минут, я звоню твоей матери. И вызываю полицию.

Глава 3

Шаги на лестнице Дилайни услышала только спустя двадцать минут. Выйдя из ванной, она уже раз пять хваталась за телефон, чтобы позвонить Донне Бекетт, но не позвонила, потому что ее просили этого не делать. В этом отношении она была очень щепетильна, и, кроме того, ей хотелось разрешить ситуацию по возможности мирно и без лишнего шума. Чем меньше вокруг нее людей, тем лучше. Разумеется, парень в ванной мог оказаться кем угодно — сбежавшим из тюрьмы уголовником, или торговцем наркотиками, или угонщиком машин, или сумасшедшим социопатом, или всеми сразу, но его слова звучали убедительно, и он совсем не был похож на сумасшедшего социопата. Хотя не то чтобы у нее был большой опыт общения с сумасшедшими. Впрочем, если посмотреть с другой стороны, то как раз такого опыта у нее было навалом. В конце концов, она выросла в Беверли-Хиллз.

Он вывернул из-за угла гостиной, одетый в потертые джинсы и белую футболку. На бицепсе темнела затейливая татуировка с инициалами. Дилайни не заметила ее, когда он был в душе. Ее отвлекали другие его... достоинства.

— Ты слишком долго возился, — заявила она.

— Собирал осколки. Похоже, кто-то уронил в ванной что-то стеклянное. — Не глядя на нее, он задержался возле термостата и отрегулировал температуру.

— Эй! Ты чем занимаешься? — Она снова схватилась за телефон. Может, все-таки *стоит* позвонить его матери?

Вот теперь он посмотрел на нее. При этом освещении его глаза уже не казались такими карими — у них появился зеленоватый оттенок. Взгляд его был устремлен прямо на нее, а ей этого совсем не хотелось.

— Я регулирую отопление. Здесь адски холодно, — заметил он.

— Нет! Потому что платить за тепло придется мне. Убавь отопление и надень свитер. И носки. А еще лучше — надень также ботинки и куртку и уйди куда-нибудь в другое место. Как, говоришь, тебя зовут?

— Грант Коннелли. — Он прошел мимо нее на кухню.

Она повернулась, не спуская с него глаз:

— Хорошо, Грант Коннелли. Ты помылся, вытерся и оделся. Теперь тебе нужно выметаться из этого дома. Потому что я взяла его в аренду и заплатила за нее!

Взявшись за ручку холодильника, он глянул на нее через плечо:

— У тебя есть еда?

— Что?

— Еда. Ну, ты знаешь. Что-нибудь такое, что можно съесть? — Его мокрые волосы были

такими лохматыми, будто после душа он отряхивался, как вылезшая из воды собака, а потом не причесался. Всклокоченная короткая борода казалась жертвой потерянной бритвы, а не стилевым решением. Очевидно, он не пытался никого впечатлить.

— Да, еда у меня есть, но я покупала ее для себя, — ответила Дилайни.

Он лукаво усмехнулся, из-за чего в уголках его глаз непонятного цвета собрались веселые морщинки.

— Если она хранится в моем холодильнике, значит, я тоже могу поесть ее, как ты думаешь? Я не могу уйти отсюда с пустым желудком.

У нее вырвался вздох облегчения. Уйти? Отлично. Он собирается уйти, значит, этот маленький домик снова будет полностью в ее распоряжении. Это было все, что ей нужно, — чтобы ее оставили в покое.

— У меня есть арахисовая паста и джем, — сказала она.

— Арахисовая паста и джем?! — Улыбка стала несколько напряженной, и он внимательно оглядел девушку. — Тебе сколько лет?

Первое правило знаменитости — никогда не отвечать на вопрос о возрасте.

— А тебе какое дело?

— Просто хочу убедиться, что не покрываю сбежавшего из дома шестнадцатилетнего подростка.

Дилайни скрестила на груди руки и хотела возмущенно топнуть ногой в пушистом тапке, но это вряд ли помогло бы ей доказать свою взрослость, поэтому она решила так не делать.

— Мне уже далеко не шестнадцать. Я просто люблю арахисовую пасту и джем. Может, я сделаю тебе сэндвич, пока ты собираешь свои вещи, а затем убе... — Тут ей в голову пришла новая мысль. — Где твоя машина?

Грант покачал головой и открыл холодильник. Он вел себя так, будто находится в собственном доме.

— У меня нет машины. Меня подвез сюда церковный автобус.

— Церковный автобус? — Только не это. Не хватало ей еще одного сына проповедника. Лучше бы его подбросила сюда летающая тарелка.

— Ага, точно. Церковный автобус. Аллилуйя и аминь. — Он поднял руки в жесте, воздающем хвалу Господу, затем с верхней полки холодильника ухватил яблоко. Казалось, он совсем не понимает ее настойчивых намеков, что кое-кому давно пора убраться отсюда ко всем чертям. Скорее по нему было видно, что он чувствует себя как дома, и его это вполне устраивает.

— Ну, если у тебя нет машины, значит, нужно вызвать такси. Уже довольно поздно, и на тот случай, если я еще не говорила тебе: я очень хотела бы, чтобы ты покинул этот дом.

Чем раньше он уйдет, тем быстрее она сможет свободно вздохнуть. По нему не скажешь, что он читает желтую прессу, значит, шансы на то, что он узнает ее, невелики. Но присутствие незнакомца нервировало. Тем более, в ее доме. Ну, или в его. Неважно, кем он приходится женщине, которая сдала Дилайни этот дом, она все равно совсем не знает этого мужчину.

Хотя уже успела увидеть его голым.

Вот об этой его стороне она знала всё. Дилайни снова икнула.

— Да, кстати, насчет отъезда. — Он положил яблоко на кухонный стол и провел ладонями по мокрым волосам, чуть пригладив их. Да, так он стал выглядеть гораздо лучше. Даже сексуально. Дилайни совсем не нужно было об этом думать, потому что ее колени ослабли, и ей стало трудно дышать.

Он шагнул к ней:

— Видишь ли, никто из родных до сих пор не знает, что я вернулся в город. Я хотел сделать им сюрприз, но сегодня для сюрпризов уже поздновато, поэтому я думаю переночевать здесь и уже утром позвонить матери. А пока... — Голос его понизился до хрипловатого шепота, а взгляд зеленовато-коричневых глаз встретился с ее взглядом. — Давай лучше я сам сделаю себе сэндвич, а ты расскажешь мне, почему у тебя в шкафу лежит рюкзак, битком набитый денежными купюрами.

Кровь застыла в жилах Дилайни, ее замутило, она не могла ни вдохнуть, ни выдохнуть и отпрянула от него, будто пытаясь физически увернуться от вопроса.

— Ты залез в мой шкаф?!

Он приподнял светло-каштановую бровь и сложил на груди мускулистые руки.

— Вообще-то формально это мой шкаф. Откуда у тебя такие деньги?

Будь все проклято! Она гораздо лучше контролировала ситуацию, когда этот парень был голый и мокрый. Мужчина без штанов всегда готов на уступки,

но сейчас именно она чувствовала себя беззащитной и уязвимой. Она глубоко и медленно вздохнула:

— Это мои деньги, и я ничего не должна тебе объяснять. С твоей стороны было крайне бестактно рыться в моих вещах.

Он пожал обтянутыми белой футболкой широкими плечами:

— Я увидел их случайно. Но, возможно, именно сейчас настала пора вызвать полицейских, чтобы мы оба с ними поговорили.

Он блефовал. Какой наглый блеф!

Дилайни выпрямилась и решила не отступать.

— Зачем тебе вызывать полицию только из-за того, что у меня есть деньги? Тебя они, знаешь ли, никак не касаются.

Он чуть наклонил голову:

— Возможно, ты и права, но я думаю, что буду спать спокойнее, зная, что ты не подружка какого-нибудь бандита, которая прячет в этом доме содержимое обчищенного им сейфа.

Она уперла кулаки в бока:

— Я что, похожа на подружку бандита?

Довольно глупый вопрос. Ей совсем не хотелось, чтобы он так изучающе вглядывался в ее лицо. С тем же успехом она могла вытащить последний номер журнала о жизни звезд и показать ему свою фотографию, хотя после приезда в Белл-Харбор она тупыми ножницами радикально укоротила свою длинную челку и покрасила привычно осветленные волосы в невнятный коричневый цвет. Без макияжа Дилайни была совсем не похожа на себя с фотографий из фотобанков, которые журналы брали

для обложек, но все равно жалела, что не нацепила на нос свои бутафорские очки. Она тряхнула челкой и откинула ее в сторону, будто это могло помешать мистеру Белая Футболка рассматривать ее все так же внимательно. Оценивающе. Изучающе.

— Нет, ты совсем не похожа на подружку бандита, — наконец заключил он. — Но я пытаюсь понять, почему человек с таким запасом наличных решил снять эту развалюху в Белл-Харборе.

Что она должна была на это ответить?

Из всех домов в округе ее угораздило снять именно тот, который изначально не предназначался для сдачи, а теперь в комплекте с ним идет еще и незнакомый парень. Ей явно не везло в последнее время. Начиная с того дня, когда ее бывший парень отдал желтой прессе компрометирующую видеозапись. Что же она натворила в прошлой жизни, чтобы угодить в такое положение?

Пришла пора сыграть на убедительности.

— Слушай, я могу поклясться, что деньги принадлежат мне. Я просто... просто хотела немного развеяться, поэтому забрала со счета всю наличку и решила прокатиться по стране. Мне показалось, что это — неплохое приключение.

Стоп. Это было сказано зря. Возможно, именно этого признания делать не стоило. При желании он может поступить так, что и она, и ее деньги растворятся в небытии, и никто из родных никогда не узнает, что с ней случилось. Будь все проклято! Похоже, ей нужно было гораздо тщательнее продумать все детали, прежде чем удариться в бег. Например, выяснить — это до сих пор называется

именно так? «Удариться в бега»? Но как бы это искусство ни называлось, Дилайни в нем не преуспела.

Грант потер яблоко об обтянувшую накачанный торс футболку.

— Ты приехала на поиски приключений? В Белл-Харбор? Посреди зимы? — Голос его звучал недоверчиво, и на то были причины.

Дилайни поправила хвост на макушке самым небрежным жестом, какой только могла изобразить.

— Я слышала, что здесь можно отлично показаться на лыжах. Но если ты сможешь забрать у матери деньги, которые я отдала за аренду, то я с удовольствием перееду в другое место.

Не то чтобы она и правда так думала. Она действительно могла переехать в другое место, но без всякого удовольствия. Ни один из домов, которые она успела осмотреть, не казался ей даже отдаленно приемлемым, а с ее удачливостью можно было ожидать, что даже если она решит вернуться в отель, по дороге ее засыплет снегом, и ее постигнет судьба Джека Николсона в «Сиянии»⁴. Да и город покинуть в такое время не получится. Повсюду, куда хватало глаз, лежал слой из шестнадцати футов снега, а машина у нее — чертов «Фольксваген-жук». Она чуть не опрокинулась в кювет, когда ехала из магазина домой.

Грант продолжал пристально смотреть на Дилайни, пока его давление почти не сломило ее. Может, стоит воспользоваться своей фирменной

⁴ Отсылка к американскому фильму *The Horror Is Driving Him Crazy* («Сияние») режиссера Стэнли Кубрика (1980) с Джеком Николсоном в главной роли.

улыбкой? С ее помощью ей удалось укатать его мать, но что-то подсказало Дилайни, что Грант более продвинут в интеллектуальном плане, чем Донна, поэтому она просто выжидала, а тем временем его тело, казалось, заполнило все пространство перед ней. От его кожи исходил аромат фирменного мыла ее матери. Имбирный персик. Очевидно, обычно Грант пахнет по-другому, но сама мысль о том, что он пользовался тем же мылом, что и она, заставил снова подогнуться колени, хотя сейчас для этого было совсем не время. Она скрестила на груди руки и постаралась принять решительный вид. Очень уверенный. И совсем не виноватый. В конце концов, деньги действительно принадлежали ей, и сейчас только это имело значение. Ему не нужно знать, по какой причине она покинула Беверли-Хиллз.

Он вздохнул, и вздох его был полон смирения.

— Клянешься, что ты не какая-нибудь девочка-скаут, которая сбежала из отряда, прихватив с собой все вырученные за печенье деньги?

Она подняла три пальца, надеясь, что правильно изображает скаутский салют:

— Клянусь!

* * *

Девушка точно была не из скаутов, и никто просто так не держит в рюкзаке такой запас налички, но Грант слишком устал, чтобы выяснять подробности. Он даже не собирался находить этот рюкзак. Он зашел в первую попавшуюся спальню и открыл шкаф, намереваясь закинуть туда свои вещи, но там уже лежал рюкзак с расстегнутой

молнией, из которого торчали пачки купюр. Если она и воровка, то явно не умеет прятать награбленное.

Он потер заросшую бородой челюсть и решил, что хватит с него размышлений. Что бы с ней ни приключилось, это не него дело. Завтра он увидится с матерью и остальными родственниками, вернет этой девушке залог и отправит ее восвояси.

Он снова повернулся к кухонному столу:

— Хорошо. Мне все равно. А где хлеб?

— И все? — удивленно пискнула она, а потом неожиданно икнула.

— Пока все. Я же говорил: больше всего на свете я хочу поесть и завалиться спать. Завтра я верну тебе залог, и ты сможешь поискать себе другое жилье, потому что здесь ты оставаться не можешь.

— Залог и арендную плату за полгода, — уточнила она.

— Что?!

— Я вручила твоей матери залог и внесла арендную плату за полгода, так что она должна вернуть мне всю эту сумму. Наличными.

В голове у него, словно филиппинские барабаны, глухо застучала кровь. Все дела, в которых оказывалась замешана его мать, никогда не решались гладко, а в данном случае ситуация пахла настоящей катастрофой. Он резко повернулся, надеясь, что девушка просто исчезнет. Что все это ему всего-навсего приснилось. Но нет, она стояла на прежнем месте и глядела на него широко распахнутыми невинными глазами, которые говорили о том, что она очень далека от невинности.

— Прощу тебя, скажи, что ты не заплатила моей матери *наличными*.

Она нахмурилась — нежная, как рассерженный котенок. К счастью, девушка казалась чрезвычайно милой, но сейчас Гранта заботило только увлечение матери азартными играми. Донна очень любила игровые автоматы. К сожалению, это чувство не было взаимным. Если в кармане у нее сначала было пятьдесят баксов, а потом их уже не было, то она еще могла как-то выкрутиться и сказать, что потеряла их. Но в случае с полугодовой платой за аренду... можно было только сказать, что это слишком большая сумма, чтобы жертвовать ее местному казино «Четыре орла».

— Да, я заплатила наличными.

— Можешь уточнить, сколько именно ты ей заплатила?

— Шесть тысяч долларов.

Он с силой ударил себя ладонью по лбу:

— Когда ты отдала ей деньги?

— Четыре дня назад. В тот же день, как въехала сюда. А что?

Четыре дня! Будь все проклято! Если бы он просто позвонил и предупредил, что возвращается, ничего этого не произошло бы. Если бы он сразу, как только получил приглашение от Тайлера, сообщил родным, что приедет, дом оставался бы пустым и дожидался бы его. Только его. Милая шатеночка с рюкзаком, полным налички, проехала бы мимо, а не забивала бы его шкафы своими вещами и не вламывалась бы к нему в ванную. Но он не позвонил. Он хотел сделать сюрприз, но в ито-

ге сам оказался по уши в сюрпризах. Теперь ему предстоит разбираться с этой девушкой, потому что если с того момента, как он в последний раз разговаривал с Тайлером, характер матери не успел кардинально измениться, то хрена с два у нее все еще есть эти деньги.

— Как, говоришь, тебя зовут? — В голове толчками билась кровь, и он никак не мог вспомнить, представилась она или нет, а думать о ней как о девочке-скауте было несколько непристойно, потому что выглядела она слишком привлекательно.

Дилайни чуть помедлила, но было заметно, как в ней постепенно нарастает тревога.

— Элейн Мастерс. Из Майами. Как вышло, что это твой дом, но ты не знал, что твоя мать сдала его в аренду?

— В прошлом году умер мой дед. Этот дом он оставил мне в наследство, но я только сейчас нашел время, чтобы сюда вернуться. Из-за работы я большую часть времени проводил за границей. Последнее, что я слышал: здесь какое-то время жил мой брат. — Грант снова начал искать на кухне хлеб, по большому счету для того, чтобы просто чем-то заняться. Если он не будет смотреть в ее нежно-голубые глаза, то, возможно, вернет себе способность ясно мыслить, ведь именно сейчас ему нужно все хорошенько обдумать. И молиться, чтобы мать не успела проиграть все деньги.

— А кем ты работаешь? — Она шагнула к нему, открыла кухонный шкафчик и показала на хлеб.

Он благодарно кивнул и взял с полки буханку.

— Я — видеооператор.

Она хлопнула дверцей шкафа так сильно, что зазвенела посуда:

— Видеооператор? В смысле, орудуешь камерой?

Грант вроде не сказал ничего похожего на «торговец оружием» или «злойбный ученый», но она смотрела так, что он засомневался в своих словах.

— Ну да, типа того. Слышала про шоу «Один человек — одна планета»?

— Да, — резко сказала она и плотно сжала губы.

Он показал на себя большим пальцем:

— Всего несколько дней назад я был ведущим оператором и сопродюсером этого шоу. А потом уволился.

От этого признания у него потеплело на душе. Он все-таки уволился. И не потому, что сбежал от скандала с Блейком и Мирандой, но из-за того, что хотел двигаться дальше, к осуществлению своих собственных мечтаний.

— Ты часто бывал в Лос-Анджелесе? — спросила она таким тоном, будто интересовалась, была ли у него судимость, или его арестовали по ошибке.

— Я старался там не задерживаться. Не люблю Лос-Анджелес.

— Почему?

Он вытащил из пакета два куска хлеба и положил их на тарелку.

— В нем нет души. Когда я начинал карьеру, то проводил в Лос-Анджелесе много времени, но мне скоро стало ясно, какое там все фальшивое. Я был очень рад оставить за спиной этот город.

Снаружи завыл ветер, и от тоскливого воя задребезжали оконные стекла. Сквозняк из-под двери ледяной волной прошелся по его босым ступням, и он попытался вспомнить, когда в последний раз ему было холодно. Блейку не нравилось дрожать в кадре от холода, поэтому съемки проходили в теплых странах, и Грант почти забыл, какой бывает настоящая зима в Белл-Харборе. Теперь он начал вспоминать, почему так стремился отсюда уехать.

— А почему ты вернулся в Белл-Харбор? Насовсем? Или просто проездом?

Очевидно, его мотивы почему-то казались этой девушке подозрительными, но он даже представить не мог почему. Это же не он разгуливал по стране с рюкзаком, набитым наличкой.

— Я задержусь тут на какое-то время. Говорю же, я только что уволился, поэтому пока не совсем определился, что делать дальше. — В другом шкафчике он нашел арахисовую пасту и вернулся к холодильнику за джемом. Дилайни отошла к стене, еще более настороженно наблюдая за ним. Она смотрела на него так, будто он повел себя необдуманно и совершил ошибку. Но в сложившейся ситуации не было его вины. Собственно, и ее тоже. Проблема заключалась в Донне.

— Слушай, — сказал он, намазывая джем на хлеб, — я вообще-то славный парень, но очень устал, поэтому собираюсь съесть этот сэндвич и завалиться спать. Если ты тоже хочешь ночевать в этом доме, нет проблем. Ну, или можешь отправиться в гостиницу. В любом случае завтра я постараюсь вернуть тебе деньги. Хорошо?

Грант не считал, сколько пачек с купюрами было в рюкзаке, но у него создалось впечатление, что их вполне хватит, чтобы с комфортом переночевать где-нибудь в другом месте. Но он не был настолько бездушной скотиной, чтобы поздно вечером, да еще в такую погоду выставить ее из дома. Он бросил на нее взгляд и увидел, что она смахнула с глаз слезинки, но потом быстро заморгала и посмотрела в окно, словно оценивая свои возможности.

Учитывая обстоятельства, нетрудно было понять, почему она расстроилась. Все-таки речь шла о ее деньгах. И хотя он-то понимал, что с ним она в безопасности, сама девушка этого не знала. Он не выгонит ее на улицу, если ей некуда идти, но и этого она тоже не знала.

Его охватило раздражающее желание поступить с этой бедняжкой благородно, по-рыцарски, и вызвано оно было не иначе как голодом и крайней усталостью. Потому что пусть даже Грант Коннелли — славный парень, но не настолько же! Больше всего ему хотелось, чтобы она убралась из этого дома, однако он обязан был предложить ей другой вариант.

— Тут совсем не Майами, правда? Кстати, если ты хочешь, чтобы я переночевал в другом месте, я могу это сделать. И, думаю, мне нужно позвонить матери.

Глава 4

— Наконец-то! О, Карл, иди сюда, поздоровайся! Ты, конечно, помнишь моего старшенького, Гранта? А это Элейн. Она арендовала у нас дом.

Было уже около девяти вечера, когда Дилайни и Грант приехали в дом его матери. Пара черных лабрадоров скакала и лаяла вокруг них так радостно, будто бедные псы никогда в жизни не видели людей. Донна разволновалась не меньше, чем собаки, щеки ее порозовели, и она так крепко обняла Гранта, что тот резко выдохнул.

— Ладно, мама. Я тоже рад тебя видеть, — произнес он, улыбаясь, и похлопал ее по спине, будто напоминая о том, что пора выпустить его из объятий.

Вместо толстовки с ламантином сегодня на Донне красовался кардиган персикового цвета, который совсем не гармонировал с цветом лица, и Дилайни начала мысленно ее переодевать. Профессиональная деформация от работы стилистом — она постоянно мысленно меняла людям стиль. Когда-то мать Гранта была очень красивой. Тонкие черты лица, красивый цвет глаз. Немного усилий — и ее домовладелица могла бы стать даже привлекательной.

Правда, про ее дом нельзя было сказать то же самое. Ему явно требовался капитальный ремонт. Снаружи дом притворялся швейцарским шале, но внутри царила американская безвкусица. Дешевые рыжеватые панели, гигантский диван с обивкой оттенка «ржавое авокадо» и ковер семидесятых годов мутного лососевого цвета. Каждый дюйм стен заполняли разнородные рамки с семейными фотографиями, а где не было фотографий, там висели чучела голов животных — оленей, баранов, кроликов и еще кого-то, похожего на домашнюю разновидность горного козла. Кто-то из их семьи явно увлекался охотой. Прелестно! Если разговор о деньгах станет напряженным, голова Дилайни вполне может украсить стену этого дома.

— Не верится, что ты вернулся! — сказала Донна Гранту. — Я едва удержалась на ногах, когда услышала в трубке твой голос! — Она обняла его, за руку увлекая за собой на кухню с лимонно-желтыми стенами. Большую ее часть занимал огромный сосновый стол, в центре которого стояла увядшая пуансеттия. Без сомнения, цветок остался здесь с Рождества, хотя, судя по его виду, это Рождество было не меньше пяти лет назад. — Мы даже не знали, приедешь ли ты на свадьбу, — продолжала Донна. — Твой брат говорил, что неделями безуспешно пытается дозвониться до тебя. Ох, он так тебе обрадуется!

Грант внимательно осмотрелся, будто снова пробуждал в памяти воспоминания о доме, где прошло его детство, и Дилайни оставалось только гадать,

как давно он не приезжал в Белл-Харбор. Судя по поведению матери, очень давно.

— Я был в глухих джунглях, мама, — ответил Грант. — Когда находишься в тридцати милях от ближайшей сотовой вышки, не приходится надеяться на хороший прием.

— О да, разумеется. Дай я на тебя посмотрю! — Донна обхватила ладонями его лицо. Грант был выше ее на голову, поэтому ей пришлось встать на цыпочки. Мама и взрослый сын — такая милая сцена, и Дилайни даже стало немного неловко, но Грант настоял, чтобы она поехала вместе с ним. Наверное, чтобы быстрее отдать ей деньги и отделаться от нее. — Вы только посмотрите на это личико, — произнесла, улыбаясь, Донна и повернула его голову сначала в одну, потом в другую сторону. — О боже, как же я по нему скучала! Если не обращать внимания на бороду, то ты выглядишь в точности как отец.

Грант поймал ладони Донны и мягко убрал их от лица. Возможно, потому, что та, судя по всему, собиралась потрепать его по щекам.

— Очень здорово снова оказаться дома, мама. Ты отлично выглядишь.

— Ой. — Она кокетливо поправила светлые кудряшки. — Как мило с твоей стороны! Карл, правда же, он у меня очень милый?

Дилайни повернулась и увидела, что на кухонную стойку опирается высокий сухопарый седой мужчина в пушистом банном халате поверх черно-красных фланелевых пижамных штанов. Он поднял банку с газировкой в знак приветствия.

— Рад снова видеть тебя, парень. С прошлой нашей встречи много воды утекло, не так ли? Могу я предложить вам коктейльчик из тернового джина?

— О, Карл, не надо этих глупостей. Никому не нравятся такие коктейли. — Донна махнула на него рукой, чтобы он замолчал.

Карл приподнял седую бровь:

— А как насчет лимонного коктейля с амаретто? «Фил Коллинз»?

— Он называется «Том Коллинз», — заметила Донна, затем снова повернулась к Дилайни и сыну: — Может быть, кофе?

Дилайни глянула на Гранта. Он собирается остаться здесь надолго? Или намерен забрать деньги и сбежать? Как у них в семье принято? Одно она знала точно: у нее прискорбно малый выбор. Если дом и правда его, тогда подписанный ею контракт ничего не значит. Ситуация еще усугубилась тем, что она, Дилайни, не та, за кого себя выдает. Но деньги принадлежат ей по праву, и семья Гранта обязана их вернуть.

— Кофе? Разумеется, — согласился Грант. Он выдвинул для Дилайни потрепанный деревянный стул. Хорошо. Значит, они задержатся здесь. По крайней мере, ненадолго.

Донна расправила на животе персиковый кардиган:

— Я вижу, вы уже встретились. Должно быть, знакомство вышло... интересным.

— Можно сказать и так, — ответил Грант и сел рядом с Дилайни. — Тебе не приходило в голову,

что мне нужно заранее сообщить о том, что собираешься сдать мой дом в аренду?

Щеки Донны покраснели.

— Мы пытались дозвониться до тебя, дорогой, но связаться с тобой так трудно. И ты сам мог бы звонить почаще, знаешь ли.

Карл сел по другую сторону от Дилайни.

— А ты когда-нибудь пробовала коктейльчики из тернового джина? Они превосходны.

— Не сейчас, Карл, — тоном наставницы произнесла Донна, положив ладонь ему на плечо, а потом отошла от него и начала возиться с кофеваркой. — В любом случае мы пытались сообщить тебе, Грант. Но дело в том, что ты действительно об этом не знал. Так что, полагаю, тебе нужно на время найти другое жилье. На свадьбу придут твои сестры, и моя сестра Тина, конечно, тоже скоро будет здесь, но, думаю, диван для тебя мы выделить сможем.

Судя по выражению лица Гранта, предложение его не обрадовало.

Дилайни икнула.

— Или, — медленно начал Грант, — мы могли бы вернуть Элейн те деньги, которые она заплатила за аренду, и она переедет в другое место. Лично я за такой вариант. Так что, умоляю, скажи, что они еще у тебя.

Мать Гранта внезапно обратила все внимание на фильтры для кофеварки, и в груди у Дилайни стало тесно, будто она слишком долго просидела в сауне.

— Кто «они»? — спросила Донна.

— Деньги, которые она отдала тебе за аренду.

Донна медленно повернулась к ним:

— Вообще-то не совсем.

— Что значит «не совсем»? — переспросил он.

— Это значит — нет. У меня их нет. Я их уже потратила.

Давление в груди все нарастало, и когда Дилайни снова икнула, ей стало больно. Конечно, эта женщина уже потратила деньги. Потому что с чего бы должна закончиться полоса ее неудач?

— Все? — резко спросил Грант. — Ты потратила деньги за шесть месяцев аренды всего за четыре дня? Как? В казино?

— Нет. — Донна сделала возмущенное лицо, но потом погрустнела: — Ну... да. Малую часть. Не все. Потому что, знаешь ли, были ведь еще расходы на свадьбу. К тому же я хотела купить Тайлеру и Иви хороший подарок. Ты даже не представляешь, сколько всего сделал Тайлер для нас с Карлом. Ну разумеется, тебя ведь здесь не было. Но все вокруг продолжают мне говорить, что нужно платить за то, что мне хочется, а не просто брать, и поэтому на этот раз я отдала за покупки настоящие деньги. Я купила им чудесный подарок. Тайлер и Иви будут в восторге. — Она глубоко вздохнула и взяла из пачки фильтр для кофе. — Но денег у меня все равно уже нет.

Дилайни сжала под столом кулаки. Нет, нет, нет... Деньги пропали, как и все ее надежды быстро решить вопрос. Все, что у нее осталось, лежало в рюкзаке, и хотя ей, разумеется, хватило бы, чтобы продержаться несколько месяцев и даже больше,

но шесть тысяч долларов за аренду пробили изрядную брешь в ее финансах.

Грант провел ладонями по лицу и на добрые пять секунд прижал пальцы к вискам. Дилайни посмотрела на Карла.

— Коктейльчик с джином? — одними губами прошептал он ей.

Она покачала головой, но подумала, что, возможно, на этот раз стоило согласиться. Ей сейчас не помешало бы выпить.

Грант бессильно уронил руки на стол и тяжело вздохнул.

— Ладно, мама. Значит, мы можем сдать подарок, который ты купила, и оформить возврат денег из магазина, потому что Элейн хочет назад арендную плату. И ей нужно скорее найти другое место для жизни.

Да, ей действительно надо было подыскать себе другое жилье. И деньги ей правда были нужны. Может быть, папарацци угомонятся быстрее, и она сможет вернуться домой раньше, но пока они интересуются ею, возвращение в Беверли-Хиллз точно не вариант.

Лицо Донны, пока она старательно вставляла фильтр в кофеварку, приобрело розовый цвет оттенка «у меня большие неприятности».

— Сдать подарок? Я не думаю, что его можно сдать.

Мускулы на челюсти Гранта чуть напряглись, и он забарабанил пальцами по столу.

— Нельзя сдать? Почему? На нем выгравировали монограмму?

— Нет, но на ней могло быть клеймо.

— Какое еще клеймо? Что ты им, черт возьми, купила?

Донна открыла банку с кофе и зачерпнула ложкой коричневый порошок.

— Корову.

Грант одновременно с Дилайни изумленно открыл рот, но оправился он гораздо быстрее, пока она только соображала, как снова начать дышать.

— Корову? — переспросил он.

— Да, корову. — Донна повернулась и посмотрела ему прямо в глаза. — Иви всегда говорила, что мясо сейчас очень нездоровое, с кучей гормонов, животных плохо кормят, и много чего еще. А моя подруга, Доди Бейкер, рассказала, что недавно купила себе корову, которую теперь кормят только свежей травой, и она будет жить на ферме, пока не придет ее время попасть на стол. Счастливая корова. И я подумала, какая отличная идея для подарка.

— Корова — отличный подарок, — задумчиво произнес Карл, доставая из пачки на столе сигарету. — Интересное замечание. Или лучше сказать — замычание?

— Пускать свой мерзкий дым ты будешь на улице, Карл, — заметила Донна.

Он согласно кивнул и все равно закурил сигарету.

Грант подался вперед и положил ладони на стол, растопылив пальцы.

— Хорошо. Так сколько стоила корова?

Донна отвела взгляд, положила в кофеварку еще ложку молотого кофе и захлопнула крышку.

— Ну... я же не могла купить им просто корову. Я купила еще и морозильную камеру. Вот на что ушло больше всего денег. На морозильную камеру.

— Именно это я называю «заморозить деньги», — заметил в пространство Карл.

Дилайни посмеялась бы, не будь она так потрясена невозможностью всего происходящего. Эта семейка идеально подошла бы для съемок реалити-шоу.

— Ты купила им корову и морозильную камеру, — ровным голосом заметил Грант. По нему трудно было сказать, что он в шоке, но Дилайни считала, что свежезабитая корова и морозильная камера — возможно, самый ужасный подарок на свадьбу, который только можно вообразить. Может, для Среднего Запада это нормально?

— Тайлер знает, что ты им купила? — продолжил Грант.

— Конечно же, нет. Я хотела сделать сюрприз! И ты тоже им... ни-ни. — Она повернулась ко всем спиной, чтобы наполнить кофеварку водой из крана, но продолжала говорить: — Знаешь, ведь отчасти ты сам в этом виноват, Грант. Дом стал твоим только потому, что тебе его оставил дед, и его предсмертным желанием было, чтобы ты вернулся в родной город и воссоединился с семьей. Но ты ведь так и не вернулся, правда? Нет. Ты мотался по всему миру, продолжая избегать нас.

Грант так резко откинулся на спинку стула, будто получил удар в челюсть. Щеки его покраснели. Ну, по крайней мере та их часть, которую можно было

разглядеть над бородой. Перед Дилайни открывалась чужая семейная история, что возбуждало в ней любопытство, но она была здесь всего лишь зрителем.

— Я не просто мотался по миру, мама. Я работал. И никого я не избегал.

Донна так резко повернулась к нему, что из кофеварки выплеснулась вода:

— Ну да, конечно. Ты залишься на меня с того самого дня, как я вышла замуж за Хэнка. Не думай, что я этого не знаю.

Хэнк? Что еще за Хэнк? Дилайни украдкой взглянула на Карла.

Он, не двигая верхней губой, выдул дым из уголка рта:

— Хэнк. Ее второй муж. А я — номер три. Бог троицу любит. — Он кивнул Дилайни, ожидая ее согласия. Она слабо улыбнулась. А что еще ей оставалось делать? Она не должна была находиться здесь. Ей более чем хватало своих семейных проблем, и она не желала вмешиваться в дела еще и этой семьи. Она просто хотела забрать свои деньги.

Грант вздохнул:

— Мам, сейчас не время для подобного разговора. Сейчас нам нужно выяснить, где взять деньги, чтобы вернуть их Элейн и чтобы она могла выселиться из моего дома. — Грант перевел взгляд с матери на Карла: — Не думаю, что у тебя есть деньги, правда?

Карл покачал головой. Выглядел он при этом все так же спокойно.

— Нет. Прости, парень. Но я могу смешать тебе коктейльчик. За свою жизнь я убедился в том, что многие проблемы решаются намного легче, если собеседники выпьют по коктейлю.

Дилайни почувствовала острую потребность согласиться с ним, но решила не открывать рот. Если бы она проявила такое же благоразумие с Бойдом, то не попала бы в эту передрагу.

— У тебя есть деньги, Грант? — Донна шагнула к нему, не обращая внимания на мужа. Судя по всему, мать уже простила сына за шатания по миру и нежелание общаться с родными. Она положила ладонь ему на руку. — Может, ты расплатишься с Элейн, а мы потом отдадим тебе долг?

Он покачал головой:

— У меня нет в запасе лишних шести тысяч долларов, мама. Большую часть наличных денег я вложил в текущий проект, и пока Блейк не перестанет вести себя как мудака, я не смогу их забрать. Он хочет подать на меня в суд за нарушение контракта.

Мать отняла ладонь от его руки и прижала ее к сердцу, но в ее вздохе не было сочувствия — он был полон страстного обожания.

— Ох, тот самый Блейк Рокстоун! Что за мужчина!

— Мам, ты что, не слышишь, что я говорю? Я ведь только что сказал, что он хочет меня засудить. Он полный мудака.

Дилайни всего раз или два видела по телевизору шоу Гранта и считала, что его ведущий привлекателен не более, чем одноразовый пластиковый стакан. И личико у него было такое же гладкое, как

формованный пластик. Ботокс она могла распознать с первого взгляда, и тот парень явно увлекался им.

— В моем доме я попрошу вас выбирать выражения, юноша, — осадил его Донна. — С тебя четвертак в штрафную копилку.

Грант провел рукой по волосам, из-за чего они стали еще более взъерошенными.

— Запиши на мой счет. А пока расскажи мне все, что ты знаешь об этой корове и морозильнике, а я подумаю, как можно вернуть уплаченные за них деньги.

Донна помотала головой:

— Ты не будешь их возвращать. Потому что это мой подарок Тайлеру и Иви.

Грант наконец позволил прорваться раздражению в голосе:

— Мама, я уверен, что Тай и эта его Ивлин все поймут, учитывая обстоятельства.

Мать подошла вплотную к сыну и рассерженно наставила на него указательный палец, едва не касаясь носа.

— Нет, ты меня не понял, мистер Умник. Тот дом пустовал многие месяцы, и дедушка умер, так и не получив от тебя ни единой весточки. Тайлер не хотел в нем жить, но все же согласился побыть там какое-то время, чтобы сохранить дом в хорошем состоянии к твоему возвращению. Он подстригал лужайку, убирал снег и даже сделал ремонт. Мы попросили бы заняться этим тебя, но ты никогда не перезванивал в ответ на наши звонки. Ты даже на письма отвечал через раз. С тобой почти невозможно было связаться, а оставлять дом пу-

стым было бессмысленно, и поэтому я сдала его внаем. — Мать выпрямилась и сложила на груди руки, довольная тем, что наконец высказала свою точку зрения. — Я с честными намерениями взяла с этой молодой леди арендную плату и пообещала ей, что она сможет полгода спокойно жить в том доме. Так что именно тебе стоит найти другое жилье, пока не закончится срок ее аренды. И возможно, это научит тебя хотя бы иногда звонить матери.

* * *

— Хорошо поговорили, — сказала Дилайни, когда они снова забрались в мелкий желтый кусок дерьма с логотипом «Фольксвагена», куда Грант с трудом мог втиснуть ноги. На улице было темно и холодно, прямо как у него на душе.

Грант ничего не ответил. В ушах его все еще звенело от выговора, который устроила ему мать. Похоже, что у нее тоже накопилось возмущение, но, с другой стороны, чего она ожидала от него? Она вышла замуж за Хэнка всего через несколько месяцев после смерти отца, и этот сукин сын Хэнк сразу дал понять, что в их доме места для Гранта нет. Поэтому Грант ушел.

Затем Хэнк пропал, и вместо него появился Карл. Грант тогда с головой ушел в работу, и ему стало труднее планировать поездки домой. За последние годы он навещал родных несколько раз — хоть он не намеревался надолго покидать их или исчезать у них из виду, но каждая попытка вернуться в Белл-Харбор утыкалась в новое назначение. Он еще не дорос до таких высот, чтобы отказываться

от выгодных деловых предложений. Неудачное время и слишком большое расстояние не позволили ему приехать на дедушкины похороны — в конце концов, он же тогда был в Пномпене и при всем желании не смог бы вовремя попасть домой. И разумеется, иногда он бывал весьма небрежен с ответами на письма и звонки, но матери необязательно было срываться на нем при незнакомом человеке.

— В общем... как-то так, — спустя некоторое время добавила Дилайни, так и не дождавшись от него ответа. Она повернула ключ в замке зажигания, и двигатель, прокашлявшись, неохотно завелся. — Похоже, мы в тупике. Какие будут предложения?

Он сжал кулаки.

Черт!

Черт! Черт! Черт!

Ну что он мог предложить?

Не может же он пинками выгнать ее из дома. Дилайни ни в чем не виновата, и пусть даже у нее есть рюкзак, полный налички, она добросовестно заплатила за шесть месяцев аренды. Что, если она потащит их в суд? Только этого ему не хватало — судиться одновременно и с ней, и с Блейком. Какую шикарную головную боль он приобретет! Ему нужно как-то рассчитаться с ней или найти себе другое жилье.

Грант откинул с глаз упавшую на них прядь волос. Ему совсем не помешало бы постричься. И найти костюм на свадьбу брата. И еще машину. И продукты. И купить нормальную зимнюю одежду. И часов пятнадцать подряд проспать, и чтобы его никто при этом не трогал. Теперь он понимал, по-

чему младенцы так громко вопят, когда устают. Он чувствовал себя глубоко несчастным. Лучше бы он остался в гребаных джунглях. Цивилизованный мир для него слишком сложен.

— Хорошо. Давай посмотрим, — наконец сказал он, пока Дилайни медленно выезжала с покрытой снегом длинной подъездной дорожки. — Дело вот в чем. Следующие несколько дней я буду по горло занят семейными делами. Ты, наверное, поняла, что в самое ближайшее время женится мой брат. Позже я смогу подыскать себе новое жилье, или ты можешь подыскать себе новое жилье, или переехать в отель, но пока...

Голос его затих. Ему самому идея казалась довольно безумной. Безумной до смешного. Они совсем не знают друг друга, но он достаточно пожил в тесных каютах и кемпингах и понял, что жить по соседству с незнакомцами не так уж и сложно. По крайней мере, ему. Если у него получалось не обращать внимания на Миранду на расчищенном участке джунглей площадью в двадцать пять квадратных футов, то с этой девушкой в одном доме он вполне сможет ужиться.

— Что пока?

— Мы можем вместе жить в моем доме.

— Ты хочешь, чтобы мы жили там вместе? — Она внезапно свернула в сугроб. Машина въехала в него и заглохла.

— Только несколько дней, пока я не разберусь с делами и не придумаю что-нибудь получше. Я имею в виду, что ты в любой момент можешь съехать, но суть в том, что твои деньги за аренду

пропали, и пока я не могу тебе их вернуть. Возможно, примерно через неделю у меня получится их достать. Но не сейчас.

— Разве у тебя нет друзей, у которых ты мог бы пока пожить? Или у матери? — спросила она, нажимая на педаль газа, из-за чего автомобиль еще глубже зарылся в снег.

Похоже, жители Майами не в курсе, как выезжать из сугроба.

— Выпрями руль. И когда жмешь на газ, не забывай о тормозе.

— Что?

— Поверь мне. Так ты правильно перераспределишь крутящий момент и усилишь сцепление с поверхностью. Но не дави педаль в пол — газуй осторожно. — С третьей попытки они все же выбрались из сугроба и поскользили дальше по обледенелой дороге. — И нет, я не смогу остаться с матерью и Карлом. И друзей, у которых я мог бы пожить, у меня тоже нет. Только не в этом городе. На тот случай, если ты не все поняла из слов моей матери, я не слишком-то общался со старыми знакомыми из Белл-Харбора.

— А разве ты не можешь остановиться в гостинице?

Рукой в перчатке он потер подбородок:

— Думаю, мог бы, но если честно... я не хочу. Это мой дом, поэтому, несмотря на то, что говорила моя мать, твой договор аренды недействителен. Если я остановлюсь в гостинице, то просто зря потрачу деньги. И ты тоже потратишь их зря, это правда. Но если мы некоторое время проживем в одном доме,

я найду способ вернуть тебе все деньги. Неплохая сделка, как тебе кажется? Ты можешь оставаться здесь и не платить за аренду, пока один из нас не придумает что-нибудь получше.

Дилайни молчала. Дворники со скрипом сметали с лобового стекла снежинки. Снег повалил с новой силой, в воздухе кружили крупные хлопья. Поворачивая на очередную улицу, она побелевшими руками сжала руль. По машине хлестнул порывистый ветер. Ужасная погода для вождения. Ужасная погода для всех, кто не сидит возле горящего камина с бутылкой пива в одной руке и пультом дистанционного управления в другой. Вот чего Гранту сейчас хотелось больше всего. Камин, пиво, футбол. А еще лучше — большая мягкая постель.

Наконец Дилайни обреченно вздохнула:

— Мне совсем не нужен сосед по дому.

— И мне тоже, если честно. Но мне кажется, что это хорошее предложение. У тебя сейчас гораздо больше денег, чем у меня...

— Эти деньги... — перебила она его, но тут же замолчала и крепко сжала губы, затем продолжила, уже тише: — ...На эти деньги я рассчитывала прожить какое-то время. Это все, что у меня есть.

Все, что у нее есть? Казалось, в рюкзаке куча денег, но эта девушка многого недоговаривала, и вне зависимости от ее текущей финансовой ситуации его семья все равно должна ей шесть тысяч долларов.

— Послушай, я так и так собираюсь вернуть тебе деньги и не хочу вести себя как последняя сволочь, но сейчас у меня нет времени искать себе другое жилье. На этих выходных женится Тайлер,

так что мы можем пожить в одном доме, скажем, четыре дня — ну, или пять, — затем я что-нибудь придумаю. Я не спал уже тридцать шесть часов, и сейчас самое большое мое желание — где-нибудь прилечь. Хочешь — оставайся, хочешь — уезжай, но дай мне время все обдумать.

Она тихо вздохнула, и белое облачко пара рассеялось в холодном воздухе внутри машины. Повисла тишина.

— Хорошо, — наконец ответила она. — Думаю, ничего страшного в этом нет. Наверное. Но я согласна всего на несколько дней, потом ты либо уезжаешь, либо возвращаешь мне деньги. Договорились?

Внутри него прокатилась волна тепла. Неожиданное ощущение. Что это? Облегчение?

Разумеется, ведь если она останется, он не будет чувствовать себя виноватым за то, что выгнал ее, а если и ему можно остаться, тогда не придется в ближайшие часы спешно искать себе жилье. Он просто пошел по пути наименьшего сопротивления, нашел самое простое решение, и оно им подошло. По крайней мере, на некоторое время. Много места Элейн не займет, болтать, похоже, она тоже не любит.

— Договорились, — согласился он.

Все должно получиться.

Или... он совершает ужасную ошибку.

Глава 5

Да, Грант Коннелли совершил ужасную ошибку. Элейн Мастерс вела себя тихо, и он оценил это по достоинству. Большинство знакомых ему девушек и женщин стремились посвятить его во все подробности своей жизни, вплоть до самых незначительных, но не его соседка. Она почти не заговаривала с ним. Прошло уже полтора дня, и все это время она занималась тем, что читала, тихо бормотала по телефону и возилась с вязальными спицами. Из этой возни, впрочем, ничего достойного пока не выходило. Вязание сопровождалось тихой руганью, за которой следовали звуки, будто что-то мягкое бросают в мусорную корзину.

Но эти занятия его не беспокоили.

В отличие от йоги.

Йоги, которой она занималась уже почти час, одетая в крошечный спортивный топ и обтягивающие штаны. Он пытался не смотреть на нее, но дом не был настолько большим. Если только Грант не запирался в спальне или в ванной, он мог ее видеть. Как она растягивается. Пытается удержать равновесие. Выгибается. Господь свидетель, как она выгибается! Она была гибкой, словно стриптизерша, и в десять раз сексуальнее, потому что сама не замечала этого.

— Это что, мои трусы? — Ее голос прервал его непристойные мысли.

Он как раз пришел в гостиную, чтобы сказать ей, что ее трусики случайно попали в его стирку, но потом безнадежно отвлекся на вид ее ягодич. Хотя вряд ли его можно винить в этом. Он всего лишь зашел в комнату, и прямо перед ним зависла в воздухе аппетитная кругленькая попка. Ну, что еще ему оставалось, кроме как наслаждаться зрелищем?

Дилайни поднялась с коврика и посмотрела на его руку, в которой он рассеянно поглаживал большим пальцем розовый шелк. Черт бы его побрал. Она решит, что он извращенец.

Грант откашлялся.

— Хм-м-м. Думаю, что да. Они оказались в сушилке с моей стиркой, и я на сто процентов уверен, что они не мои. — Он протянул ей трусики, удерживая в пальцах тонкую кружевную полоску, и она выхватила их из его рук.

— Спасибо. Ты собираешься уходить? — Она кивнула на куртку, которая висела у него на сгибе локтя.

— Что? Ах, да. Мы с братом договорились вместе пообедать.

Она выглянула на улицу — за окном бушевала пурга.

— Он заберет тебя на машине?

— Нет, я прогуляюсь. Тут недалеко.

Она прижала большой палец к нижней губе. Она часто так делала, но, по его мнению, лучше бы она это делала реже, потому что это привлекало

внимание к ее губам. Будто ей нужно было лишний раз привлекать к ним внимание. Пухлые, манящие, они каждый раз сбивали его с мыслей и заставляли думать о том, каковы же они на вкус. Элейн снилась ему всю прошлую ночь. И это было еще *до того*, как он увидел ее занятия йогой.

Может, он слишком долго пробыл в джунглях. Может, это были отложенные побочные эффекты от опустошения, вызванного изменой Миранды. Вообще-то женщины обычно так на него не действовали. Да, он любил женщин, но никогда особо не старался привлечь к себе чье-либо внимание. И не парился в случае неудачи. Или успеха. Миранда не разбила ему сердце — она просто уязвила его гордость. Но что-то в Элейн Мастерс притягивало его, хотя по ней было видно, что сама она в нем не заинтересована.

Сегодня утром он случайно столкнулся с ней на кухне, и ему показалось, что она готова кастрировать его кухонным тесаком. Без сомнения, его ухода были ей ни к чему. Оно и к лучшему. В комплекте с рюкзаком, полным налички, наверняка шло немало секретов, и что бы это ни было — бывший муж или нечто незаконное, — Грант не хотел ввязываться. И неважно, насколько эта девушка была изящной и гибкой.

— Хочешь взять мою машину? — спросила она, даже не подозревая о его внутреннем смятении. — Снаружи около двадцати градусов ниже нуля.

Он натянул куртку:

— Ты уверена? Я могу задержаться на несколько часов.

Дилайни натянуто улыбнулась:

— Неважно. Я никуда не собираюсь. Но если ты заправишь полный бак, я буду только рада.

Грант хотел пошло пошутить, что он с удовольствием заправил бы «бак» не только машины, однако после того, как совсем недавно она застучала его, когда он паялся на ее ягодицы и поглаживал пальцем ее трусики, решил придержать язык.

— Да, конечно. Разумеется. И спасибо тебе, — ответил он.

— Без проблем. Ключи на столе. Желаю хорошо провести время с братом.

Она повернулась и ушла. Собранные в хвост волосы мотались по спине, а лосины из спандекса туго обтягивали идеально круглую попку.

Черт! Элейн Мастерс — самое милое создание из всех, на кого Грант когда-либо заглядывался. Ему следовало как можно скорее рассчитаться с ней. Например, вчера. Пока эмоции совсем не захлестнули его и он не сделал какую-нибудь безнадежную глупость.

Он взял ключи и направился к двери.

Белл-Харбор очень изменился с тех пор, как он в последний раз был здесь. Маленькие примитивные лавочки для семейных покупок, которые он помнил, сменились творческими мастерскими, уютными закусочными в стиле быстро и магазинами с качественным антиквариатом. Похоже, пока Грант изо всех сил старался избегать родного городка, современный мир все-таки добрался до его главной улицы.

Его младший брат тоже изменился. За это время он успел возмужать.

— Боже, Тай, только посмотри, как ты повзрослел! — сказал Грант, когда они неуклюже обнялись и похлопали друг друга по спинам.

Улыбка, впрочем, у брата осталась такой же и была похожа на его собственную, Гранта, улыбку.

— Ничего удивительного — за шесть-то лет, — ответил Тайлер, когда они сели за стол.

Грант снял куртку:

— Шесть лет! Быстро они пролетели, правда?

— С того времени, как ты в последний раз приезжал сюда? Да. — Тайлер говорил спокойным тоном, и Грант вдруг почувствовал себя так, будто случайно встретился в аэропорту и остановился поболтать со старым знакомым, а не обедал с собственным братом. Они вместе росли, но мало пересекались во взрослой жизни. В джунглях время не имело особого значения, но, по всей видимости, в родном городке оно продолжало идти и идти.

Он осмотрелся по сторонам, вникая в детали. Они сидели в небольшом ресторане с успокаивающей домашней обстановкой, темными стенами и массивной деревянной мебелью, придающей помещению сельский вид. Большие окна выходили на улицу, где продолжали расти снежные сугробы.

— Это местечко называется «У Джаспера», так? — спросил Грант. — Это не тот ли Джаспер Бейкер из старшей школы Белл-Харбора?

Светлые волосы Тайлера были коротко острижены, а глаза унаследовали от матери светло-голубой цвет.

— А ты как думаешь? Много ли ты знаешь Джасперов?

— Только одного.

— Вот тебе и ответ.

Они одновременно рассмеялись. Их похожие голоса, как эхо, перекликались друг с другом, и Грант ощутил надежду, что они все же найдут общий язык. Он скучал по брату. Просто до этого момента не понимал, насколько сильно соскучился.

— Джаспер открыл заведение несколько лет назад, — заметил Тайлер, подзывая официантку. — Я даже подрабатывал здесь прошлым летом.

К ним подошла официантка, и они заказали себе напитки.

— Ты здесь работал? — спросил Грант после того, как официантка ушла. — Ты все еще работаешь санитаром на скорой, так? — Он же *не совсем* все пропустил, пока его не было в городе?

— Да, а еще я учусь на парамедика. Начал учебу в сентябре.

— Круто! Похоже, что с нашего последнего разговора ты был очень занят. Когда ты успел обручиться? — Он хотел задать этот вопрос по возможности небрежно, но лицо Тайлера напряглось.

— С Иви все было легко. Когда ты встретишь своего человека, то сразу это поймешь.

— Как поняла мама, когда встретила Хэнка?

Улыбка Тайлера пропала, и Гранту сразу захотелось взять свои слова обратно. Боже! Иногда ему вообще не следует раскрывать рот.

— Все совсем не так, Грант. Я ненавидел Хэнка не меньше, чем ты. Мама совершила ошибку, и она это знает, но тогда она была очень напугана.

— Напугана? Чем?

Брат разочарованно наморщил лоб:

— Неужели тебе правда так сложно понять? Она испугалась остаться матерью-одиночкой с пятью детьми, которых как-то надо прокормить. Мы с тобой могли и сами прожить, но Эйми, Венди и Скотти были еще совсем малышами.

Он говорил о младших сестрах и брате Гранта. Когда он ушел из дома, они были еще маленькими — веснушчатые детишки с костлявыми коленками. Сначала они слали ему горы писем, написанных темными карандашами и корявыми почерками, но чем старше становились, тем реже он получал от них весточки. Затем он стал забывать, когда у них дни рождения, хотя иногда всё же посылал им подарки. Когда вспоминал об этом. Однако постепенно он совсем перестал интересоваться всем, что осталось в Белл-Харборе. Работать было легче, чем иметь дело с семьей, но прошлой ночью мать напомнила ему, сколько всего прошло мимо него. Брат тоже собирался напомнить ему об этом. Он чувствовал, как растет в Тайлере волна раздражения, и осознание этого заставило его ощутить себя старым и одиноким. Ему захотелось хоть как-то защититься.

— Четыре месяца, Тай. Всего через четыре месяца после смерти папы она привела этого уродя в наш дом. В папин дом. Дедушка мог ей помочь. И я тоже мог ей помочь.

Тайлер откинулся на спинку кресла и скрестил на груди руки.

— Помочь? Точно так же, как ты помог ей, когда Хэнк сбежал, прихватив с собой все ее деньги? Или когда она потеряла работу? Или когда арестовали Скотти?

Грант почувствовал себя так, словно его ударили под дых. Он ничего не знал об этом, но хуже всего было то, что в голосе брата не чувствовалось гнева. Скорее, в нем слышалось разочарование, будто он возлагал на Гранта столь малые надежды, что можно было считать их вовсе не существующими. Его участие в семейных делах больше не требовалось. На него нахлынула волна тревоги, и он едва сдержал ее. Возможно, именно это ему хотели сообщить в звонках, на которые он не ответил. Черт! Возможно, Тайлер прав, и Грант — отвратительный сын и отвратительный брат. Неудивительно, что вчера мать так злилась на него.

— Когда мама потеряла работу?

— Примерно три года назад. Сейчас она работает в продуктовом магазине Гибсона.

— Я не знал. А когда арестовали Скотти?

— Не слишком давно, но дело уже улажено. Я все разрулил, и теперь он благополучно служит в форте Джексон. Он всегда хотел стать военным, как папа, так что его там гоняют в хвост и гриву, а он и рад стараться.

Официантка принесла напитки, и Грант отхлебнул большой глоток, чтобы помочь себе переварить все новости, которые только что обрушились на него.

— Вот как! Скотти служит в армии! Давно же меня не было дома. Мне надо было чаще проверять, как идут дела, да? — Он попытался пошутить, но сам понял, что попытка не удалась.

— Да, с твоей стороны это было бы неплохо. — Тайлер произнес слово «неплохо», но прозвучало оно как «ты полный кретин». И неожиданно Грант действительно почувствовал себя кретином. Мир, который он здесь оставил, не застыл на месте. Все изменились, выросли, повзрослели, пережили потрясения, а он всё пропустил. Может быть, где-то в глубине души сделал это намеренно.

— Но сейчас-то я здесь. Это ведь чего-то стоит?

Тайлер задумался. Морщины на его лбу немного разгладились.

— Я рад тебя видеть. Не был уверен, что ты приедешь на мою свадьбу.

При смене его тона Грант почувствовал облегчение.

— Я приехал бы раньше, но приглашение дошло до меня только неделю назад, и можешь себе представить, как нелегко добраться сюда с Филиппин. Мама говорила, что ты мне звонил. Но я не получал сообщений о вызовах.

Тайлер отхлебнул из бокала и решительно поставил его на стол.

— Потому что я не звонил.

Гранта будто снова ударили под дых.

— Не звонил?

— Нет. Я не думал, что тебе есть дело до моей свадьбы.

Еще удар. От изумления Грант приоткрыл рот.

— Нет дела до твоей свадьбы? Ты думал, я останусь равнодушен к тому, что родной брат женится? Я вроде еще не отрекся от семьи. Правильно? — Такое вообще не должно ставиться под сомнение. Грант должен был произнести это четко, как утверждение... но он сам уже не знал, что думать. — Слушай, я понимаю, что не всегда был на связи, но это не значит, что мне до всех вас не было дела. Я просто очень напряженно работал.

Брат кивнул так, будто не слишком-то интересовался словами Гранта, но губы его постепенно разъехались в улыбке.

— Ну, как я и говорил, я все-таки рад тебя видеть. Эйми, кстати, зовет тебя Снежным человеком.

— Снежным человеком?

— Ну да, знаешь, такое мифическое создание, про которое люди утверждают, будто видели его в дикой природе, но никто на самом деле не знает, существует ли оно. Вот именно так она тебя и представляет.

— Замечательно. — Господи, будет ли хоть кто-нибудь в семье по-настоящему *рад* его видеть?

— Я просто предупредил тебя. Если ты думал, что мы устроим парад в честь твоего возвращения, то, боюсь, немного расстроишься.

Похоже, Грант Коннелли, сам того не подозревая, умер и вот теперь заново родился на свет, но уже боксерской грушей. Брат наносил ему удар за ударом, и Грант потихоньку начинал злиться. Восемь тысяч миль. Он преодолел восемь тысяч миль, и ради чего? Если бы ему захотелось, что-

бы с ним обращались как с последним дерьмом, он мог просто остаться в джунглях с Мирандой и Блейком.

— Ну надо же! Мне остается только гадать, зачем ты вообще меня пригласил.

Тайлер пожал плечами:

— Невеста настояла. Ее родители враждовали целых двадцать три года, и она сказала, что если даже они смогли помириться, то мы с тобой тоже сможем, если постараемся. Тебе это интересно?

Что сейчас протягивает ему брат — оливковую ветвь или копье, которым собирается его добить?

— Ну, если учесть, что я даже не знал, что между нами есть недопонимание, то да, конечно, я хотел бы помириться. Я, между прочим, даже с работы уволился, чтобы приехать сюда. — Это было не совсем так: он уволился, потому что хотел уволиться, но Тайлер вывалил на него столько говна, что Гранту хотелось хоть отчасти перекинуть его обратно.

— А мама сказала, что ты уволился из-за того, что Блейк Рокстоун — мудака.

Услышав свою же фразу, Грант усмехнулся:

— Так и есть. Но я тоже мудака, и возможно, именно поэтому мы хорошо сработались. — Он поднял свой бокал и сделал большой глоток. Не таким он видел воссоединение с семьей. Сейчас оно больше походило на колоноскопию с последующим обливанием смолой и вываливанием в перьях.

Тайлер широко улыбнулся — по всей видимости, тоже иронизируя над Грантом, — но все-таки поднял бокал.

— Хорошо. Значит, мир. Я высказал все, что хотел, и теперь по-настоящему рад, что ты здесь. Я не думал, что ты объявишься, но Иви очень обрадовалась, что ты приехал, да и мама тоже.

Грант протянул к нему свой бокал, в первый раз с начала встречи почувствовав искреннюю теплоту в голосе брата.

— Как дела у мамы? Я имею в виду, как она на самом деле... справляется? На первый взгляд с ней все в порядке.

— С ней все в порядке. Правда, ее больше не пускают в ювелирный магазин Мейсона, потому что прошлой осенью она попыталась украсть там часы. Я думаю, она переживала за Скотти, который отправился проходить курс молодого бойца. Но если не считать того случая, она вполне справляется.

— Но ведь она все еще играет?..

Тайлер приподнял бровь:

— Я сказал, что она справляется. Я не говорил, что она полностью вылечилась. Иви познакомила ее с новым психологом, и маме постепенно становится лучше. Я подозреваю, что ей дают какие-то лекарства.

— У них есть лекарства от kleптомании?

Тайлер покачал головой:

— Нет. Успокоительные. По всей видимости, она берет чужие вещи, только когда сильно волнуется, так что чем спокойней и размереннее будет ее жизнь, тем лучше она будет себя вести. Карл тоже хорошо на нее влияет. Он мягкий, как ходячий антидепрессант.

— Да, Карл мне тоже понравился. — Грант снова отпил из бокала, открыл оставленное официанткой меню и пробежал глазами по списку блюд, но мысли его уже перешли к следующей теме. — Но давай сейчас поговорим о тебе. Расскажи мне о девушке, которая так тебя увлекла.

Разумеется, сейчас Тайлер начнет объяснять ему про беременность и обязательства. Может, даже поделится своими опасениями по поводу того, по силам ли ему создать нормальную семью. Но он ошибся. Вместо этого лицо брата засияло, словно рождественское утро, и Грант громко рассмеялся. Тайлеру не хватало только летающих над головой муляжных сердечек.

— Ну надо же! Она настолько хороша?

— Безусловно! Иви — самая лучшая! Она работает пластическим хирургом, она красивая, веселая — в общем, девушка что надо. Мы познакомились прошлым летом, когда она накладывала мне швы.

— Прoshлым летом? Что-то очень быстро вы решились на свадьбу.

Тайлер снова прищурился, и Грант вскинул руки в притворном защитном жесте.

— Эй, я не собираюсь никого осуждать. Я просто говорю, что у вас было не так уж много времени, чтобы хорошо узнать друг друга.

— Ты уже осуждаешь, но валяй, я пока не против. Когда ты ее увидишь, то сразу это поймешь, — брат говорил это мягко, почти самодовольно. Гранту показалось, или он почувствовал в его голосе снисходительность? От младшего брата?

— Когда я ее увижу? Почему? Она что, беременна?

Боже, он что, произнес это вслух?! Будь все проклято! Он уже приготовился к очередной волне упреков, но Тайлер только покачал головой, будто пожалеть здесь стоило именно Гранта.

— Дурак. Нет, она не беременна, но мы планируем усыновление или удочерение как только сможем.

Грант слегка поперхнулся:

— Усыновление или удочерение? Ты имеешь в виду... ребенка? — Он прокашлялся, задыхаясь от неприязни к подобным аспектам семейной жизни. Тайлера это скорее позабавило, чем обеспокоило.

— Ты в порядке? Может, тебе помочь?

Вместо ответа Грант сделал еще глоток вина — большой и болезненный.

— Нет. Все нормально. Просто слишком много новой информации за короткое время. Я имею в виду — мой младший братишка станет мужем и отцом? Я просто... я совсем не представляю такую жизнь.

Тайлер добродушно усмехнулся:

— Тебе стоит попробовать. Это вовсе не так страшно, как ты думаешь. Возможно, тебе следует жениться на той молоденькой квартирантке, с которой тебя заставила жить мама. Карл сказал, что она симпатичная.

Грант почувствовал, как в голове стало пусто и легко и как она чуть закружилась — не очень мужественное состояние. Может быть, это из-за приступа кашля. А может, и нет.

— Она и правда симпатичная. А еще она занимается йогой. Очень много занимается йогой.

* * *

У йоги тоже есть свой предел, когда она из успокаивающе-медитативного превращается в отупляюще однообразное занятие. Дилайни миновала эту стадию около часа назад. Она застряла в этом доме и очень нервничала. Он начал вызывать у нее клаустрофобию. За окнами все так же кружил снег, из-за чего в комнатах становилось еще темнее, а связать детскую шапочку оказалось гораздо труднее, чем можно было судить по видеороликам в Интернете. Да, а еще ее соседу, похоже, слишком сильно нравились ее шелковые трусики.

Утром он столкнулся с ней на кухне, сделав вид, что за чем-то потянулся. Да, до кое-чего он действительно дотянулся. До ее груди. Он едва не ухватился за нее. И она ему это почти позволила. Несмотря на неопрятную бороду и отросшие волосы, в ванной она разглядела его гораздо более привлекательные места. Но заигрывать с Грантом, хозяином дома и видеооператором, у которого она не арендовала жилье, но который имел право в любую минуту выставить ее на улицу, — очень плохая идея. Она пыталась сбежать от катастрофы, которую устроил ей Бойд, и последнее, что ей нужно, — это любовная интрижка в Белл-Харборе, особенно с человеком, который зарабатывает на жизнь *видеосъемкой*. Такая интрижка могла навлечь на нее неслыханную беду.

Ей было необходимо как можно скорее вернуть себе деньги за аренду. Например, завтра. Или даже махнуть на них рукой и просто уехать, потому что здесь она больше оставаться не могла. Грант Коннелли, возможно, проигрывал в плане бритья и стрижки, но был в своем роде сексуально привлекателен, как может быть сексуально привлекателен мужественный фермер. Слишком привлекателен. И слишком доступен. А если папарацци пронюхают, что она живет под одной крышей с мужчиной, это мгновенно разойдется по всем желтым изданиям. Это будет катастрофа совсем иного, куда более грандиозного масштаба. Так что как только погода станет более-менее пригодной для вождения, ей нужно выдвигаться в путь. Но не домой. Она еще не готова вернуться туда. Но по крайней мере, она может махнуть на юг, где будет теплее.

Дилайни долго стояла под горячим душем, пытаясь смыть свои тревоги, затем плюхнулась на кровать в толстовке с принтом «Лос-Анджелес Лейкерс» и в розовых пижамных штанах. Не слишком стильный наряд, зато очень удобный. Одно из преимуществ уединения в отличие от участия в реалити-шоу. Она могла носить что угодно и не бояться, что какая-то из двадцати расставленных по дому камер запечатлеет, как она почесывает себе задницу в растянутых штанах.

Когда она согласилась на съемки первого сезона шоу «Папа жжот», то понятия не имела, на что подписалась. Конечно, на съемках бывало весело. Заработок тоже радовал, как и приглашения на кинопремьеры и вечеринки, но за них приходилось

жертвовать приватностью своей жизни, и этот недостаток перевешивал все плюсы. Может, если бы Бойд не выложил то видео на всеобщее обозрение, она думала бы по-другому, но суть в том, что ей не нравилось, когда чужие люди лезли в ее дела. Ей нравилось, когда в ее личную жизнь никто не совался, и она хотела вернуть себе эту независимость.

Дилайни открыла ноутбук и поставила его себе на колени. Пришлось немного подождать, пока он загрузится, но через секунду она уже барабанила по клавиатуре в поисках нового места жительства. Вот еще одно преимущество побега из дома. Она может поехать куда угодно. Пока ее никто не узнал.

И она может подыскать себе городок с недорогим жильем. Где не понадобится предъявлять документы. И недалеко отсюда, чтобы можно было добраться до него на ее развалюхе.

А если подумать, то, возможно, стоит просто остаться в Белл-Харборе.

На нее нахлынула тоска по дому, вонзая свои булавки прямо в сердце. Она поставила ноутбук на кровать и взяла с прикроватной тумбочки телефон, чтобы позвонить сестре.

— Хэй, как дела в ледяной тундре? — вместо приветствия спросила Мелоди.

— Холодно. Как у вас? — Она откинулась на подушки.

— Как обычно, полный дурдом. Роксанн говорит, что ты просто хочешь привлечь к себе внимание, мама сводит нас с ума своей неумеренной энергией, а папа говорит, что, если ты вернешься, он познакомит тебя с Джорджем Майклом.

— С каких это пор папа знаком с Джорджем Майклом?

— Ни с каких. Он просто хочет заманить тебя домой. Ой, но хорошие новости у меня тоже есть. Наши продюсеры согласились начать новый сезон «Папы» без тебя. Мы сказали им, что ты поехала искать новые места для того, чтобы открыть сеть маминых мыльных бутиков.

Дилайни должна была почувствовать облегчение, но новость принесла странное опустошение.

— И кто-нибудь на это купился?

— Не думаю. Ходят разные слухи, но никто даже не предполагает, что ты спряталась на заброшенном маяке в Мичигане и вяжешь там детские шапочки.

— Я не прячусь. — Разумеется, она пряталась. — Но что за слухи ты упомянула? Разве они могут быть хуже, чем правда?

— Ой, да обычные сплетни. Как у всех знаменитостей. Что ты в реабилитационном центре, например. Проходишь лечение от наркозависимости. Или что ты на операции — вставляешь себе силиконовую грудь, чтобы щеголять ею в новом порноролике. Все в таком духе. Ой, прости, Лайн. — Сестра имела привычку извиняться так, что всем было очевидно: она совсем не чувствует себя виноватой. — А еще ты, наверное, захочешь удалить свою страничку в «Фейсбуке», — добавила Мелоди.

— Почему? Что там такого? — Она снова взяла ноутбук, пальцы запорхали по клавиатуре, и на экране появилась ее личная страница.

— Глупости всякие, — ответила Мелоди. — Грубости. Слишком много тупых хейтеров.

Дилайни посмотрела на экран и ахнула. Ее страницу в соцсети заполнили сотни постов с комментариями, некоторые из них — с кадрами из видео, где Дилайни склоняется к коленям Бойда. Размытые кадры, на которых едва можно различить лица, и если бы не татуировка колибри размером с монету на ее лопатке, она могла бы засомневаться, что на видео именно она. Но сомнений не было.

«Кто сказал, что в Голливуде не нужно работать головой?»

«Мастерсон лучше мастурбации!»

«Дилайни Мастерсон лучше папы жжот, зажигая своих поклонников».

— О господи, Мел! Это ужасно! — На ее глаза набежали слезы.

— Я говорила тебе: не заходить туда, Лайн. Просто удали страничку.

— Но даже если я удалю ее, эти ужасные кадры останутся в сети. — Она попыталась вдохнуть, и воздух показался ей похожим на острые камни. — Почему люди так жестоки?

— Они просто завидуют, — ответила Мелоди.

— Никто не будет завидовать тому, что по сети разошлось порнографическое видео с его участием.

— Нет, не будет. Но они завидуют тебе из-за родителей, из-за телешоу. Люди думают, что нам все это легко досталось — слава и все остальное. Они не понимают, сколько во все это вложено труда.

Дилайни отложила ноутбук и взбила подушку, пытаясь устроиться удобнее, хотя страх перед тем, что она увидела, не давал ей расслабиться.

— Но ведь это несправедливо. Мы согласились выставить свою жизнь на всеобщее обозрение, чтобы развлечь людей, а они обратили это против нас.

— Я это знаю, но, к сожалению, пока ты не выскажешься в свою защиту, интернет-тролли и дальше будут развлекаться за твой счет. Если ты вернешься домой и наконец поднимешься с колен... Ой, прости. Ну, ты поняла, что я имею в виду. Тебе нужно постоять за себя.

— Я решила постоять за себя именно таким способом — не подливать масла в огонь своего позора, который разжег Бойд. Когда шумиха утихнет, я вернусь.

— В таком случае тебе стоит запастись больше пряжи, потому что у тебя будет куча времени на вязание.

— Даже не рассчитывай. Вязать гораздо труднее, чем кажется. Но если бы я и хотела приехать... Пока я застряла здесь под этой снежной лави...

Лампа на тумбочке мигнула и погасла, оставив Дилайни в серых сумерках.

— Черт! Погас свет. Перезвоню тебе позже. Мне надо сходить поискать запасные лампочки.

— А ты хоть знаешь, как менять лампочку? — Знакомое ехидство в голосе Мелоди заставило Дилайни еще сильнее заскучать по дому.

— Нет. Но я уверена, что даже на этот случай есть мобильное приложение. Я перезвоню.

Она положила телефон на тумбочку и встала с кровати. На улице темнело, и небо, закрытое тучами, приобретало все более глубокий серый

цвет. Света хватало только на то, чтобы разглядеть бушующую метель. Снег падать так и не прекращал. Вечный, вечный снегопад.

Дилайни прошла на кухню и щелкнула выключателем. Ничего. Свет не включился. Возможно, перегорели пробки. Когда Донна Бекетт проводила для Дилайни экскурсию по дому, она видела в подвале распределительный щиток. Возможно, она сможет найти мобильное приложение с инструкцией и на этот счет, потому что с каждой минутой становилось все темнее.

Она открыла дверь в затянутый паутиной сырой подвал, но прежде чем ее нога, обутая в пушистую тапочку, шагнула на первую ступень, с улицы послышалось тарахтенье глушителя ее развалюхи. Девушку словно теплым одеялом накрыло волной облегчения. Вернулся Грант. Вопреки царящему в обществе феминизму, она понятия не имела, как все устроено в доме, и отправить Гранта в подвал казалось ей гораздо лучшей идеей, чем спускаться туда самой.

Она ждала его на кухне в тусклом свете заходящего дня, но когда он оказался рядом с ней, едва не вскрикнула от неожиданности. Потому что тот Грант Коннелли, который вошел на кухню, выглядел совсем иначе, чем тот, который ушел из дома несколько часов назад. Он коротко постригся и сбрил гадкую клочковатую бороду, которая так испытывала ее терпение. Он сбрил ее начисто.

И оказалось, что она скрывала лицо очень красивого мужчины.

Глава 6

— Привет, — произнес он, остановившись сразу, как только увидел ее.

Возможно, из-за того, что она пялилась на него во все глаза и разинув рот.

Не то чтобы раньше она не видела красивых мужчин. Конечно, видела. В Беверли-Хиллз они были повсюду. Но кто мог предположить, что за дикими зарослями на лице Гранта Коннелли прячется настолько выдающийся представитель мужского пола?

— Ты постригся?

Грант улыбнулся, и Дилайни почувствовала, как ее ресницы невольно затрепетали. На его щеках были ямочки. Еле заметные, но все-таки ямочки, и она реагировала на них рефлексивно, как собака Павлова.

— Да. Брат сказал, что с бородой я похож на обкурившегося бомжа. Я думаю, таким образом он пытался выразить, как же он скучал по мне.

Дилайни непроизвольно хихикнула и прижала большой палец к губам.

Грант на секунду задержал на ней взгляд, затем протянул ей руки. С них свисали пакеты.

— Я и одежду купил, потому что мои старые шмотки, очевидно, не смогут впечатлить его не-

весту. — Он обошел ее и поставил сумки на кухонный стол. Затем потянулся к выключателю. Ничего.

— Думаю, что перегорели пробки. В спальне тоже нет света, — сказала Дилайни.

Он покачал головой:

— Вряд ли. Наверняка электричество отрубилось во всем городе из-за метели. Хотя я на всякий случай проверю пробки.

Он сбежал по лестнице в подвал и вернулся раньше, чем Дилайни сумела сунуть нос в одну из сумок. Впрочем, она успела разглядеть, что Грант купил классический костюм. Темно-серый. Скорее всего, на свадьбу, и выглядеть он в нем будет отлично, несмотря на то что качество ткани оставляет желать лучшего. А ей хватит представлять, как он будет выглядеть в нем, потому что она начинает волноваться не меньше, чем когда увидела его голым в душе.

Грант вернулся на кухню.

— Да. Электричества нет. И неизвестно, когда появится. Ночь будет холодной, поэтому я думаю разжечь камин.

— Разжечь камин? То есть бросить туда какое-нибудь полено?

Уголки его рта поползли в улыбке.

— О, да! Я сейчас с удовольствием бросил бы палку.

Дверь захлопнулась до того, как она поняла, что он имел в виду.

Два похода на улицу, старая газета, коробок спичек — и огонь в камине весело затрещал. Дилайни поняла, что закаленный турист в качестве соседа — возможно, первая ее удача за последние месяцы.

Он нашел в подвале несколько фонарей и свечей, и комнату наполнили тепло, свет и... гормоны, бурлящие прямо под кожей, как сок сахарного клена, который только и ждет, когда надрезут кору.

— Ты успела поужинать до отключения света? — спросил Грант, когда Дилайни обернула ноги одеялом и села на диван.

— Нет. А ты?

— Тоже нет. Но я могу обменять бутылку пива на бутерброд с арахисовой пастой.

— Договорились.

Небольшой дружеский обмен. Ничего эротического.

Как позже выяснилось, ей пришлось обменять два бутерброда на две бутылки пива. Грант был разговорчив, расслаблен, обаятелен и забавен, когда рассказывал о своих приключениях. Ее решимость сохранить платонические отношения необратимо таяла, а все, чем он делился, вызывало нестерпимое желание рассказать свою историю. *Настоящую* историю, потому что ложь тяжело обременяла ее, и она так расстроилась, увидев множество оскорблений в «Фейсбуке», что ей очень захотелось перед кем-нибудь выговориться.

Но она ничего ему не сказала. Просто не смогла. Потому что не успела достаточно его узнать, а значит, не могла полностью ему доверять. Когда-то она верила Бойду, и посмотрите, к чему это привело. Разве в самом начале дружбы — неважно, романтической или нет — уместно заявлять о том, что твои сексуальные похождения записаны на видео и выложены на всеобщее обозрение?

Или что ты прячешься от охочих до скандалов папарацци?

Или что твое имя скоро пополнит словари современного сленга?

«Ага, та цыпочка настоящая мастерсон — как мастерски она обслужила меня под одеялом, бро».

Никогда!

Для подобных откровений невозможно выбрать подходящий момент.

— Интересно, почему ты выбрал такую профессию — видеооператор? — спросила она, вместо того чтобы откровенничать самой.

Грант открыл еще две бутылки пива и одну передал ей.

— Сделать тебе еще бутерброд? — спросила она, принимая бутылку.

— Нет. Эта бутылка за счет заведения. — Он откинулся на спинку дивана и тоже обернул ноги одеялом. — Я не выбирал такую профессию. Мне просто повезло.

— Как так?

— Ну, после того как погиб мой отец, мама вышла замуж за другого, и я уехал из Белл-Харбора. Ты, наверное, поняла это из нашего с ней разговора. — Дилайни кивнула и отпила глоток пива. — В общем, я отправился в Лос-Анджелес. Несколько моих друзей переехали туда, и я подумал, что смогу какое-то время пожить у них. Я устроился на работу в небольшую телекомпанию — тянул кабели и все такое, — короче, был разнорабочим. Однажды один из операторов попросил меня на минуту поддержать камеру, и с тех пор я не выпускал ее из рук.

Я двигался дальше, переходил из одной телекомпании в другую, снимал разные шоу, и к тому времени, когда успел порядком устать от Лос-Анджелеса, появился этот проект с натурными съемками на дикой природе. Как только я вошел во вкус таких съемок, для меня больше не было пути назад, в студию. И я ни о чем не жалею. Я повидал множество замечательных мест, встретил много удивительных людей... — Он на мгновение приостановился, задумавшись. — Может быть, именно поэтому я нечасто заглядывал домой. До последнего времени моя работа мне очень нравилась.

— До последнего времени? А что изменилось?

Он медленно отхлебнул пиво, будто раздумывая, стоит ли ей это рассказывать. Может быть, не только ей приходилось от чего-то бежать.

— Я ушел из дома в девятнадцать и получил первую работу с натурными съемками в двадцать три. Сейчас мне тридцать один. Я довольно долго путешествовал. — Да, действительно долго. Она провела вдали от дома меньше трех недель, и они показались ей вечностью. — И *не все* люди на моем пути были хорошими, — добавил он. После этих слов Грант глянул на Дилайни, и она задумалась, только ли его так украшает свет от пламени свечей. В нем он казался таким восхитительным! Идеальным для постели. Проклятье! Хорошо бы электричество вернулось раньше, чем она сделает какую-нибудь глупость, о которой потом будет жалеть.

— Например? — спросила она. — Ты имеешь в виду Блейка?

Он перевел взгляд на бутылку с пивом. Потом кивнул и поддел ногтем этикетку.

— Да. Для начала Блейка. Он очень изменился за последние несколько лет. Я работал с ним с самого первого сезона, и начиналось шоу просто замечательно. Каждый из нас был готов на все ради прекрасного кадра или идеального угла съемки. Мы знали, что должны быть смелыми, что нам нужно внести в проект что-то новое, чтобы придать ему реальный вес. Мы работали единой командой, это было наше общее детище, но где-то по дороге Блейк начал считать, что популярность шоу — только его заслуга.

— Популярность? — Она была очень хорошо с ней знакома.

— И получилось так, что эта самая популярность стала для него важнее качества программы. Все, что его сейчас волнует, — как сверкнуть на публике новыми винирами и заключить побольше спонсорских контрактов. Теперь в шоу на переднем плане он сам, а не путешествия и приключения. А я не выношу этого менталитета пустоголовых звезд. Если я что-то снимаю, то хочу, чтобы в съемке был смысл, чтобы видео волновало чьи-то чувства. Я хочу, чтобы результат моей работы что-то значил. Вот почему я ушел. — Он поднес к губам бутылку и сделал быстрый глоток, затем глянул на Дилайни и слабо улыбнулся. — А ты? У тебя, наверное, была работа в Майами. Чем ты занимаешься?

А чем она занимается? Вот именно тем, что, по его же словам, ему не нравится. Она проводит

все дни перед камерой, чтобы ее семья стала знаменитой: в их шоу известность — это самоцель. Как стилист она ничего не производит сама, просто помогает улучшить имидж другим людям, которые тоже пытаются стать знаменитыми.

— Э-э-э, я работаю вместе с родными. Тоже командная работа, можно сказать.

— Ага, семейный бизнес? А чем занимаетесь?

— Мылом. — Слово вырвалось само, будто пузырек на поверхность воды. Пузырек мыльной пены. Но она сказала почти правду. Время от времени она помогала матери делать мыло, а потом они продавали его в маленьком стильном бутике рядом с Родео-драйв по цене шестьдесят долларов за кусок. — У нас небольшая компания по производству мыла. Это увлечение моей мамы, но она втянула туда всю семью.

Он кивнул:

— Интересно. Так почему же ты оставила продажу мыла и приехала сюда в разгар самой суровой зимы, которую Белл-Харбор видел за последние пятьдесят лет?

Грант спросил это светским тоном, но она отлично понимала, что он думает о ее рюкзаке с кучей налички. Тут всякий сочтет, что она решила от чего-то сбежать. Или от кого-то. Она тоже это понимала, но это не значило, что ей стоит доверить ему все свои секреты, а учитывая его мнение о знаменитостях, вряд ли он посочувствует ей. Дилайни было крайне необходимо сохранить в секрете подробности своей жизни. Все равно через несколько дней она отсюда уедет, и все будет кончено.

— Я уже говорила: просто хотела сменить обстановку.

Он оглядел темную комнату:

— Здешнюю обстановку не назовешь приятной.

Вообще-то наоборот. С того места, где она сидела, открывался прекрасный вид. Подстриженная и гладко выбритая версия Гранта Коннелли, сидящая перед пылающим огнем, была до чертиков сексуальна, пусть даже часть ее скрывалась под старым пушистым одеялом. Внутри Дилайни разливалось тепло, и она сразу узнала его — омрачающее рассудок желание.

За последние несколько лет она встречалась с парой ребят, но ни один из них не стоил того, чтобы отдать ему сердце, так что Дилайни уже давно не испытывала таких ощущений. Сердце ее забилося быстрее, дыхание участилось. Она чувствовала нарастающее влечение. Возможно, из-за одиночества. Бегство от уютного домашнего очага сделало ее уязвимой, нуждающейся в тепле. Может быть, Грант вовсе не был так хорош, как ей казалось. Может быть, и голос его вовсе не был бархатист, словно тающий шоколад. И большая ладонь, обхватившая бутылку с пивом, значила лишь то, что у него большие руки. Хотя в ванной она рассмотрела его достаточно хорошо, чтобы понять, что в его случае правило «большой руки» вполне действует.

— Значит, завтра у твоего брата свадьба? — спросила она. Собственный голос совсем не показался ей похожим на тающий шоколад. Скорее на скрип ржавых петель. Она прочистила горло: —

Тогда разве ты не должен сейчас быть на предпраздничном обеде?

Он вытянул ноги, подвинувшись ближе к ней, и снова поддел ногтем этикетку на бутылке.

— Из-за рабочего графика Тайлера они провели его на прошлой неделе. В другое время у них не получалось его устроить. Так что да, свадьба уже завтра. Мне придется встретиться в одном помещении со всей родней и узнать, так ли они сердиты на меня, как моя мать.

— Ну, мне показалось, что она очень быстро забыла обиды. Я уверена, что остальные тоже не будут держать на тебя зла.

— Возможно. Хочешь пойти со мной? — Его глаза снова устремились на нее. Темные радужки поблескивали в романтическом свете огня. Подлого, обманчиво-романтического огня.

Как по заказу, она икнула.

— Пойти с тобой? — Она снова икнула.

Он неожиданно застенчиво улыбнулся, и зародившееся в ней влечение расцвело пышным цветом.

— Ты же здесь никого не знаешь, — заметил он. — И я подумал: вдруг ты захочешь с кем-нибудь пообщаться. У меня две сестры примерно твоего возраста, им... а сколько тебе лет?

— Двадцать пять, — выпалила она. Врать о возрасте было легко и совсем необязательно, но двуличность, похоже, постепенно входила у нее в привычку.

— Да, сестрам примерно столько же. Венди двадцать два, а Эйми — девятнадцать.

Двадцать два и девятнадцать. Целевая аудитория ее шоу. И всей бульварной прессы. Его сестры могут ее узнать, и на свадьбе может оказаться куча людей, которые тоже ее узнают.

— А твои родные не подумают, что это странно, если я приду с тобой? Я имею в виду, что я всего лишь арендную у вас дом.

Грант усмехнулся:

— Странность — понятие относительное, и все люди, которых я могу отнести к своей семье, тоже очень странные. Так что думаю, все будет в порядке. Вообще-то я это точно знаю, потому что брат тоже так сказал.

— Вы с братом говорили обо мне? — Она еще раз икнула. При мысли об этом тепло растеклось по ее телу, вызывая приятное покалывание в ногах, что казалось ей удивительным, ведь основная цель ее приезда в Белл-Харбор — чтобы люди перестали о ней говорить. Но тут совсем другой случай. Грант не говорил о ней в связи со Скандалом. Она была в этом уверена, потому что точно знала — он понятия не имеет, кто она такая.

Да, он понятия не имел, кто она такая. При этой мысли ее словно окатило ледяной водой. Он флиртовал с ней, потому что ничего о ней не знал. А если бы знал, то вряд ли захотел знакомить ее с родными.

«Всем привет, я сегодня с Дилайни. Ну, вы все ее знаете, правда? Покажи им макушку, милая. Тогда они точно узнают тебя».

Будь проклят Бойд и его треклятая видеозапись.

Из-за печальных мыслей закололо сердце, а нахлынувшее было влечение к Гранту свернулось

в тугой узел. Врать становилось все сложнее. И она не любила ложь. Ей слишком нравился Грант, чтобы вот так обманывать его, но не настолько нравился, чтобы полностью ему довериться. В свое время Бойд ей тоже нравился, и она будет полной идиоткой, если позволит двум бутылкам пива, романтическим отсветам пламени и пушистому одеялу привести ее к еще одной сексуальной ошибке.

— Э-э-э... Я не думаю... — Снова икота. — Не думаю, что это хорошая мысль. — Она повернулась к камину и уставилась на огонь, но успела заметить, как посуровело лицо Гранта.

Он поставил пустую бутылку на кофейный столик рядом с диваном.

— Хорошо. Ничего страшного, если ты не хочешь идти. Я просто подумал, что тебе, возможно, будет приятно выбраться куда-нибудь из этого дома.

— Очень мило с твоей стороны, но... — Вот как ему объяснить?

Он покачал головой:

— Не волнуйся. Я пойду принесу еще дров для камина. — Он поднялся, откинув свое одеяло в сторону. Неопрятной кучей оно осело у ее ног и медленно сползло на пол, и Дилайни захотелось сделать то же самое.

* * *

Грант натянул на себя куртку и вышел на улицу. Порыв ветра прошиб его холодом почти так же, как неожиданный отказ Элейн. Ему показалось, что вечером у них вышел славный душевный разговор. Она заразительно смеялась над его приклю-

чениями и не отодвинулась, когда он вытянул ноги на диване рядом с ее ногами, а еще смотрела на него так, будто раньше никогда не видела мужчин. Затем он пригласил ее на свадьбу, и на ее лице появилось такое выражение, будто он предложил показать ей свои фурункулы. Может быть, она просто не любит свадьбы или вспомнила о муже, который остался в Майами и сейчас недоумевает, куда пропала жена со всеми их деньгами. Если дело именно в этом, тогда она оказала Гранту большую услугу.

В любом случае утром он будет даже рад ее отказу. Им и так довольно неловко вместе, и как далеко все это может зайти? Как сказать девушке после совместной ночи «я тебе как-нибудь позвоню», если она живет в соседней комнате? Правильно она его отшила. А он и спросил ее только потому, что ему кажется неуютным встретиться лицом к лицу со всей родней. И бронзовое сияние ее кожи от пламени камина, и то, как она на секунду задерживала на губах горлышко бутылки, перед тем как сделать очередной глоток, конечно, не имели никакого отношения к его приглашению. И кружевные лифчики, которые она после стирки развесила в ванной на полотенцесушителе, тоже были ни при чем. Он вообще ничего этого не заметил.

Он сгреб в охапку дрова и огляделся, есть ли свет в соседних домах. У кого-то должен работать хотя бы генератор. Но вокруг простиралась крошечная тьма. Он привык к ней во время жизни в суровых диких местах, но здесь, в уютном городке, темнота казалась... темнее. Может быть, из-за холода.

Он вернулся в дом, планируя подложить дров в камин и устроиться спать на полу. Элейн может занять диван, потому что в спальнях наверху сегодня будет дико холодно. Но они вполне могут устроиться в гостиной. Все-таки они взрослые люди.

Впрочем, когда он вернулся в гостиную, Элейн уже и след простыл.

Глава 7

Дилайни было холодно. Холодно, холодно, холодно! Ночью она, когда совсем замерзла, проснулась и положила на одеяла всю одежду, а потом еще сходила в ванную за полотенцами, но ледяной воздух проникал сквозь все слои ткани. Да, жизнь на Северном полюсе не для неженки. Онемевшими пальцами она потянулась к тумбочке за телефоном, чтобы посмотреть, который час. Семь утра, но на улице было темно, как в полночь.

Она услышала глухой стук. Одно из двух: или Грант подложил дров в камин, или с крыши только что свалился замерзший енот. Скрип каминной решетки подтвердил, что ни один енот пока не пострадал, чего не скажешь о ней, потому что сейчас ей придется идти в гостиную и просить прощения за то, что вчера она так невежливо сбежала. И почему она вообще это сделала? Он всего лишь попросил ее пойти с ним на свадьбу, а она ударилась в панику.

Бедняжка выскользнула из-под кучи одеял, взяла с тумбочки красный фонарик, включила его и посмотрела на свое отражение в зеркале на стене. Ничего хорошего. В резком свете фонарика она была похожа на привидение — темные волосы

свисали сосульками, а пар вырывался изо рта такими облаками, будто она выдыхала яд. Грант только глянет на нее и сразу отзовет свое приглашение.

Дилайни стянула с кровати одно из одеял, из-за чего вся одежда и полотенца попадали на пол, завернулась в него и стала похожа на мумию, обмотанную голубым флисом. Вразвалку, будто пингвин, она побрела в гостиную и, конечно, выглядела при этом просто шикарно.

Грант лежал на диване, растянувшись во всю длину, но когда увидел ее, зашевелился.

— Ой, не надо вставать. Все в порядке. — Она села рядом на коричневый ковер, прислонившись спиной к старому потрепанному дивану, и вытянула ноги к камину. — Как спалось?

Он потянулся:

— Неплохо. Диван ужасен, но я спал и в худших условиях. А тебе?

— Не очень. Телефон сообщает, что снаружи минус двадцать. Но, по моим ощущениям, в комнате все минус сорок.

— Ты могла остаться спать на диване. — Голос его прозвучал обвиняюще. «Могла бы спать на диване, если бы не сбежала».

— Спасибо. Но это все-таки твой дом. И я подумала, что именно тебе должно достаться самое теплое место для сна. Как думаешь, когда дадут электричество?

— Трудно сказать.

Минут пять они молча смотрели в огонь и слушали, как шипят и потрескивают поленья. Едкий дым раздражал ноздри Дилайни, но по крайней

мере рядом с камином было тепло. Она протянула к нему руки, пытаясь согреть пальцы.

— Я не хотел поставить тебя в неловкое положение, — наконец тихо заметил он. — Я пригласил тебя только потому, что подумал, может, ты захочешь немного отвлечься от этих твоих спиц и пряжи. И, если честно, надеялся, что ты станешь неплохим буфером между мной и семьей.

Она подняла на него глаза:

— Буфером?

Он кивнул и почесал подбородок, на который тенью легла свежая щетина. В тусклом свете его глаза казались черными.

— Да. Потому что все они очень злятся на меня за то, что я так редко выходил на связь. Я должен был догадаться, как сильно они скучают по такому прекрасному мне. Но если ты пойдешь со мной, они, возможно, не станут на мне срываться. — Он оптимистично приподнял брови в безмолвном вопросе.

Дилайни почувствовала, как невольно начинает улыбаться. Ей были хорошо знакомы подобные эмоциональные манипуляции. Ее маме он точно понравился бы. Хотя не то чтобы она когда-нибудь сможет их познакомить.

— Ага. Значит, я у тебя буду чем-то вроде живого щита? — спросила Дилайни.

Он мило и сонно улыбнулся:

— Вроде того. Я объяснил бы это тебе еще вечером, но ты внезапно исчезла, словно Гудини⁵.

⁵ Имеется в виду трюк знаменитого американского иллюзиониста Гарри Гудини (1874—1926) с прохождением сквозь кирпичную стену.

Возможно, вчера его романтический интерес ей только померещился. Или при свете дня все выглядит по-другому, хоть света этим днем еще не было. В любом случае, пока она лежала в морозильнике, в который превратилась ее спальня, и слушала мерный стук капель в протекающем душе, у нее было время подумать.

Вне зависимости от его намерений она не может просто закрыться на полгода в этом доме. У нее поедет крыша. Она начнет писать самой себе безумные записки и разговаривать с клубками пыли по углам.

Ей необходимо время от времени выбираться из дома, а это значит, что придется встречаться с людьми, разговаривать с ними, поддерживать свою легенду. Свадьба станет отличной возможностью, чтобы начать этим заниматься. Если уж она сумеет убедить всех его родных, что она просто Элейн Мастерс из Майами, то скоро весь городок тоже в это поверит, и жить в Белл-Харборе станет намного легче.

— Давай тогда проясним ситуацию, — сказала она. — Ты не боишься взобраться на вершину горы Мак-Кинли или плавать в море со множеством акул, но боишься еще одного разноса от матери?

— Возможно. Я знаю, что могу показаться слишком...

— Жалким? Инфантильным? Трусливым? Грустным?

— Ух ты! Нет, я хотел сказать... чувствительным, но ты тоже в чем-то права. — Его улыбка согрела ее быстрее, чем пламя камина.

Дилайни Мастерсон в своей жизни совершила немало сомнительных поступков, и этот может стать еще одним, но... какого черта?

— Хорошо, — ответила она. — Я пойду.

* * *

Хотя Белл-Харбор с течением времени сильно изменился, но церковь Святого Алоизия в честь Непорочного Зачатия Девы Марии осталась прежней. Грант вошел в нее под руку с Элейн, и его окутал запах свечного воска, лака и благовоний, вызывая все больше воспоминаний. Он ходил сюда в воскресную школу, вместе с Тайлером прислуживал в алтаре, украдкой пил вино для причастия и исповедовался отцу Лоуренсу в нечистых, то есть крайне далеких от святости, фантазиях, которые у него каждый раз возникали о Мэри Элизабет Бойер, когда он видел ее в спортивной форме.

В его защиту можно сказать только то, что Мэри Элизабет была самой роскошной девчонкой в девятих классах и, как он подозревал, отлично знала, что творится с мальчишками каждый раз, когда она наклоняется за воланчиком от бадминтона. Его тело отреагировало на воспоминания почти так же, как тогда, когда ему было пятнадцать.

Черт! Если его возбуждает даже поход в церковь, значит, ему совершенно необходимо срочно... согрешить.

Он будто наяву услышал, как отец Лоуренс требует от него покаяния. «Три раза прочти “Отче наш”, два раза “Аве Мария” и не трогай себя руками!»

Да. Он был обречен.

— Наконец-то, — приветствовал их Тайлер из левого бокового прохода. — Идите сюда.

— Брат жениха! Какая прелесть! Это, должно быть, второй брат жениха, — раздался мелодичный голос, и Грант увидел темноволосого мужчину с острой козлиной бородкой, который неся прямо на них. На нем был темно-синий костюм с розовой розой на лацкане.

Грант остановился как вкопанный, и Дилайни уткнулась в его спину.

Тайлер усмехнулся:

— Да, Фонтейн, это мой старший брат, Грант. Он только что вернулся из джунглей.

— Вау! Джунгли?! — Фонтейн всплеснул руками. — Здравствуй, Тарзан. Какой великолепный дикарь!

— Грант, это Фонтейн, распорядитель нашей свадьбы.

— Распорядитель? — Они даже наняли для этого специального человека?

Темноволосый мужчина томно поправил прическу:

— Именно. По профессии я дизайнер интерьера и профессиональный организатор, но больше всего люблю хорошие вечеринки. — Фонтейн медленно перевел взгляд на Гранта: — Я, можно сказать, мэтр... на все руки. — Он хохотнул.

Грант посмотрел на Тайлера.

— Фонтейн — хороший друг Иви, — будто оправдываясь, объяснил Тайлер. Потому что Коннелли, который на свадьбе пользуется услугами распорядителя, должен как-то это объяснить.

— Рад познакомиться, Фонтейн. Это Элейн. — Грант потянул ее за руку и вытащил из-за спины, а человек с козлиной бородкой бросил на нее оценивающий взгляд.

— О, дорогая, я восхищен! — Он снова повернулся к Тайлеру: — А вы, мистер, немедленно скидывайте штаны! Нам нужно облачить вас в смокинг, и быстро!

— Подождите! — прервал их еще один голос, и все повернулись к миниатюрной рыжеволосой девушке, которая быстрыми шагами шла в их сторону. Она была в джинсах и белой толстовке с надписью «Невеста», и когда она улыбнулась, Грант все понял. Тайлер был прав: стоило ему только глянуть на свою будущую невестку, как поспешная свадьба брата обрела смысл. Девушка была великолепна.

Он украдкой посмотрел на Дилайни. Она тоже красавица, особенно при свете камина, или когда ее волосы забраны в хвост, притом она занимается йогой, но сейчас она спрятала прекрасные нежно-голубые глаза за очками в темной оправе, из-за чего стала похожа на книжного червя, а восхитительные изгибы ее тела скрыл мешковатый свитер. Не то чтобы ему было важно, как она выглядит, — они же не любовники. Она просто прикрывает его здесь перед родными. Ему не нужно это забывать.

Через несколько часов он встретится со своими старыми приятелями из Белл-Харбора. И его бывшие подружки, возможно, тоже будут на свадьбе. Разумеется, кто-то из них не будет против краткого

воссоединения с ним на ложе страсти. Если он устроит себе небольшую разрядку, то, возможно, сможет более объективно обдумать все связанное с Элейн. Ему нужен тактический оргазм. Вот и все. И тогда его оставят фантазии о кружевных лифчиках в ванной комнате. И еще ей нужно сушить их где-нибудь в другом месте. Сегодня утром ему пришлось провести в ванной пятнадцать лишних минут, потому что она развесила их прямо перед душем, где он — и его маленький дружок — отлично их видели. Дружок снова дернулся в брюках. Да, у него тоже отличная память.

Невеста подбежала к ним и обняла Тайлера за талию.

— Нет, нет, нет! Кыш отсюда! — воскликнул Фонтейн и замахал на нее руками. — Жених и невеста не могут видеть друг друга до церемонии! Ты разве не знаешь?

Иви рассмеялась:

— Ты понимаешь, что эта чрезвычайно устаревшая традиция идет из тех времен, когда о свадьбе договаривались родители, и жениху нельзя было видеть невесту, чтобы он не передумал перед самой свадьбой? — Она повернулась к Тайлеру: — О нет! Ты же не передумал, правда?

Он покачал головой:

— Не дождешься.

Иви была невысокого роста, самое большее — пять футов, но из нее бил фонтан кипучей энергии. Грант протянул ей руку для приветствия, но она просто шагнула к нему и обняла его, стукнувшись о свисавший у него с плеча чехол с камерой.

— Ты, должно быть, Грант. Мы так рады, что ты приехал! Ты выиграл приз за самое дальнее путешествие до свадьбы.

Если она притворялась, что рада его видеть, то получалось у нее отлично. Возможно, она натренировалась на его брата. В смысле притворяться. Или, может, она и правда была рада ему. В отличие от родных Гранта у нее не было причин на него злиться.

— Я тоже рад, что приехал. Спасибо за то, что отправила приглашение.

Он глянул на брата, но Тайлер не обратил на это внимания — он сиял так, будто собирался жениться на девушке своей мечты.

— А ты, должно быть, Эрлин, правильно? — Невеста повернулась к его соседке по дому и тоже обняла ее.

— Э-э-э, я — Элейн, — сказала она и поправила сползшие на переносицу очки.

— Да, точно. Элейн. Извини. Просто у меня плохо с именами, но спасибо за то, что согласилась прийти.

— Спасибо, что разрешили мне без приглашения вломиться к вам на свадьбу. В доме было адски холодно.

— Да, это объясняет, почему она в свитере, — пробормотал Фонтейн.

Иви улыбнулась еще шире:

— В нашем доме я тоже замерзаю. Нам очень повезло, что и в церкви, и на свадебном приеме будут хорошие генераторы. Жаль, что мы женимся именно в январе, но, боюсь, в другое время Скотти

не смог бы приехать на свадьбу. И слава богу, что, несмотря на ужасную погоду, его самолет прибыл по расписанию. Но мне пора переодеваться. Элейн, если парни тебе совсем наскучат и желание будет, приходи к нам в женское общество. — Она поднялась на цыпочки и поцеловала Тайлера в щеку. — Увидимся у алтаря, да?

— Если что, я буду парнем в смокинге, — ответил Тайлер.

Грант смотрел на блаженное лицо брата, который повернулся вслед своей невесте, и жалел, что заранее не вытащил камеру. Этот момент стоил того, чтобы его сохранить.

Фонтейн вздохнул:

— Разве она не прекрасна? Вы так великолепны, что с вас можно лепить коллекционные фигурки. Я бы играл с ними целыми днями.

Тайлер улыбнулся, а на Гранта нахлынула волна ностальгии: его младший братишка так вырос, что собрался жениться!

День тянулся долго, и милые сентиментальные сцены следовали одна за другой. Грант вытащил камеру и пытался сохранить их для потомков. Его брат Скотти, гордый, патриотичный, в военной форме, что-то рассказывает сестрам, которые превратились в прекрасных юных дев. Тайлер, взволнованный и нетерпеливый, застегивает перед церемонией смокинг. Мать в бледно-зеленом платье под руку с Карлом заходит в церковь. Друзья и родные улыбаются друг другу. У брата было по-хорошему старомодное белл-харборское свадебное торжество.

Волнение нахлынуло на всех собравшихся, когда Тайлер и Иви четко и уверенно произнесли свои клятвы и в первый раз, уже как муж и жена, поцеловались. У гостей вырвался общий радостный вздох. Гранта переполняла гордость за новобрачных, на которую он по сути не имел права — он же не видел, как развивались их отношения. Он все пропустил — и взросление своих братьев и сестер, и их невзгоды и успехи — из-за того, что по собственной воле покинул семью.

Даже сейчас он смотрел на все торжество будто издалека. Камера создавала барьер между ним и остальными, но в первый раз за все время после ухода из дома он хотел быть в самой гуще событий. Не в стороне, а в центре. Годы тоски по дому врезались в него, будто бегущий носорог, и внезапно ему ужасно захотелось повернуть время вспять.

Глава 8

Самая неприметная девушка на свадьбе обычно носит очки в толстой оправе, и сегодня на эту роль была назначена Дилайни Мастерсон. Никто не обращал на нее никакого внимания — ни гости, ни официанты, ни свадебный фотограф. Конечно, все были с ней безукоризненно вежливы, приветливы, дружелюбны, но большую часть времени ее словно никто не замечал, что приносило ей самую искреннюю радость. В первый раз с тех пор, как они выпустили пилотный эпизод шоу «Папа жжот», она была на публике и никто за ней не следил. Здесь не было ни ведущих развлекательных программ, ни папарацци, ни фанатов, ни хейтеров. Ей казалось, что она попала в рай. Великолепный, полностью анонимный рай. Здесь она сбросила с себя личину звезды реалити-шоу, обрела свободу от этого образа и, что самое странное, впервые за очень долгое время чувствовала себя более искренней.

Когда Грант знакомил ее с людьми, он представлял ее просто как Элейн, и никто против этого не возражал, никто не ставил под сомнение ее личность. Да и с чего им было сомневаться? Каким образом дочь рок-звезды Джесси Мастерсона и супермодели Николь Уэстгейт могла оказаться в разгар зимы

на свадьбе в Белл-Харборе? Конечно, никаким. Но Элейн Мастерс вполне могла туда попасть.

Ее вполне устраивало, что на свадьбе рекой лилось спиртное и что все, от элегантной подружки невесты по имени Хилари до пожилой женщины в черно-зеленом клетчатом платье из тафты, которая записывала имена гостей, полностью сосредоточили внимание на молодоженах. Тайлер и Иви были совершенно очаровательны и настолько откровенно влюблены друг в друга, что Дилайни невольно несколько раз всплакнула от нахлынувших чувств.

Начался праздничный обед. Грант в костюме выглядел совершенно шикарно, именно так, как и представляла себе Дилайни, а она была скромно одета в простой свитер невнятного бежевого оттенка и коричневую юбку. Прискорбно скромно одета. Разумеется, намеренно. Она не привезла с собой чемоданы модной одежды, да если бы она и взяла ее, то платье от Diог за три тысячи долларов стало бы неважной маскировкой. Конечно, сама она вряд ли могла позволить себе такое платье, но у профессии стилиста есть свои преимущества. Например, возможность носить бывшие в употреблении брендовые шмотки.

Ужин был в разгаре, гости произносили тосты, и она снова расчувствовалась, когда Скотти, самый младший брат Коннелли, поднялся с места и сказал, что, когда в первый раз увидел свою будущую невестку, то сразу понял: жизнь Тайлера никогда не будет прежней.

— Вот какой у меня братишка, — с гордостью заявил он о женихе в конце своей речи. — Он

научил меня, что значит быть хорошим человеком. Он вытаскивал меня из неприятностей и даже иногда позволял обыграть его в теннис. И как шафер на свадьбе брата я просто обязан сказать, что Тайлер — один из лучших людей, которых я знаю, и самый лучший выбор, который могла сделать Иви.

Когда все в помещении захлопали в ладоши и зазвенели бокалами, Дилайни украдкой взглянула на Гранта. Зал для праздничного обеда оставили небольшими столиками, и вместе с женихом и невестой сидели только шафер и подружка невесты, а их с Грантом определили за стол с Донной и Карлом. Грант смотрел на Тайлера и Скотти с нечитаемым выражением лица, а камера, с которой он не расставался на торжестве, просто лежала на столе. Повинуясь внезапному порыву, она протянула руку и сжала его запястье. Грант был старшим из братьев. Именно он должен был стать шафером. Но он весело ей улыбнулся, и осталось только гадать, не преувеличивает ли она его переживания. Дилайни быстро отдернула руку и убрала ее на колени.

* * *

— Ну и как оно — жить с моим братом? — спросила за ужином Эйми, когда тарелки опустели, напитки подливали несколько раз, а танцующая толпа стала громче и развязнее. Дилайни с сестрами Гранта стояли рядом с баром, потягивая джин-тоник, пока музыка, быстрая и веселая, заставляла сердца биться в ее ритме.

Рыжеватая блондинка, сестра Гранта, казалась немного неуклюжей на четырехдюймовых шпильках, и несколько бокалов вина только усугубили положение. Венди, вторая сестра, которая стояла рядом с Дилайни, пила только воду, и ее светло-карие глаза смотрели на нее внимательно и задумчиво. Так смотрит питон, критическим взглядом окидывающий свою жертву — поместится ли она в его желудке. Дилайни икнула.

— Жить с Грантом? Нормально, — ответила она, неопределенно качнув головой. — Его почти не бывает дома.

— Он будет проводить там больше времени, когда закончится свадебная суматоха, — заметила Венди. — Мы снова отправимся на учебу, Скотти вернется на свою базу, а у Тайлера и Иви начнется медовый месяц. Он останется полностью в твоём распоряжении.

Почему это прозвучало так вызывающе?

— Ну, как только он вернет мне деньги за аренду, я подыщу себе другое жилье. А пока, я уверена, мы сможем найти себе занятия. Я, например, учусь вязать. — Она не собиралась рассказывать про вязание, но взгляд девушки очень нервировал ее.

Венди удивленно приподняла темную бровь:

— Вязать? Ты имеешь в виду... из пряжи?

Дилайни еще раз икнула. Вполне возможно, ей стоило заняться чем-нибудь более существенным. Чем-нибудь более... да чем угодно. Только не вязанием, которое не было похоже на цель ее жизни и не настолько ей нравилось, чтобы посвящать ему целые дни. Она выпила только один бокал, но его,

похоже, оказалось достаточно, чтобы спутать ее мысли.

— Кто здесь упомянул вязание? — В разговор вмешалась пожилая женщина в черно-зеленом клетчатом платье из тафты, которая записывала гостей. Она остановилась прямо перед Дилайни. Ей можно было дать лет шестьдесят, но кудрявые волосы придерживал сияющий ободок, от которого любая шестилетняя девочка, играющая в принцессу, пришла бы в восторг. — Я нахожу вязание восхитительным занятием, — продолжила она. — Моя лучшая подруга Анита научила меня делать самые элегантные в мире чехлы для стульчаков. Я могу и тебя научить вязать такие, если захочешь.

— Привет, Доди, — поздоровалась с ней Венди, потягивая воду. — Ты знакома с Элейн?

— Не думаю, что имела удовольствие познакомиться лично. Какая же ты милая! Но конечно, я наслышана о тебе от моего сына, Фонтейна. Знаешь, он ведь распорядитель на этой свадьбе. Зал превосходно украшен, не правда ли?

Дилайни кивнула:

— Э-э-э, да. Превосходно.

— Совершенно с вами согласна! — с энтузиазмом воскликнула Доди, будто Дилайни первая заметила это. — А теперь о вязании. Я не ослышалась — ты сказала, что вяжешь?

Дилайни глянула на Венди, размышляя, не кажется ли сестрам Гранта, что старушка немного не в себе, но никто из них не встревожился при ее приближении.

— Э-э-э, да. Вообще пока я вяжу детские шапочки, чтобы потом пожертвовать их на благотворительность, но в дальнейшем подумываю связать шерстяную шаль. Да, шерстяную шаль.

Конечно, шаль поможет ей придать вес своему занятию.

Венди во все глаза уставилась на Дилайни. Полупьяная Эйми склонилась к ней. Доди прищурилась. И Дилайни будто со стороны услышала свой голос.

— Конечно, я занимаюсь вязанием в свободное от работы время. — Фразу про работу она добавила на пять секунд позже, чем следовало, чтобы она прозвучала убедительно.

— Ага. — Венди снова отхлебнула из бутылки воды. — И кем же ты работаешь?

Она не могла сказать им, что занимается производством мыла, потому что если они видели хотя бы один эпизод шоу «Папа жжот», то легко сложат два и два.

— Я... турист... турагент.

Кошмар! Ужасный выбор. Почему она снова не соврала про работу в банке? Чертов джин с тоником. Чертова сестра со взглядом стервятника.

— О, как это необычно! — воскликнула Доди. — Должно быть, ты посетила множество чудесных мест! Расскажи мне о самом замечательном уголке земли, куда стоит отправиться в путешествие!

— Э-э-э. В Диснейленд? — Она икнула.

О боже! Еще одна глупость. Да к тому же сказала она ее так, будто спрашивала, а не отвечала. Сестра со злобным взглядом совершенно спутала ее мысли.

— Диснейленд? — переспросила Венди. — Из всех мест на земле именно это самое замечательное?

— Я имела в виду для семейного отдыха. Если же вас интересуют экзотические страны, то лучше расспросите о них своего брата. Он вам расскажет о них гораздо лучше, чем я. То есть я, разумеется, читала брошюры обо всех этих странах, но он видел их своими глазами. — Ей нужен был путь к отступлению, чтобы сбежать от этого разговора. Например, люк в полу, куда можно было бы провалиться.

— Ты мне кого-то напоминаешь, — заявила, нахмурившись, Венди, и брови ее сошлись вместе, как клешни у краба.

— Я тоже так думаю! — воскликнула Доди.

Проклятье! Где же люк в полу, когда он так нужен? Ей пора срочно выбираться отсюда!

— Я? О, у меня очень обычное лицо. — Дилайни поправила челку, закрыв ею лоб.

— Не соглашусь. Мне кажется, у тебя очень приметная внешность. — Венди сложила на груди руки и вгляделась в нее более пристально.

Да, Дилайни могла сделать официальное заявление, что охмелевшая сестра Гранта нравится ей гораздо больше.

Доди шагнула к ней и остановилась почти вплотную:

— Она так похожа на юную Элизабет Тейлор, правда?

Дилайни отпрянула.

Эйми склонила голову набок и поджала губы, пытаясь заставить думать нетрезвую голову.

— Да, точно! Она мне тоже кого-то напоминает! Она похожа на ту девчонку в том фильме, ну, с тем парнем. Помнишь тот фильм, Венди? Как он назывался? С тем парнем и... пришельцами?

— Нет, не на ту девчонку, — возразила Венди, будто сообразив, о каком фильме идет речь. Они говорили, как все сестры, понимая друг друга с полуслова. В других обстоятельствах Дилайни рассмеялась бы, настолько это напоминало ее разговоры с собственными сестрами, но сейчас ей было не до смеха. Нужно было как-то их отвлечь. Пролить бокал с вином. Или сбить с ног Венди.

— А я вам говорю, она в точности юная Элизабет Тейлор, — настаивала Доди. — Или, может быть, та модель с длинными ногами. А, или девушка с почты! Вы ее знаете, она еще не дала мне послать бутылку текилы моему другу по переписке, который сейчас в тюрьме.

Смех Дилайни прозвучал фальшиво даже для ее собственных ушей.

— Ну, я не модель, никогда не снималась в кино и не работала на почте. Так что никем из них я быть не могу.

— Но ты ведь живешь с Грантом Коннелли, правда? — К их разговору присоединилась еще одна женщина — высокая стройная блондинка, — и Дилайни даже не знала, рада ее вмешательству или нет. Но тут ее окружили еще шесть или семь женщин, и она решила, что совсем не рада тому, что их разговору помешали. Девушки, которые ее обступили, как на подбор были очень привлекательны и одеты гораздо лучше, чем она сейчас.

Все-таки платье от Dior не помешало бы. Или, что еще лучше, надо было остаться в ледяном иглу, которое она взяла в аренду, потому что все смотрели на нее, как на самую слабую гиену в стае, которой посчастливилось найти скелет дохлой зебры.

Ей сразу захотелось, чтобы в бокале оказалось больше джина с тоником.

— Я не живу с ним в том смысле, в котором обычно говорят «я с ним живу». Я просто живу в том же самом доме. Мы с Грантом... просто соседи.

Бедняжке нужен люк в полу! Люк в полу! Она огляделась по сторонам, есть ли поблизости Грант, хотя если добавить к ним еще и Гранта, вряд ли ей это сильно поможет.

— Грант Коннелли был моим первым мужчиной, — мечтательно заявила стройная брюнетка, накручивая на палец локон.

Нет, Грант ей точно здесь не помощник.

Все повернулись к говорящей. Она потянула за вырез облегающего синего платья:

— Что? Я что, здесь одна такая?

— Нет, — подняла руку другая брюнетка с грудью, приподнятой лифчиком. — Не то чтобы первым, но, думаю, ты понимаешь, о чем я.

Еще две женщины медленно подняли руки и посмотрели друг на друга.

— Весенние каникулы? — спросила одна.

— Канун Нового года, — ответила другая, и они захихикали и обнялись, будто победительницы одного конкурса красоты. Ни хрена себе! Дилай-ни оказалась среди бывших сексуальных трофеев Гранта.

— Она вам никого не напоминает? — спросила Венди, задумчиво постукивая пальцем по губам. Похоже, ее совершенно не волновало, что все эти девицы трахались с ее братом.

— Я потеряла девственность на свадебном торжестве, — доверительно сообщила Доди. Все повернулись к ней, а она небрежным жестом взъерошила волосы. — Ну, не на этом, конечно. На своем собственном. И конечно, не с Грантом, потому что он тогда еще не родился.

— А я говорю — она копия девушки из того фильма, — сказала Эйми, покачиваясь то в одну, то в другую сторону.

Все взгляды снова переместились на Дилайни, будто у болельщиков на турнире в Уимблдоне.

На ужине она сняла свои бутафорские очки, потому что не могла разглядеть в них даже нож с вилок, и чувствовала себя совершенно незащищенной. Не то чтобы глупые очки могли как-то помочь, но они придавали ей хотя бы немного уверенности. И вообще, почему именно *ей* сейчас так неловко? Ведь за исключением сестер Гранта Коннелли и бабушки в платье из тафты, в радиусе десяти футов она была единственной женщиной, кто *не* переспал с ним.

— Она похожа на Жанин Бакстер, ведущую новостей Шестого канала, — резко объявила Девушка, Потерявшая Невинность, и все остальные дружно закивали, даже Венди и Эйми.

— Да! Именно на нее она и похожа! — воскликнула Венди и удовлетворенно потерла руки, будто выполнила важную миссию. — Спасибо,

а то эта мысль мучила меня с самого начала. Ладно. Кто хочет выпить?

И все? Пытка закончена? Все, кроме Дилайни и брюнетки с большим бюстом, повернулись к бару. Брюнетка подошла к ней ближе и склонилась к ее уху, будто хотела ей что-то прошептать, но голос ее был резким, как крик чайки, и таким громким, что перекрывал музыку на танцполе.

— Ну и как оно, только честно? Он ведь так долго пробыл в джунглях, что сейчас наверняка такой же ненасытный, как человек, только что вышедший из тюрьмы. Он ведет себя как животное?

— У меня есть друг по переписке из тюрьмы, — заметила Доди, снова повернувшись к ним.

Дилайни сдержала смехок и была уже готова снова откреститься от интимных отношений с соседом по дому, когда появился сам предмет разговора. Взволнованный, покрасневшийся, Грант снял пиджак, ослабил галстук и закатал до локтей рукава.

— Привет, Линдси, — обратился он к брюнетке с таким же наигранным энтузиазмом, с которым люди приветствуют явившегося к ним сборщика налогов.

— И тебе привет, бродяга. Давно не виделись. Ты надолго в город? — Она не без намека опустила бокал на уровень декольте.

Он скупно улыбнулся:

— Я пока не определился с планами. Слишком много забот легло на мои плечи.

— Хм-м-м... Знаешь, что еще очень здорово лежит у тебя на плечах? — Шепот ее был все так же пронзителен. — Мои ноги. Позвони мне.

Дилайни издала удивленный смешок, брюнетка же, покачиваясь, поплыла прочь. Грант прижал ладони к лицу.

— Она училась в моем классе воскресной школы, — заметила Доди. — И даже тогда ее переполняли греховные мысли. Держись от нее подальше, Грант Коннелли.

— Спасибо, миссис Бейкер. Я думаю, это хороший совет.

— Конечно, хороший. Я невероятно мудрая женщина. — Она зашаркала прочь. При каждом шаге тафта ее платья собиралась в морщинки.

— Действительно хороший совет, — добавила Дилайни. — Вообще говоря, здесь целая стая бешеных женщин, от которых тебе стоит держаться подальше. — Она показала на бар: — Все эти красавицы только что рассказали мне, сколь близко познали тебя. В библейском смысле. Ха! Раньше я думала, что католические мальчики ведут себя более целомудренно.

Грант повернулся к бару, увидел стайку своих бывших любовниц, и у него хватило совести покраснеть.

— Это... Ой... Извини.

По идее, Дилайни нужно было потрясти его насыщенное сексуальное прошлое, но ее рыльце тоже было в пушку, и в качестве доказательства она даже могла предъявить видео.

— Незачем извиняться. Я ведь всего лишь живой щит между тобой и твоими родными, помнишь? И я думаю, что замечательно справляюсь со своей ролью.

Он широко улыбнулся, показав зубы. И ямочки на щеках. Настоящая искренняя улыбка. И брюнетке с длинными ногами она не досталась.

— Именно! Большое тебе за это спасибо. Я ценю твои старания. Ты великолепна! Хотя, полагаю, дальнейшую работу по налаживанию отношений с родными я должен проделать сам. Вот что я хотел тебе сказать.

Дилайни почувствовала, как резко упало ее настроение. Будто воздушный шарик, который съехался от нехватки гелия, или та игрушка, у которой подгибаются ноги, если нажать на кнопку внизу.

Грант еще больше ослабил галстук.

— Ты можешь оставаться здесь сколько захочешь, — пояснил он. — Но остаток ночи я планирую провести дома у матери. Там будут Скотти, и обе мои сестры, и еще тетя Тина. Мне кажется, я должен побыть с ними. Если хочешь, могу подбросить тебя до дома — дороги сейчас просто ужасны. Но электричество уже должны были включить. На торжество пришли несколько наших соседей, и они говорят, что свет дали примерно час назад.

Воздух совсем вышел из шарика, и тот, обмякнув, шлепнулся на пол. Он сказал, что она может уходить. Конечно, он не сказал, что она *должна* уйти, просто, что она может это сделать. С ростом его важности для семьи ее ценность для него становилась все меньше. У нее возникло чувство, что ее использовали. Как глупо! Прежде всего, Дилайни сама очень не хотела сюда идти, так почему же ей стало нехорошо от мысли, что она ему здесь боль-

ше не нужна? В этом ощущении не было никакого смысла, если не считать того, что пребывание в атмосфере такой любви молодоженов заставило ее ощутить тоску по людям — по тем из них, кто не делает фотографии для глянцевого журналов и не пытается извратить ее слова для журнальных статей.

Она очень скучала по своей семье. Но Грант не обязан был решать эту проблему.

— Ой, да я сама доберусь до дома. Тут же недалеко. — Ей очень хотелось, чтобы он уговорил ее остаться, но он просто вытащил из кармана сложенную салфетку.

— Хорошо, тогда давай я дам тебе свой номер, и ты позвонишь мне, если у тебя возникнут проблемы с электричеством или еще какие вопросы. Ты уверена, что сможешь вести машину? Сколько ты выпила?

— Один бокал. — Слишком мало, чтобы опьянеть, к тому же после допроса, устроенного его сестрами, она чувствовала себя абсолютно трезвой. Но вести машину будет тяжело. Она терпеть не могла этот долбаный снег. К тому же на улице стоял адский холод, и было скользко, особенно в лабутенах. Очевидно, Грант никогда не пробовал пройти по обледенелому тротуару в туфлях за полторы тысячи долларов. Но и это были не его проблемы. — Я справлюсь с машиной. Желаю хорошо провести время с семьей.

— Спасибо. И еще спасибо, что пошла со мной. Удачно тебе доехать. — Он по-дружески сжал ей плечо, будто соседке по комнате в общежитии,

и ушел, еще выше засучив рукава на загорелых руках.

Но черт бы ее побрал, если она не чувствовала себя использованной и брошенной.

Она не должна была так себя чувствовать. Это же просто глупо. У них же не свидание. И он даже не велел ей уходить. Он просто не настоял на том, чтобы она осталась. Хотя здорово было бы, если бы он пригласил ее на танец. Или принес ей выпить.

Почувствовав себя неудобно, она огляделась по сторонам. Женщины от бара переместились на танцпол и теперь бешено крутили задницами под ритмичную музыку. Совсем скоро они начнут освобождаться от предметов гардероба. Несколько друзей жениха уже стянули с себя рубашки и надели на голые торсы жилетки. С некоторых галстуки просто исчезли, другие повязали их вокруг головы, будто ниндзя. Вечеринка была в самом разгаре, но самой неприметной девушке на ней было не так уж весело.

— Ты ни капли не похожа на Жанин Бакстер из новостной программы, — тихо заявил распорядитель свадьбы, внезапно выскочив из-за ее спины, будтомышь из норки, а ведь она даже не осознавала, что он где-то поблизости.

— Правда? — спросила она задумчиво, наблюдая, как Грант исчезает в толпе.

— Конечно же, нет, Дилайни Мастерсон, — прошептал ей на ухо Фонтейн. Она резко повернулась и увидела, как его лицо приобретает победоносное выражение. — Ага! Я так и знал! — Он ухватил

ее за запястье и потащил за собой в укромный уголок. — Ты — это она, правда?

— Нет.

— Да, да! Я мастер по распознаванию уловок! Я вынюхиваю скандалы так же ловко, как свинья вынюхивает трюфели, и твои отвратительные очки на таком милом личике выдали тебя с головой! — Он говорил тихо, непрерывно оглядываясь по сторонам. Дилайни тоже огляделась в поисках пути к отступлению. Сердце билось так быстро, что готово было выскочить из груди. Этот гей точно выдаст ее.

— Твой секрет со мной в безопасности. Как за каменной стеной, крошка, — прошептал он. — Но мне нужно знать все пикантные подробности!

— Не так уж много у меня таких подробностей, — ответила она.

Он покачал головой:

— Но они должны быть! Я обожаю такие скандалы. Давай я сам догадаюсь. У вас с Грантом Коннелли уже несколько месяцев жаркий роман, и ты приехала сюда, чтобы познакомиться с его родителями, но не хочешь выдавать свою личность, чтобы они не поняли, что ты — та самая печально известная девчонка из шоу «Папа жжот»? Правильно? Я угадал? О боже, это просто какой-то праздник!

— Нет, господи, да нет же! Ничего подобного! Прошу тебя, Фонтейн! Я знаю, что у тебя нет причин меня не выдавать, но все равно хочу попросить тебя об этом. — Какой ужас! Из всех людей, которые могли узнать ее, этот — самый ненадежный. Он не сможет сохранить в тайне, кто она такая.

Ее волнение сменилось удручающим отчаянием, как у актера, резко сменившего роль. А Фонтейн громко выдохнул и прикрыл узкой ладонью рот.

— Не угадал? Тогда... может ли быть так, что Грант — отец твоего ребенка, и ты приехала рассказать ему об этом? О боже! Поверь мне, подружка, мы все поддержим тебя — и тебя саму, и маленького бастарда семьи Коннелли.

Она даже не знала, обидеться ли ей, удивиться или почувствовать признательность.

— Но я не беременна.

Фонтейн снова взял ее за запястья:

— Господи боже, он что, шантажирует тебя?! О боже, я прав, верно? Я прав! Есть еще одно видео, и он угрожает тебе выложить его на всеобщее обозрение! Грант Коннелли — хладнокровный ублюдок!

— Нет! — воскликнула она, пожалуй, слишком громко, но музыка перекрывала все звуки, и никто, похоже, не обратил внимания на их разговор в углу. И на том спасибо. — Выслушай меня, Фонтейн. Ты же можешь это сделать?

Серьезно — а он может? Потому что у него слишком лихорадочно блестят глаза, и никак нельзя понять, что творится в его голове.

— Да, я весь внимание. — Он кивнул и набрал в грудь побольше воздуха.

Учитывая сложные и запутанные версии, которые он выдумал сам, лучше всего будет рассказать ему правду.

— Грант понятия не имеет, кто я такая. Он думает, что я — Элейн Мастерс, мыловар из Майами. По несчастному стечению обстоятельств случилось

так, что я оказалась именно в его доме. В Белл-Харборе я хотела скрыться от папарацци и переждать поднимающую шумиху вокруг того проклятого видео, и я очень хочу сохранить в тайне свое пребывание здесь.

По крайней мере хотя бы на несколько часов, чтобы успеть вернуться в свое маленькое покосившееся жилище и собрать вещи в дорогу. Если один человек узнал ее, то и остальные очень скоро узнают, кто она на самом деле. Значит, настала пора покинуть этот город.

Он расстроенно опустил узкие плечи:

— И это все? Ты просто прячешься от папарацци?

Он казался совершенно раздавленным. Возможно, стоило сказать ему, что она — путешественница во времени. Или пришелец из космоса.

— Да, боюсь, что это все.

Он разочарованно выдохнул:

— И никакого шантажа? Никакой тайной беременности?

— Нет. Прости. Только порнозапись. Но ты сохранишь мою тайну? Ты не представляешь, как много это для меня значит. — Теперь уже она умоляюще сжимала его руки, даже зная, что он не сможет удержаться, чтобы кому-нибудь все не разболтать. Судя по его виду, его разрывало от желания с кем-нибудь поделиться, но после секундного колебания он улыбнулся, показав естественно белые зубы.

— Конечно, я все сохраню в тайне. Я буду очень осторожен. — Он поднял правую руку: — Да чтоб

я никогда больше не увидел фотки с полуголым Ченнингом Татумом, если раскрою твой секрет!

Она почувствовала, что ей стало немного легче, но, несмотря на полуголого Ченнинга Татума, ей все равно казалось, что она не успеет добраться даже до выхода, как половина гостей на свадьбе будут знать ее настоящее имя.

— Конечно, у моего молчания есть цена, — добавил Фонтейн.

Ну, разумеется. За все приходится платить.

— Что тебе нужно?

— Две вещи. Во-первых, ты обязана станцевать со мной, потому что мне страшно хочется растряссти косточки, и во-вторых, пообещай мне, что ты больше никогда, никогда, ни при каких обстоятельствах не наденешь этот уродливый свитер!

Глава 9

— Элейн? — Грант шагнул на кухню через заднюю дверь. На улице сияло солнце — в первый раз с тех пор, как он вернулся в Мичиган, и оно подняло ему настроение почти так же, как общение с семьей.

Очевидно, все простили его за долгое пренебрежение родными, и почти до рассвета брат и сестры общались с ним, шутили, рассказывали о жизни, будто пытались наверстать потерянное время. Даже Карл сидел с молодежью, и несмотря на его настойчивое желание напоить всех своими «коктейльчиками», во всех остальных отношениях оказался совершенно потрясающим парнем. Жизнь повернулась к Гранту более радостной стороной. Хорошо, что он решил вернуться. — Эй? Есть кто-нибудь? — снова спросил он.

Дилайни вышла из-за угла, одетая в темные джинсы и обтягивающую розовую футболку, из-за которой у него вспотели ладони и стало тесно в штанах. Он очень пожалел, что вечером она ушла с приема. Она несколько раз танцевала с этим эксцентричным распорядителем свадьбы, а потом испарилась до того, как он сам успел ее пригласить. Конечно, она и так сделала ему большое

одолжение, что согласилась пойти, и трудно было ожидать, что она останется с ним и его родными и будет слушать истории о сумасшедшей старухе Аните Паркер и кошке, которая съела ее попугая.

Дилайни поставила свой коричневый рюкзак на пол рядом с кухонным столом.

— О, привет. Я рада, что ты вернулся до того, как я уехала.

Он посмотрел мимо нее в гостиную и увидел собранный чемодан. Он быстро прокрутил в голове события прошлого вечера. Не ляпнул ли он какую-нибудь глупость? Может, он ее чем-то обидел? Но ничего оскорбительного Грант припомнить не смог.

— Ты собираешься уезжать? Куда?

Она положила телефон в рюкзак:

— Пока не знаю. Куда-нибудь в другое место. Здесь слишком холодно.

— В другое место?

Он ведь должен почувствовать облегчение, правда? Ведь в итоге дом останется в его полном распоряжении. Почему же вместо этого у него возникло ощущение, что ему скормили большую миску собачьей еды? Плохой собачьей еды.

— Я не понимаю. А как же деньги, которые мы должны тебе вернуть?

На ее лице застыло загадочное выражение, и она самым неубедительным образом пожала плечами:

— Мы говорили о том, что наша совместная жизнь — это временное решение, всего на несколько дней. Думаю, что пора съезжать. Надеюсь, мы останемся на связи, и я скажу, куда отправить

деньги, если у тебя когда-нибудь получится их вернуть.

— Конечно, я их верну. Я не собираюсь присваивать чужое. Элейн, в чем дело? Что не так?

О господи! Почему он ее об этом спрашивает? Ему стоило бы десять раз подумать, прежде чем спрашивать женщину «что не так», потому что каким-нибудь образом в итоге окажется, что виноват именно он. Даже если он никак не мог повлиять на ее настроение, все равно будет виноват — только потому, что у него есть яйца. Всякий раз, когда женщина недовольна, выясняется, что причина в ком-то из обладателей Y-хромосомы.

— Ничего. Все в порядке.

Конечно, она будет говорить, что все в порядке. Он знал, что если девушка так говорит, то это значит «вот, поддержи гранату с вытащенной чекой, а я пока потычу тебя острой палочкой». Он еще раз прокрутил в голове события прошлого вечера... но ничего такого вспомнить не смог.

Что-то тут не сходилось.

— Давай поговорим начистоту, — начал он. — Все в порядке, ты не знаешь, куда поедешь, но все равно хочешь... что? Просто сесть в машину и уехать? Вообще-то перед тем, как садишься за руль, надо выбрать направление движения.

Почему он вообще с ней спорит? Он хотел, чтобы она уехала, разве не так? Но его расстройство было почти осязаемым и совершенно непостижимым. Она хотела уехать, и надо было просто отпустить ее, но у него возникло ощущение,

что сделав это, он проиграет, а он очень не любил проигрывать.

Дилайни поправила сережку, и ему показалось, что она сама сомневается в своем решении. И сегодня она не надела свои очки. Глаза ее сияли в солнечном свете, но в целом она выглядела... Какой? Грустной?

— Послушай, — сказал он, — давай пообедаем вместе со Скотти? Через несколько часов он уезжает в аэропорт, но до тех пор мы решили посидеть в ресторанчике у Джаспера. Если ты пока даже не знаешь, куда поедешь, значит, нет смысла торопиться, правильно?

Уголки ее губ медленно поползли вверх.

— Я и правда немного проголодалась.

— Отлично. Тогда надевай пальто. Я должен как минимум угостить тебя обедом после того, как затащил на семейную свадьбу. — Он снял с крючка ее пальто и передал ей. — Пойдем. Скотти не очень-то терпелив. — И сам он тоже. Ему не терпелось узнать, что происходит, и он очень хотел уговорить ее остаться.

С минуту Дилайни задумчиво смотрела на него, и Грант успел подумать, что сейчас она откажется. Затем она хихикнула и просунула руки в рукава пальто.

* * *

Через несколько часов Скотти подбросил их к лиловому домику с покосившейся крышей. Дилайни попрощалась с ним и прошла в дом, чтобы дать братьям время пообщаться наедине. Снова повалил

снег, и серое небо затянули темные тяжелые тучи. Сегодня уже слишком поздно для отъезда. Возможно, стоит уехать утром. Или дать себе время все хорошенько обдумать.

Обед прошел весело, и хотя в ресторане все знали братьев Коннелли, никто, похоже, не подозревал, что она не Элейн Мастерс. Возможно, Фонтейн все-таки сдержал свое обещание. Кто мог знать, что полуголый Ченнинг Татум обладает такой властью? Хотя, если хорошенько поразмыслить, кто мог этого *не знать*? Так что, учитывая все обстоятельства, ей стоило здесь задержаться хотя бы еще на несколько дней.

На кухонном столе стояла тарелка с куском свадебного торта, обтянутая целлофановой пленкой. Сверху была приклеена желтая квадратная бумажка. Дилайни наклонилась, чтобы ее прочесть.

«Привезла вам остатки торта, ешьте на здоровье. Мама».

Дилайни усмехнулась себе под нос. Если в дело оказался замешан торт, ей определенно стоит задержаться еще как минимум на день. Она подняла тарелку и поставила ее в холодильник, потому что лучше свадебного торта может быть только холодный свадебный торт. Затем повесила пальто на крючок, потянулась в карман за телефоном, но потом вспомнила, что перед тем, как поехать на обед, положила его в рюкзак.

На кухню вошел окруженный облаком ледяного воздуха Грант.

Но тут по спине Дилайни пробежал совсем другой холодок, и у нее подкосились ноги.

— Где мой рюкзак?

Грант повесил свою куртку рядом с входом:

— Что?

— Мой рюкзак. Я оставила его здесь, на кухне, перед тем как мы поехали обедать.

Он равнодушно огляделся по сторонам, потом начал стаскивать с ног ботинки:

— Возможно, ты переложила его в другое место.

Нет, Дилайни точно никуда его не перекладывала, а оставила на полу, рядом с кухонным столом. Со все возрастающей тревогой она покрутилась по кухне. Пульс ее участился, и она быстрым шагом прошла в гостиную. Чемодан остался на месте, именно там, где она его поставила, но рюкзака нигде не было видно — как и ее денег, телефона, бумажника и ноутбука. Она сложила все в рюкзак, потому что собралась уезжать. Дилайни взбежала по лестнице, сердце ее билось быстрее, чем двигались ноги, будто она бежала под водой. Рюкзака не оказалось ни в спальне, ни в шкафу, ни в ванной.

— Нашла? — крикнул Грант снизу как раз тогда, когда она уже сбегала по лестнице.

— Нет, нигде не могу его найти. Я же говорила: я оставила его здесь, на кухне. Я хорошо это помню, потому что положила в него свой телефон как раз перед тем, как мы уехали обедать. Грант, в нем были все мои деньги. *Абсолютно все.*

Он начал хмуриться:

— Но ведь он должен где-то быть.

Они обыскали весь дом, все углы, все ящики и шкафы, и с каждой неудачей настроение Дилай-

ни падало все ниже, потому что рюкзак они так и не обнаружили.

— Должно быть, кто-то забрал его, — наконец сказала она. — Ты знаешь, что задняя дверь никогда не запирается до конца? Позвони матери. Может быть, она заметила что-нибудь подозрительное, когда привозила торт.

— Какой торт?

— Пока нас не было, твоя мама привезла нам остатки свадебного торта. Я поставила его в холодильник. Грант, я просто не понимаю. Кто мог его взять? — Уперев кулаки в бока, Дилайни оглядела гостиную, а Грант открыл холодильник и заглянул внутрь. Она перегнулась через кресло, чтобы проследить за его взглядом. — Как думаешь, что еще они могли унести?

Он прошел в комнату и устало опустился на диван. Лоб его избороздили морщины, и Дилайни отметила, что сейчас он выглядит более утомленным, чем в тот вечер, когда они познакомились. Даже голос его казался измученным.

— Элейн. Есть небольшая вероятность, что я знаю, кто его взял, но я не уверен, хорошая это новость или плохая, — начал Грант.

— Говори.

Сцепив пальцы, он сжал ладони:

— Моя мать иногда... может взять вещи, которые ей не принадлежат.

— Твоя мать?

— Да. Если она завезла нам торт и увидела твой рюкзак, вполне возможно, что его взяла именно она.

— Тогда тебе точно нужно ей позвонить. Прямо сейчас. И сказать, чтобы она вернула его. Я сама позвонила бы ей, но мой телефон тоже у нее. — Она говорила резко — по-другому не получалось. Да и к чему было пытаться?

Грант вытащил из кармана телефон и набрал номер, не сводя с Дилайни глаз.

Безумие какое-то! Неужели Донна считает, что может просто взять деньги, и это сойдет ей с рук? Это был самый первый и самый важный вопрос. Второй вопрос, которым задалась Дилайни, заключался в том, заглянула ли Донна внутрь и нашла ли бумажник с документами. Дилайни засунула его глубоко под остальные вещи, под пачки денег, но если Донна видела ее удостоверение личности, значит, в Белл-Харборе уже два человека знают, кто она такая. Дилайни села на диван, сцепила ладони и зажала их между коленями. В любом случае все очень плохо.

— Голосовая почта, — наконец произнес Грант и оставил матери сообщение: — Мама. Это Грант. Мне нужно поговорить с тобой. Немедленно. У Элейн пропал рюкзак, и мне интересно, не знаешь ли ты что-нибудь об этом. Позвони мне прямо сейчас.

Он снова начал звонить, а Дилайни просто ждала, пока ее внутренности отбивали чечетку.

— Карл, это Грант. Если ты видел маму, позвони мне. Если не видел, то тоже позвони. Просто... позвони, пожалуйста. Это очень важно. — Он засунул телефон в карман. — Господи. Элейн, мне очень жаль. Возможно, я ошибаюсь, и это не она. И ты

права насчет двери. Думаю, нам нужно вызвать полицию.

— Нет! — придушенно пискнула она и икнула. — Нет, давай сначала поговорим с твоей мамой, а уже потом вызовем полицию. Я имею в виду, что, если это действительно она, то вряд ли ты захочешь, чтобы вмешалась полиция, правда?

— Нет, разумеется, нет, но я, знаешь ли, совсем не хочу, чтобы у тебя украли деньги. Сколько там было?

Она попыталась сдержать икоту:

— Примерно сорок тысяч.

— Долларов? — Теперь уже его голос напоминал придушенный писк. — Ты расхаживаешь с сорока тысячами долларов в рюкзаке?! Господи, я так и знал, что там большая сумма, но даже предположить не мог, насколько большая. Почему ты путешествуешь с таким запасом налички? Это безумие! Почему просто не воспользоваться карточкой?

Дилайни прижала большой палец к губам. Сложный вопрос. Она хотела пользоваться только наличкой, чтобы репортеры не смогли отследить ее по кредитке, но ему она это внятно объяснить не могла. Как и то, что она понятия не имеет, сколько ей придется находиться вдали от Беверли-Хиллз. В этом городке люди живут довольно скромно, но там, откуда она приехала, сорока тысяч долларов едва хватило бы на три месяца.

— Я же тебе говорила, что забрала из банка все свои деньги, когда уезжала из Бе... из Майами. Я думала, с наличкой будет... удобнее.

Нужно было взять себя в руки, чтобы случайно не рассказать ему всю историю, но ей безумно хотелось вернуть свои деньги. Во-первых, потому что они ей нужны, а во-вторых, из-за множества неприятных последствий, которые могут возникнуть, если Донна обнаружит, кто она на самом деле. Журналисты получают новый повод для скандала, и вся эта неразбериха закончится еще одним эпизодом шоу «Папа жжот».

Шумиха повлияет не только на ее жизнь — она отразится и на Гранте. В скандал могут втянуть всю его семью, как ее семью втянули в скандал с видеозаписью.

Грант положил локти на колени и ссутулился. Голос его звучал так, будто ему не хватало воздуха. Ей его точно не хватало.

— Хорошо, — произнес он едва слышно. — Сейчас мы поедem к моей маме. Может быть, она дома. Или рюкзак там. Или они вместе. Я не знаю, что еще можно сделать, если ты не хочешь вызывать полицию.

* * *

Карл встретил их в дверях в своем вечном синем пушистом банном халате.

— Привет, привет. Могу я предложить вам коктейль...

— Нет, Карл. Спасибо, — прервал его Грант, проходя мимо него в дом. — Где мама?

Карл шире открыл дверь и впустил в дом Дилайни, у которой от волнения дрожали ноги. Ее рюкзака тут не было. Она это чувствовала.

— Твоя мама? — Карл посмотрел на часы. — Сейчас она, должно быть, уже лежит на кушетке с огуречными кружками на глазах.

— Что? — Грант свирепо нахмурился.

— Она на пути к... как же она это назвала... к спа-курорту вместе с твоей тетей Тиной. Ну, ты знаешь, в одно из тех мест, где ты принимаешь грязевые ванны и откуда возвращаешься помолодев на десять—пятнадцать лет. Надеюсь, она будет долго там отмокать. — Он усмехнулся, вытащил из кармана банку светлого пива и одной рукой открыл ее.

— Я думаю, что она украла у Элейн рюкзак, — сказал Грант, долгим тяжелым взглядом уставившись на Карла. — В нем были *деньги*, Карл. Ты что-нибудь об этом знаешь?

Карл потер ладонью щеку с бакенбардой:

— Деньги, говоришь?

— Да, в коричневом кожаном рюкзаке. Ты его не видел?

— Рюкзак фирмы «Луи Виттон», — добавила Дилайни. — Коричневый, с золотыми логотипами, вот такого размера. — Она показала трясущимися руками размер рюкзака. Во время разговора она огляделась вокруг и поморщилась. В доме царил такой беспорядок, что рюкзак мог легко затеряться на самом видном месте.

— Нет, я бы не сказал, что видел его, но вы можете поискать, — ответил Карл, широким жестом обводя комнату.

— На какой именно курорт? Ты не помнишь названия? — напирал Грант, но Карл оставался

невозмутимым. Он, похоже, вообще никогда не волновался.

— Название? Не-е-е, вообще не помню. Я даже не уверен, сказала ли она его. Но он точно где-то на юге, потому что сейчас они должны быть на пути в Мемфис.

— В Мемфис? — одновременно выпалили Дилайни и Грант. У Дилайни возникло чувство, будто ее ударили под дых. Очень сильно. Ботинком со стальным носом.

— Ага, в Мемфис. После свадьбы твоя мама хотела какое-то время провести с Тиной. Я думаю, ей необходимо хоть немного отдохнуть от этой зимы. Но вот про рюкзак я ничего не знаю.

Грант повернулся к Дилайни.

— Ты все еще не хочешь вызвать полицию? — спросил он тихо. — Мы просто можем сказать им, что моя мать пропала.

— Полицию? Эй-эй, полегче. Ты не можешь быть уверен в том, что его взяла именно она. — Карл протянул к нему руку. — Опомнись, сынок. Ты же говоришь о собственной матери.

Грант с мрачным выражением лица повернулся к отчиму:

— Я знаю. Но в том рюкзаке было *сорок тысяч* долларов, Карл. Как ты думаешь, как быстро она их потратит, если ее не остановить?

Карл отхлебнул большой глоток пива. Потом еще один и еще, пока не допил всю банку и не смял ее в ладони. Затем он прошел на кухню, вытащил из-под магнетика с туканом на двери ярко-зеленого холодильника клочок бумаги и вернулся к ним.

— Сорок штук, значит? В таком случае я должен вам кое-что сказать. Я не совсем уверен, но, возможно, твоя мать покинула меня.

— Покинула? Почему ты так думаешь? — спросил Грант.

— Потому что она оставила мне вот эту записку.

— Что в ней говорится?

Карл посмотрел на бумажку, словно хотел освежить ее в памяти, затем прочистил горло:

— В ней говорится: «Прости меня, Карл. Я тебя покидаю».

— Боже, — пробормотал Грант, а Дилайни с глухим звуком осела на кофейный столик, потому что ноги ее стали похожи на вареные макароны.

— Знаешь, она и раньше меня бросала. Уже несколько раз. Но она никогда не уезжала далеко и всегда возвращалась, когда у нее заканчивались деньги. Обычно это длилось всего несколько дней, когда ей нужно было немного от меня отдохнуть, но с такой большой суммой она может пропасть надолго. Все, что я знаю, — она сказала мне, что заведет вам остатки торта, а потом отправится вместе с сестрой в Мемфис. После обеда я пошел с собаками на прогулку, и когда вернулся, она уже исчезла, оставив мне на холодильнике вот эту записку. Черт! Если подумать, то, возможно, она могла отправиться вовсе не в Мемфис.

— Господи, — произнес Грант, на этот раз громче.

Дилайни опустила голову на колени, размышляя, стоит ли ей упасть в обморок и станет ли от этого легче. Скорее всего, нет, но попробовать ужасно

хотелось. Несколько минут блаженного забытья в этот момент казались предпочтительнее, чем охватившая ее тревога, мерзкими когтями сжимавшая внутренности.

Карл покачал головой, в первый раз за все время выразив тревогу:

— Мне очень жаль, что так вышло, Элейн. Если Донна вернется, клянусь, что установлю на нее противоугонный маячок.

— Если она вообще вернется, — пробормотал Грант.

— Если она вообще вернется, — шепотом повторила Дилайни, и ее мозг снова включился в работу. Она медленно подняла голову, обдумывая промелькнувшую в голове мысль. — Погодите-ка. Противоугонный маячок? Точно! У нее же мой телефон!

— И? — спросил Грант.

Она встала и схватила его за руку.

— У меня на телефоне включена геолокация. Все, что мне нужно, — это позвонить сестре, и она скажет, где сейчас мой телефон. А если мы найдем телефон, то найдем и рюкзак! — Боже, какая же она умница. Почти такая же гениальная, как Джейсон Борн! Она протянула Гранту другую руку. — Дай мне телефон, и я прямо сейчас позвоню сестре. Твоя мама не могла далеко уехать. Прошло всего несколько часов. — Он вытащил из кармана и передал ей телефон. — А пока, — сказала она, — может, вы, ребята, поищите рюкзак здесь?

Она прошла на кухню, чтобы обеспечить хоть какую-то приватность разговору, но сестра не от-

вечала. Звонок переключился в режим голосовой почты.

— Мел, это Лайн. Перезвони мне на этот номер сразу же, как получишь сообщение. Это очень важно. Очень-очень. Вопрос жизни и смерти.

Она повернулась и увидела Гранта, который вошел на кухню бесшумно, будто призрак.

— Лайн? Так тебя называют дома?

Дилайни кивнула и смотрела, не отразится ли на его лице внезапное узнавание, но ничего такого не заметила.

— Очень милое прозвище. Оно тебе подходит.

— Спасибо. — Чуть позже она по достоинству оценит комплимент и будет благодарна Гранту за то, что он не понял, кто она такая, но прямо сейчас важнее всего было найти Донну, ее вороватую домовладелицу, и сорок тысяч долларов, которые она прихватила с собой. Точнее, там было тридцать девять тысяч восемьсот пятнадцать долларов. И одиннадцать центов. Она пересчитала деньги утром, перед тем как собрать вещи в дорогу.

— Послушай, — сказал Грант, — я не думаю, что рюкзак все еще здесь. Я думаю, что нам лучше всего сейчас же сесть в машину и отправиться на юг. Если позвонит твоя сестра и скажет, что мама двинулась в другую сторону, мы повернем и поедem туда, куда нужно.

— Ты хочешь просто сесть в машину и поехать за ней? Но не ты ли всего несколько часов назад говорил, что это — плохая идея?

— Ситуация изменилась, и если у тебя нет других предложений, думаю, нам стоит отправиться

в погоню. Чем быстрее мы догоним мать, тем больше вероятность, что она не успеет потратить твои деньги. И, как ты сказала, вряд ли они уехали далеко. Если нам повезет, уже скоро мы будем знать, где она. В худшем случае они с тетей остановятся где-нибудь в придорожном отеле, и мы нагоним их там. — Он потер рукой жилистую шею. — И будем молиться, чтобы в этом отеле не было казино.

Глава 10

Последнее, что хотел бы в эту минуту делать Грант Коннелли — это ехать по федеральной трассе номер 196 вдоль озера Мичиган в разгар самой суровой зимы за последние пятьдесят лет. В «фольксвагене». Консервная банка на колесах не могла выдать больше семидесяти миль в час, а даже если бы могла, все равно снова поднялся буран, из-за которого на дороге почти ничего не было видно. Ветер хлестал по машине, словно бык на скакивал на клоуна во время родео, а обогреватель был почти бесполезен.

Поездка обещала быть отвратительной, а они даже не знали, верное ли выбрали направление.

Дилайни мрачно сидела на пассажирском сиденье. Она взяла с собой вязание, но даже не приоткрылась к спицам, и те, забытые, лежали у нее на коленях. Чем более подавленной она выглядела, тем хуже он себя чувствовал. Они остановились у дома, чтобы собрать вещи на тот случай, если придется провести в дороге больше одного дня, что выглядело все более вероятным. Ее сестра еще не перезвонила, и каждая миля, которую они проезжали, могла уводить их все дальше от денег Дилайни. Может, им просто стоило остаться

в Белл-Харборе, но Гранту просто необходимо было хоть что-то делать.

— Я не знаю, как выразить, насколько мне жаль, что все так вышло, — повторил он уже пятый раз за час.

— Ты не виноват, — ответила девушка, заправляя бледно-голубой шарф за воротник коричневого пальто. — Откуда ты мог знать, что она их возьмет? Может, это вообще не она.

Грант так сильно сжал руль, что онемели пальцы. Или они онемели от холода. Он знал только, что едва чувствует их. А что он чувствовал в полной мере, так это смятение. В глубине души он был абсолютно уверен в том, что именно мать взяла рюкзак. Это было единственное логичное объяснение произошедшего, ведь она заходила в дом. Вероятность того, что в то же самое время, в воскресенье после обеда, к ним заглянул неизвестный грабитель, была почти нулевой.

Следом за смятением на него нахлынуло чувство вины, потому что именно такую ситуацию раньше пришлось расхлебывать Тайлеру.

С этой же ему придется справляться самостоятельно. Пусть Тайлер спокойно наслаждается медовым месяцем. Скотти, Эйми и Венди тоже покинули город. За Элейн отвечает Грант, поэтому он обязан найти Донну и вернуть деньги, хочется ему этого или нет.

— Я, конечно, не знал, что она их возьмет, — сказал он, — но в ту ночь, когда мы познакомились, я сказал тебе, что мать любит играть в казино, так что я мог такое предвидеть. Меня все это

страшно бесит. Я терпеть не могу людей, которые врут или воруют, а она сделала и то, и другое. — Он мельком глянул на Дилайни. — Мой брат говорит, что причина в ее слабых нервах, и вроде как стресс вызывает у нее импульсивное желание действовать. Но я не думаю, что причины такого поведения имеют большое значение. Ей следует понять, что нельзя просто так брать чужие вещи.

Дилайни беспокойно поерзала на сиденье.

Он очень нервничал и все продолжал говорить, желая заполнить возникшую тишину.

— Несмотря на все это, ты удивительно спокойно ведешь себя, Элейн. На твоём месте я уже давно вызвал бы полицию. Черт побери, я все еще думаю, что нам нужно позвонить в полицию, — пусть даже в этом происшествии замешана моя родная мать.

Она посмотрела в окно:

— Мы не можем вызвать полицию. — Она говорила тихо, будто не ему, а просто констатировала факт, и он чуть было не вдарил по тормозам, когда осознал, почему она так говорит.

Какой же он дурак!

Если человек, у которого украли сорок тысяч, не желает вызвать полицию, этому может быть лишь одна причина: деньги ему не принадлежат. Господи! Он несся по этому адскому шоссе, чтобы вернуть *украденные* деньги, которые снова *украли*. И Элейн ничем не лучше его матери. Он подозревал это с самого начала, но постарался глубже запрятать свои сомнения, потому что девушка оказалась такой милой. И потому что она

занималась йогой. А ее губы словно были созданы для поцелуев.

Прошла целая минута, прежде чем он осмелился спросить:

— Для тебя это то же самое, Элейн? Импульсивное желание?

Ей понадобилось несколько секунд, чтобы осознать слова, которые только что прозвучали. Она повернулась к нему:

— Что? Для меня? Ты о чем вообще говоришь?

— О воровстве. Я не сразу сложил все части головоломки и только сейчас понял, почему ты так не хочешь вызывать полицию. Откуда у тебя эти деньги?

Она театральнo закатила глаза, будто его обвинение было самым нелепым предположением, которое только можно было сделать. Она играла гораздо лучше, чем Блейк Рокстоун.

— Мы снова вернулись к тому, с чего начали? Это мои деньги. Господи, я уже говорила тебе об этом. Ты все еще мне не веришь? — Она фыркнула от возмущения — настоящего или притворного.

— А почему я должен тебе верить? Я даже родной матери не могу доверять, а ты не слишком-то откровенничала со мной за те несколько дней, что мы знакомы.

У нее порозовели щеки:

— Хорошо. Что ты хочешь узнать?

Его телефон, лежащий на приборной панели, завибрировал, и Дилайни дернулась, схватила его и ткнула пальцем в экран.

— Это моя сестра. — Она приложила телефон к уху. — Мел? Слава богу. Почему ты так долго не перезванивала?

В трубке послышалось неразборчивое бормотание, так что Грант слышал разговор только со стороны Дилайни.

— Ну, просто потому, что ты не узнала номер, разве не обязательно все равно прослушать сообщение? Я тебе оставила их пять штук!

Бормотание. Бормотание.

— Хорошо. Неважно. Дело вот в чем. Мне нужно, чтобы ты посмотрела местоположение моего телефона. Его украли, и мы пытаемся его отследить.

Снова невнятное бормотание. Грант увидел, что щеки Элейн еще больше порозовели.

— Я с другом. Больше тут никого. Мы думаем, что мой телефон сейчас на пути в Мемфис.

Бормотание.

— Я сказала — с другом!

Снова неразборчивое бормотание, потом пауза, потом снова бормотание.

Дилайни вздохнула и посмотрела в его сторону.

— Его зовут Грант, и он живет в том же доме... многоквартирном. Так ты скажешь мне, где мой телефон, или нет?

Бормотание. Пауза. Бормотание.

— Канкаки, штат Иллинойс? — Она посмотрела на Гранта. — Правильно ли я разобрала?

— Я ни разу не слышал об этом месте. Но мы как раз направляемся в Иллинойс, — ответил он. — Ну, по крайней мере теперь мы знаем, что они тоже едут на юг.

Дилайни кивнула:

— Спасибо, Мел. Ты очень помогла нам. Спасибо большое. Но у меня к тебе еще одна просьба. Очень важная. Мне нужно, чтобы ты следила, куда движется телефон. Если он замрет на месте или меняет направление, нам нужно узнать об этом сразу же. Да, и ничего не говори маме с папой, ладно? Я не хочу, чтобы они волновались за меня.

Бормотание.

Грант краем глаза следил за ней. Лицо ее очень оживилось, когда она серьезно разговаривала с сестрой. Что за вор будет так беспокоиться о родителях? Через несколько минут непонятного, но совершенно невинного разговора она нажала на экран и положила телефон обратно на приборную панель.

— Она будет проверять его каждые полчаса. Так что, пока не разрядится телефон, у нас все в порядке.

Они проехали еще с милю, и тишину нарушали только скрип дворников на лобовом стекле и мягкое шуршание шин по заснеженному шоссе.

— Я рассказывала тебе, что у моей семьи есть мыловаренная компания? — она говорила мягко и неуверенно, и на него волной нахлынуло облегчение. Наконец-то он получит ответы на свои вопросы.

* * *

— Да, — ответил Грант.

Он смотрел на дорогу, но было заметно, что он весь обратился в слух. Его любопытство было по-

нятным и логичным, и Дилайни совсем не хотелось врать. Ложь была противна ее натуре, но если она расскажет ему *всю* правду, Грант подумает, что она просто богатенькая бедняжка, которая сбежала от проблем. Что, в общем-то, соответствовало действительности. Как она ни старалась, ей не удавалось собраться с духом, чтобы рассказать ему о Бойде. Слишком унижительно. Грант ей нравился. Ей нравилось, как он на нее смотрит — как на милую невинную девушку, но его отношение изменится в ту же минуту, когда он узнает о скандальной видеозаписи. Так что ради ее блага и ради его блага нужно свести ложь к минимуму.

— У нас и правда есть небольшая мыловаренная компания, но не она приносит нам основной доход. Мой отец раньше работал, но потом у него был долгий неудачный период, когда мы жили очень скромно. Накопились горы счетов.

Все это было правдой. Она ни капли не преувеличила. Когда звукозаписывающие компании отказались сотрудничать с ее отцом, родители все так же продолжали тратить деньги, будто ничего не изменилось. Неудивительно, что они очень быстро погрязли в долгах. Дилайни и ее сестры работали стилистами у знаменитостей, но только с началом реалити-шоу положение их семьи начало улучшаться.

— Сейчас он снова работает, так что дела пошли в гору, — продолжила она. — Все домашние подключились к делу, и мы наконец-то опять встали на ноги, но мы все живем в одном доме, и, понимаешь, семья слишком много времени проводит

вместе. Самая старшая сестра давно переехала, но средняя сестра и я все еще живем с родителями. Потому что в... Майами снимать квартиру дорого, так что жить дома вроде бы даже удобнее. — Она набрала воздуха в грудь. Очень тяжело было балансировать на тонкой грани между правдой и ложью. — В любом случае мне кажется, что сейчас они справятся и без меня. Я подумала, что мне стоит немного отдохнуть от всего, что творится дома. Ты один раз тоже оставил семью и должен понимать, что я имею в виду.

Так близко, так близко к правде. Она действительно пыталась немного отдохнуть. Она стала стилистом просто потому, что и мать, и сестры уже работали в этом бизнесе, это не было ее осознанным выбором. Она просто... плыла по течению. И с реалити-шоу вышло точно так же. Дилайни участвовала в нем ради родителей, а не из желания прославиться или привлечь к себе внимание. Но она не могла рассказать об этом Гранту. Только не сейчас, уже получив представление о том, как он относится к бездушной богеме Лос-Анджелеса. Наверняка он и ее сочтет такой же.

Как только Грант вернет ей этот идиотский рюкзак, в котором лежат деньги и документы, она все ему расскажет. Все-все. Даже ужасную историю с Бойдом, но до тех пор ей нужна его помощь. Слабое оправдание, но она так и не смогла заставить себя подготовиться к тому эмоциональному опустошению, которое последует за признанием. Они обречены ехать в этой машине до тех пор,

пока не найдут Донну. И в конце концов, если она сейчас ему обо всем расскажет, их обоим станет только неуютнее.

— Так что ты забрала все деньги и уехала в другой город, — утвердительно сказал Грант, будто уточняя, правильно ли ее понял.

— Да.

— Так какого черта ты выбрала Белл-Харбор? Особенно в такое время года?

Она почувствовала, как жар приливает к щекам:

— Если я скажу, ты подумаешь, что я поступила очень легкомысленно. — Взгляд, который он бросил в ее сторону, будто говорил «а ты проверь». — Я прочитала статью в журнале о путешествиях, что здесь великолепные пляжи и дюны. В журнале Белл-Харбор описывался так притягательно, что я долгими днями смотрела на эти картинки и думала: если я захотела бы попасть в идеальный маленький городок с идеальными маленькими пляжами, все выглядело бы именно так. Так что... вот поэтому я выбрала Белл-Харбор. Откуда я знала, что в этой части страны царит самая ужасная зима в современной истории?

Похоже, ее фраза оскорбила богов, которые отвечают за погоду, потому что в следующую секунду после разговора о пляжах их машину закрутило мощным порывом ветра, и на скорости шестьдесят миль в час они ушли в занос. Телефон полетел в одну сторону, вязание на ее коленях — в другую. Их кружило, словно на дурацком аттракционе с чашками в Диснейленде. Все быстрее и быстрее.

— Держись! — крикнул Грант.

Автомобиль продолжал вращаться, и Дилайни даже не могла понять, куда их несет, и на дороге ли они еще или уже нет. Мелькнули огни: встречная машина едва успела разминуться с ними. Костяшки на пальцах Гранта побелели, так сильно он сжимал рулевое колесо, чтобы выйти из заноса. Они летели сквозь бушующую метель, пока наконец корпус машины с грохотом не ударился о ледяной наст: она съехала в кювет. Со скрежетом смялся металл, затем снова раздался грохот, и машина резко остановилась. По инерции Дилайни кинуло вперед, но ремни безопасности отбросили ее обратно так, что вышибло дух.

Сколько секунд это длилось? Десять? Десять тысяч? Дилайни ошеломленно взглянула на Гранта. Его лицо было таким же белым, как зимнее небо.

Он тоже посмотрел на нее и сжал ей руку.

— Ты в порядке?

Она кивнула:

— Думаю, да. С тобой все хорошо?

— Думаю, да.

Пар от их частого дыхания висел в салоне, как туман. Дилайни посмотрела мимо Гранта в окно и увидела, что они застряли в десяти или двенадцати футах от обочины шоссе, но ощущение, что их крутило по снегу многие мили, никуда не делось.

Ее окно было почти полностью залеплено снегом, потому что они врезались в сугроб. При столкновении двигатель сразу заглох. Грант вздохнул и дрожащей рукой повернул ключ в замке за-

жигания. Двигатель закашлялся, но неожиданно завелся и зарычал.

— Ты и правда думаешь, что сможешь снова выехать на шоссе? — Она показала на заваленное снегом окно.

— Нет, но мне хотелось бы знать, сможем ли мы прогревать машину до тех пор, пока нас кто-нибудь не спасет.

Он пошарил руками по полу и нашел телефон. Она видела, как он набирает «девять-один-один» и нажимает на значок громкой связи.

— Девять-один-один. Что у вас случилось?

— Нас ветром снесло с дороги на федеральной трассе 94, сразу после поворота на Портедж. Мы не на обочине, а в кювете, в желтом «фольксвагене».

— В машине есть пострадавшие?

— Нет, нас двое, и мы в порядке, но машину помяло так, что самостоятельно выехать обратно на шоссе мы не сможем. Мы застряли в сугробе. И у нас примерно полбака горючего.

— Понятно. Ваше имя, сэр?

— Грант Коннелли. Со мной еще пассажир, Элейн Мастерс.

Она вздрогнула, когда он назвал диспетчеру ее псевдоним. Если их спасет полиция, придется назвать свое настоящее имя. Да, жить под псевдонимом оказалось не так-то просто. Представиться служителю закона чужим именем считается преступлением, но по сравнению с ним кража рюкзака с деньгами, разумеется, преступление более тяжкое. Ей оставалось надеяться, что полиция

оценивает тяжесть преступления по кривой нормального распределения Гаусса.

— Хорошо, Грант, — произнес диспетчер. — Я сообщу в офис шерифа. Сегодня вечером у нас много вызовов, поэтому они доберутся до вас так быстро, как только смогут. А пока... — Голос оборвался на середине фразы.

Грант посмотрел на телефон:

— Черт! Потеряно соединение с базой. — Он огляделся, будто пытаясь прийти в себя. — У тебя есть что-нибудь в багажнике? Сигнальные ракеты, одеяла или что-то еще в этом духе?

Она покачала головой:

— Нет, ничего нет. Прости.

— Ничего. Я сам должен был все продумать. Глупо уезжать в такую погоду и не захватить с собой все необходимое. Вообще-то парни, которые столько прожили в походных условиях, должны об этом помнить, правда?

Он заглушил мотор, потом нажал на ручку двери, надавив на дверь плечом.

— А теперь ты что делаешь?

— Мне нужно убедиться в том, что снег не закупорил выхлопную трубу. Я сегодня уже один раз чуть не убил нас с тобой, и мне не хотелось бы, чтобы мы отравились выхлопным газом.

Пока он выбирался наружу и закрывал за собой дверь, в кабину ворвался холодный снежный ветер. Через несколько минут, когда Грант снова залез в машину, он был уже весь припорошен снегом.

— Снаружи темнеет. Нам очень повезет, если кто-нибудь увидит нас с дороги. И я не смог открыть багажник, чтобы вытащить наши дорожные сумки. Какого цвета на тебе лифчик?

— Прости, что? — Вопрос казался совершенно несвоевременным.

— Я хочу привязать к антенне что-нибудь яркое, чтобы полиция скорее смогла увидеть машину. Что-нибудь темное тоже подойдет. Но я подумал, вдруг ты сегодня надела один из тех кислотных лифчиков, которые были развешены по всей ванной?

— Я не вешала... — Да, она развесила их там на просушку. Но они не были кислотных цветов! Это пошло! — Они не кислотные. Они просто... несколько экстравагантные.

— Да-да, именно это слово всегда приходило мне на ум, когда они падали на пол. Какой же экстравагантный третий размер!

Вообще-то у нее второй. Но ни одна женщина в здравом уме не станет поправлять мужчину, который ошибся в размере ее груди в бóльшую сторону.

— Я не помню, какой именно лифчик надела, — сказала она, но все же расстегнула пальто и попыталась вытащить из-под горловины свитера бретельку, чтобы посмотреть ее цвет. Ей мешал ремень безопасности, она нетерпеливо потянулась вниз, чтобы его отстегнуть, и груди стало больно. Должно быть, она здорово ударилась. Наконец она смогла поддеть большим пальцем бретельку и вытащить ее на свет.

— Какого она цвета? — спросила Дилайни.

— О, так это тот самый, красный. Мне он понравился. Снимай его.

— Ты что, шутишь? Ты думаешь, я вот так за- просто сниму лифчик?

— Я не шучу. С каждой минутой становится все темнее, и чем раньше мы привяжем к антенне что-нибудь яркое, тем выше вероятность того, что кто-нибудь придет нам на помощь. Я понятия не имею, когда полиция доберется до нас, и снаружи адски холодно.

«Снимай лифчик». Он шутит или нет? Выражение лица Гранта было самым серьезным, даже когда он заявил:

— Выбирай: либо твой лифчик, либо мои клетчатые боксеры. Что повесим на антенну?

— Хотела бы я посмотреть, как ты снимаешь трусы в такой тесноте, — произнесла она, продолжая расстегивать пальто.

— В любых других обстоятельствах я с радостью исполнил бы твоё желание... — Его глаза потемнели, когда она полезла себе под свитер.

— Ты не мог бы отвернуться? — попросила она.

— Мы можем умереть в этой машине. Неужели ты лишишь умирающего человека шанса посмотреть на твою грудь?

Она замерла:

— Мы что, правда можем тут умереть?!

Он покачал головой:

— Конечно же нет. Я этого не допущу. Но если я скажу «да, конечно, можем», ты покажешь мне свою грудь?

— Ты правда думаешь, что сейчас подходящее время для шуток?

— Я просто пытаюсь согреться.

— Отвернись! — Голос ее прозвучал сурово, но его шутки и ее немного согрели. Наконец Грант послушался, и через несколько секунд она уже вытащила из-под свитера лифчик и снова застегнула пальто. Она потянулась вперед и пощекотала ему ухо бретелькой. Он резко выдохнул и поймал бретельку кончиками пальцев.

— Да. Он мне определенно нравится. Вернусь через минуту. — Грант послал ей легкую улыбку и снова вылез из машины. Там похолодало еще на несколько градусов, а ведь сумерки только-только начали сгущаться и вся ночь была впереди. Что, если они и правда здесь погибнут? Такое на самом деле случается? Но ведь они находятся на федеральной трассе. Разумеется, полиция скоро их найдет.

Дилайни показалось, что до его возвращения прошла целая вечность, хотя, возможно, промелькнула всего лишь минута. Или десять минут. Мозг ее замерз точно так же, как и дыхание, льдинками оседавшее в машине, но дверь наконец-то открылась, и Грант снова протиснулся на водительское сиденье. На этот раз на нем было вдвое больше снега, чем в прошлый. Даже штаны были в снегу.

— Как ты? — спросила она.

— Превосходно. Снаружи холоднее, чем на гребаном Южном полюсе. А я, кстати, был на Южном полюсе. — Он начал быстрыми движениями растирать руки, затем попытался стряхнуть с себя

снег. Дилайни потянулась к нему, чтобы помочь, и они неожиданно стукнулись головами.

— Все нормально. Я его привязал, — сказал Грант и повернул ключ в замке зажигания. Машина застонала, зачихала, но в конце концов двигатель заработал. — Минут десять прогреем машину, а потом придется снова заглушить мотор. Так что наслаждайся теплом, пока оно есть.

Глава 11

Десять минут растянулись на добрые тридцать, но потом температура в машине резко упала. Стало не просто холодно — такой холод должен был наступить только после ледникового периода перед самым концом света. У Дилайни зуб на зуб не попадал, и она никак не могла перестать дрожать. Сейчас она была похожа на одну из тех маленьких жутких заводных обезьянок, которые бьют в медные тарелки и щелкают зубами.

— Ты ведь не сможешь в ближайшее время связать для нас одеяло, правда? — попытался пошутить Грант, но в его голосе слышалось единственное: он тоже ужасно замерз.

— Не думаю. У меня занемели пальцы. — Во время аварии спицы с пряжей улетели под кресло, Дилайни вытащила их и засунула в сумку, которая бесполезно стояла на заднем сиденье.

— Хорошо. В таком случае не подумай, что я собираюсь к тебе приставать, но вдвоем нам станет гораздо теплее. Откинь спинку до предела.

Да если бы он и приставал, ей уже было все равно. Лишь бы согреться. Она потянула за рычаг под передним сиденьем, и оно до упора откинулось назад. Дилайни посмотрела на Гранта, ожидая

дальнейших инструкций. Мозг ее слишком замерз, чтобы сформулировать вопрос.

— Отлично. А теперь расстегни пальто.

Что? Замерзшему мозгу требовалось объяснение.

— Расстегнуть? Зачем это мне его расстегивать?

— Потому что нам будет куда легче делиться теплом, если мы будем прижиматься... свитер к свитеру, чем пальто к куртке. Поверь мне. — Он расстегнул свою куртку.

Ей ничего не оставалось, кроме как довериться ему в этом вопросе. Она расстегнула свое пальто и откинулась на спинку кресла. Грант перекинул правую ногу через рычаг переключения передач, приподнялся на сиденье, застрял на минуту из-за руля, но потом высвободился и с глухим звуком приземлился на Дилайни. Из нее опять вышибло дух, и синяк от ремня безопасности снова заныл. Она громко ахнула.

— Ой! Прости, — произнес виновато Грант. — Я мог бы быть аккуратнее. С тобой все хорошо?

Она кивнула и глубоко вздохнула, когда он приподнялся над ней. Их ноги переплелись; одну Грант сунул между ногой Дилайни и дверью, будто пытаясь целиком окутать девушку собой, и это было бы очень мило, если бы не было запредельно неловким.

— А теперь обхвати меня под курткой руками. Я знаю, что это... нарушение личного пространства, но, поверь, так нам станет намного теплее.

Она поверила. Еще бы не поверить, ведь ее уже заливал жар, причем некоторые участки тела даже сильнее, чем остальные, а потом Грант накрыл ее

собой, словно большим одеялом. Она скользнула руками ему под куртку и, сплетя пальцы, обняла его за талию.

— Прости, если я слишком тяжелый, но подо мной тебе точно станет теплее.

Он снова немного подвинул ноги, крепче прижимаясь к ней. Да, он тяжелый. Но это приятная тяжесть. Не только из-за тепла, но и потому, что Дилайни почувствовала себя в безопасности, а уж в таких условиях это о чем-то да говорит.

Лицо Гранта находилось всего в нескольких дюймах от ее лица, и ей приходилось смотреть ему прямо в глаза.

Ей казалось, что он готов ее поцеловать. И ей очень хотелось, чтобы он ее поцеловал. И не только потому, что он так крепко прижимался к ней, — ей уже несколько дней самой хотелось его поцеловать. Частично из-за этого она так стремилась поскорее покинуть Белл-Харбор. Влечение к Гранту оказалось проблемой, справиться с которой у нее не хватало душевных сил.

Застенчиво улыбаясь, он в конце концов опустил голову на изгиб ее шеи и вздохнул. Тепло его дыхания казалось удивительно приятным. Обстановка стала непоправимо интимной.

— Итак... — произнес он секунд через пятнадцать. — О чем ты хочешь поговорить?

Дилайни захихикала, но в ее смехе слышались истерические нотки, и она действительно чувствовала себя на грани истерики. Ей нужно было так мало — немного мира и покоя, немного личного пространства. Она не планировала, что все

закончится именно таким образом, но неужели по иронии судьбы ей предстоит умереть от рук видеооператора?

— Может, лучше вообще не будем разговаривать? — спросила она.

— Ой, знаешь, мне очень нужно поговорить. О чем-нибудь абсолютно несексуальном. О чем-нибудь, в связи с чем вообще не может возникнуть мыслей о сексе. — Он поднял голову и встретился с ней взглядом зеленовато-карих глаз. Голос его стал напряженным и хриловатым.

— С чего бы тебе... Ой... — И тут Дилайни поняла, что он имеет в виду.

Бедняга! Бедные мужчины, они же не могут контролировать выброс тестостерона в собственном организме. Теперь ее смех звучал более искренне.

Его вздох облаком вырвался в морозный воздух.

— Господи! Не смейся, пожалуйста. Только не смейся. Когда ты смеешься, у тебя все тело дрожит, и все становится только хуже. — Дилайни рассмеялась еще сильнее, и напряжение Гранта стало еще более очевидным. — Я серьезно. Пожалей меня, женщина. — Он крепче прижался лицом к ее плечу.

— Прости. Я не специально.

— Я понимаю, но постарайся понять, что мой член тоже не специально все это делает. Я не хочу, чтобы ты решила, будто я могу воспользоваться попавшей в беду девой. Я не стану злоупотреблять ситуацией.

Дилайни чувствовала его вольное или невольное возбуждение и прижатый к бедру твердый член. Ей,

возможно, стоило бы заволноваться или оскорбиться, но она просто удивилась. И, возможно, тоже немного возбудилась. Ну ладно, она здорово возбудилась. И вообще от всего происходящего ее переполняли исключительно приятные ощущения. Что за прекрасный способ умереть!

— Я вовсе не думала, что ты хочешь злоупотребить ситуацией.

— Это хорошо. Но вообще я хотел бы признаться, что даже если бы мы не оказались в таких обстоятельствах — на грани жизни и смерти, — мне все равно очень хотелось тебя поцеловать. Я хотел поцеловать тебя с той самой минуты, как ты ворвалась ко мне в ванную.

На нее нахлынула волна тепла.

— Тогда почему ты до сих пор не решился?

— Если честно, ты была довольно закрытой. И я не мог отогнать от себя мысль, что где-то есть ревнивый муж или любовник с собственническими инстинктами, который за такое наставит на меня пушку.

— Нет у меня никого. Никаких ревнивых стрелков.

Он пристально посмотрел на нее. Да, делиться теплом — это и правда славно.

— Так ты говоришь, что просто путешествуешь по округе с рюкзаком, полным налички, и никакой мужчина не имеет к этому отношения?

Вообще-то все это случилось как раз из-за мужчины. Из-за Бойда Хэмптона. Но он совершенно не подходил на роль ревнивого бывшего парня, а Грант спрашивал именно об этом. Стоит добавить

еще одну строчку в список рассказанных ему полуправд.

— Никакой.

Грант с облегчением и чуть лукаво улыбнулся:

— Тогда, может, это женщина?

Дилайни хихикнула:

— Нет, прости, но никаких лесбийских связей у меня тоже не было. Даже фантазировать не о чем.

— О боже! Зачем ты такое говоришь?! — Он еще теснее прижал к ней бедра, чтобы подчеркнуть, как на него влияют ее слова. — Тут минус тридцать пять по Цельсию, но я почему-то весь вспотел.

Он не вспотел, но от него исходил жар, и его твердый член требовал к себе внимания.

— Ты совсем не можешь его контролировать, да? — сочувственно спросила она.

— Я могу контролировать все, что я с ним делаю, но я не могу, как бы так выразиться, заставить его уснуть, если он уже проснулся. Так что полагаю, что нам все же стоит начать говорить о чем-нибудь совершенно несексуальном. Расскажи мне, как делается мыло. Или, еще лучше, давай поговорим о бабушках. Или о расстройстве пищевого поведения. Давай обсудим дизентерию.

Дилайни прыснула со смеху, и все ее тело затряслось от веселья.

— Ты меня убиваешь, — простонал он ей в ухо, еще глубже зарываясь лицом во впадину между плечом и шеей.

Господи, как хорошо! И тепло! Дилайни провела руками по его спине и подвинула ногу. Она просто

пыталась устроиться поудобнее, но почувствовала, как у него перехватило дыхание.

Она тоже ахнула от еще более тесного контакта.

— Прости.

— Нет, все нормально. Просто... — Он поднял голову. Снаружи уже стемнело, наступили густые сумерки с приглушенными темно-серыми тенями, но в его карих глазах все еще можно было разглядеть зеленоватый оттенок. Его частое теплое дыхание нежно согревало щеку. — Поцелуй меня, — прошептал он.

Он не просил и не требовал — просто сказал, что уже пора. Все это время она знала, к чему приведет их знакомство. И он тоже знал. Развязка была неминуема, как и эта авария, и теперь настала пора ей братья за руль. Или, наоборот, просто отпустить его.

Она вытащила левую руку и дотронулась пальцами до его лица, провела ими по линии челюсти и положила ладонь ему на затылок. Легчайший поворот головы, слабое нажатие пальцев — и Грант припал губами к ее губам. Он всем телом навалился на нее, и ей нравилась его тяжесть. Она притянула его еще ближе и обвила его ноги своими ногами. Их бедра ритмично двигались, языки танцевали и переплетались, а дыхание учащалось. Его теплый рот по вкусу напоминал мяту, смешанную с раем. Она давно уже не целовалась, очень давно, и вообще не помнила, чтобы ее вот так целовали. Она растворилась в поцелуе.

Грант начал целовать ей шею, спускаясь все ниже, и подбородком отодвинул шарф.

— Господи, Элейн, — пробормотал он, снова уткнувшись ей в шею.

— Лайн, — прошептала она. — Просто Лайн. — Мелочь, но для нее сейчас было важно, чтобы в том океане лжи, который она вылила на него, была хоть капля правды. Она хотела, чтобы он узнал ее настоящую. Не медийный образ Дилайни Мастерсон и не фальшивую Элейн Мастерс, а просто... ее суть. Ту ее внутреннюю часть, что всегда остается настоящей.

Он поднял голову и посмотрел на нее.

— Хорошо. Лайн. Ты знаешь, что ты — невероятно красивая девушка?

Она улыбнулась и на секунду даже поверила его словам.

— А ты — очень привлекательный мужчина. Но когда я впервые увидела тебя, я этого не поняла.

— Правда? Потому что в душе ты вроде бы очень хорошо меня рассмотрела.

Дилайни почувствовала, как жар заливает щеки. Она действительно хорошо его рассмотрела, но судя по тому, что сейчас прижималось к ее бедру, все равно несколько недооценила.

— Ты мне испортил книгу.

— С ней все в порядке. Ее всего лишь нужно было высушить.

— Нет, она испорчена. Я просто не могу ее читать. Каждый раз, когда я открываю ее, я начинаю гадать, какими именно страницами ты прижимал ее к своему... ну, ты знаешь.

Грант весело рассмеялся:

— Ты что, даже не можешь произнести вслух это слово? К чему я ее прижимал?

Она покраснела еще сильнее:

— Ты сам знаешь. К своему... пенису, — последнее слово она прошептала еле слышно и сразу отвела взгляд, отчего он расхохотался еще сильнее.

— Вау! Ты и правда будто из девочек-скаутов. Как ты умудрилась остаться такой невинной в двадцать пять лет?

Ее улыбка поблекла. Ей не двадцать пять. И не такая уж она невинная. Но было так здорово знать, что он считает ее таковой! Она чувствовала себя обновленной, сияющей чистотой, будто в прошлом не было ни Бойда, ни ее собственных ошибок. Ей стоило немедленно рассказать ему правду, но от его похвалы — пусть даже и незаслуженной — Дилайни светилась радостью. Если она расскажет Гранту правду, он больше не будет ее целовать. А прямо сейчас ей хотелось лишь одного: чтобы он снова поцеловал ее. Так что она просто сказала:

— Хватит болтать. Лучше поцелуй меня еще раз.

Глава 12

Она так увлеклась поцелуем, что даже не поняла, почему Грант остановился, но он оторвался от нее и потянулся к двери. Тогда она тоже услышала drobный стук в окно. Рука без перчатки потерла обледенелое стекло, и костяшки чьих-то пальцев снова постучали по нему. Грант потянул за ручку, открывающую окно. В салон ворвался снежный вихрь — миниатюрный шторм, который тут же засыпал водительское кресло ледяными кристаллами.

— Эй, там, внутри! — раздался за воем ветра приятный мужской голос. — Вам вообще нужна помощь, или вы слишком заняты, чтобы помнить, что ваша машина съехала в кювет? — Когда стекло опустилось достаточно низко, мужчина просунул голову в окно и заулыбался.

Облегчение оттого, что их наконец нашли, смешалось с разочарованием, что их прервали.

На мужчине примерно их возраста была надета коричневая толстовка — ни куртки, ни пальто. Лицо с темными, как крепкий кофе, глазами было видно достаточно хорошо, чтобы разглядеть ухоженные остроугольные бакенбарды. Симпатичный мужчина с немного демонической притягательностью, но, если честно, в такой холод поездка в ад казалась уже не такой плохой перспективой.

— Да, конечно, нам нужна помощь! Мы уже больше часа ждем полицию, — ответил Грант.

— Примерно в двух милях отсюда здоровенная пробка. Столкнулись несколько машин, — сказал мужчина. — Они, скорее всего, тоже там застряли. Мы поехали другой дорогой, но сами еле-еле сюда добрались. Дороги сейчас хреновее некуда, а у нас гастрольный автобус.

Дилайни чуть не взорвалась смехом. Гастрольный автобус? Ну разумеется. С ее-то удачливостью это вполне мог оказаться автобус кавер-группы Джесси Мастерсона.

— В общем, мы очень рады вас видеть. Как думаете, вы сможете подбросить нас до ближайшего города?

— Конечно. Без проблем. Вылезайте. — Он открыл дверь, в машину ворвался ледяной ветер, и снежная крупа посыпалась Дилайни прямо на лицо. Грант отодвинулся, поднимаясь, и она сразу же затосковала по его теплу, но настала пора выбираться из машины. Он выпутался из ее ног и неуклюже переполз на водительское кресло, чтобы выбраться наружу, в объятия бушующей стихии. Мужчина снова заглянул в машину, чтобы помочь выбраться и Дилайни.

— Осторожнее, лапушка, — произнес он, мягко потянув ее за руку. — С вами все в порядке?

— Все хорошо, спасибо. Думаю, вы спасли нам жизнь.

— Всегда к вашим услугам.

Она успела захватить свою сумку с вязанием, затем тоже выбралась из машины и почти утонула

в двухфутовом слое снега. Грант повернулся к ней и взял ее за другую руку. Вокруг завывал ветер, швыряя в лицо острые льдинки. Над ними нависал огромный гастрольный автобус, остановившийся всего в нескольких футах от того места, где они слетели с дороги. Его гладкий черный корпус радовал глаз, пусть даже он был полон музыкантов.

— Получится ли как-то добраться до нашей одежды и других вещей в багажнике? — спросила она Гранта. Ей приходилось кричать, чтобы за шумом ветра он услышал ее голос.

Он посмотрел на машину и покачал головой:

— Не думаю. Багажник смяло, когда мы въехали в сугроб.

— Пора двигать! — прокричал сзади их спаситель. — Нельзя задерживаться, а то кто-нибудь впечатается в наш автобус, и тогда мы все обречены!

Дилайни еще на секунду задержала взгляд на заблокированном багажнике, где осталась ее сумка с вещами для ночевки. Она взяла с собой только самое необходимое: пару джинсов, несколько свитеров, основные туалетные принадлежности и средства для укладки волос. Черт, вот именно их ей будет больше всего не хватать. И еще нижнего белья. Оно ей тоже было очень нужно. Она оказалась в полной и абсолютной зависимости от незнакомцев. Ей хотелось заплакать, но слезы застынут на щеках кубиками льда, и тогда какой в них смысл?

Грант обнял ее за талию:

— Мне жаль, что так вышло с твоей машиной. Мы можем сообщить полиции, что вернемся за ней, но пока она застряла здесь.

Она даже не думала о машине. Дрянной мелкий «фольксваген» вытащил ее из одной передряги и втянул в следующую. Вряд ли она будет по нему сильно скучать.

По небольшому, но крутому подъему, перебираясь через сугробы, они вылезли на дорогу, но промокли до нитки. Демон в Коричневой Толстовке постучал по двери автобуса, она отворилась, и он первым поднялся внутрь. Дилайни последовала за ним, за ней поспешил Грант. В автобусе царило благословенное тепло, и она была благодарна уже за это, хотя следом за теплом на нее нахлынуло ошеломляющее дежавю.

Ребенком она долгие часы проводила в отцовском гастрольном автобусе вместе с Мелоди и Роксанн. На койках они играли с куклами Барби и на складном обеденном столике устраивали чаепития. Мама позволяла им пить растворимые напитки и есть сладкие рулетики, и Дилайни всегда разворачивала свой рулетик, а уже потом съедала его. Некоторые из ее лучших детских воспоминаний были связаны с таким автобусом. После выхода последнего альбома Джесси Мастерсона автобус еще некоторое время стоял на их подъездной дорожке, но родители вскоре продали его за долги. Зачем нужен гастрольный автобус, если гастролей нет и не предвидится?

— Добро пожаловать на борт! — поприветствовал их пухлый лысеющий мужчина за гигантским рулем. Лысина его сияла в свете ламп, лицо лучилось дружелюбием. Во рту совершенно не была заметна дырка от выбитого зуба.

Их спаситель скинул с головы капюшон толстовки, обнажив темно-каштановую шевелюру, которую либо укладывали в очень буйном стиле, либо она растрепалась на штормовом ветру, через который они только что прорывались.

— Да, добро пожаловать на борт к «Райским братьям», в дом, который далеко от дома! — произнес он. — Я — Реджи. Это Сэм, наш водитель. — Он показал на пухлого лысеющего мужчину. — А это мой брат, Финч.

Еще один мужчина, чуть выше Реджи, с золотисто-каштановыми волосами и рыжими веснушками, подошел к ним и протянул руку.

— Привет. Я рад, что с вами все в порядке. Ваша машина почти утонула в чертовом сугробе. Хорошо, что у Сэмми острое зрение.

Сэмми усмехнулся:

— У вас к антенне правда привязан лифчик?

Дилайни покраснела. Лифчик обошелся ей в девяносто долларов, но, учитывая обстоятельства, стоил каждого потраченного цента.

— Так и есть, — ответил Грант, улыбнувшись ей.

— Привет, ребята! Как у вас дела? Я — Хамфри. — После слов, произнесенных бархатным голосом, из-за спины рыжего Финча показалась темно-коричневая рука. У Хамфри было добродушное детское лицо мальчика-отличника из третьего класса начальной школы, но он так многозначительно подмигнул Дилайни, что сразу стало ясно — мальчик давно вырос. По виду им всем было около двадцати пяти лет. Красивые, подтянутые, самоуверенные. Это можно было сказать хотя бы по их сияющим

улыбкам. Она всю жизнь провела в окружении музыкантов и читала их, будто мелодию с нотного листа.

Грант и Дилайни пожали всем руки, пока Реджи представлял их «братьям».

— Я — Грант. Это — Элейн. Спасибо, что подобрали нас. В машине уже стало адски холодно.

Реджи усмехнулся:

— Ну, я даже не знаю. Когда я заглянул к вам в окно, там было очень жарко, не правда ли? — Он похлопал водителя по плечу. — Сэмми, давай-ка тронем нашу крошку, пока кто-нибудь не впечатался нам в зад.

Сэмми кивнул, и Реджи махнул рукой, приглашая Гранта и Дилайни сесть. В автобусе вдоль стен располагались мягкие диваны с темно-зеленой обивкой, за ними находилась крохотная кухня. Быстро оглядевшись, Дилайни сразу поняла, что занавешенные спальные места находятся в задней части автобуса, там же, где и ванная. Стандартный гастрольный автобус, но без броского рок-н-рольного стиля старого автобуса ее отца.

Это были простые ребята из провинциальной группы. Скорее всего, заезжие гастролеры. Даже не будь у них характерного южного выговора, Дилайни все равно уловила бы характерный для южных штатов шарм.

— Куда вы направлялись? — спросил Реджи, который сел рядом с Хамфри. Тот крутил пальцами медиатор.

Дилайни села рядом с Грантом, а Финч оперся на кухонную стойку, небрежно скрестив руки на черно-зеленой клетчатой рубашке.

Грант посмотрел на Дилайни:

— Хороший вопрос. Скорее всего, в Мемфис.

— «Скорее всего»? — переспросил Финч. —

Гребаная погода вроде не очень располагает к случайным поездкам? Простите мне мой французский.

Дилайни широко улыбнулась. Ей нужно было быстрее выкручиваться, пока Грант не рассказал им слишком много.

— Вообще говоря, это довольно забавная история, — вмешалась она. — Видите ли, мама Гранта случайно захватила с собой мой телефон, когда отправилась в гости к сестре в Мемфис. И мы надеемся догнать ее и забрать у нее мой телефон. Так вы, говорите, музыканты? Правда?

Конечно, она уже знала, что они музыканты. Но лучше пусть они говорят о себе — это отвлечет их от лишних расспросов. Старый способ — закинуть наживку и переключить человека на другую тему. Она попыталась придать своему лицу такое выражение, будто встреча с настоящими музыкантами — это самое крутое, что она только может себе вообразить. Будто Эрик Клэптон никогда не играл с ее отцом в гольф.

— Да, мэ-э-эм! — гордо ответил Финч. — Мы — «Райские братья». Мы вообще-то из Нэшвилла, но только что отыграли пару отличных концертов в Мичигане и Индиане. — Он наклонился и дурашливо отвесил Реджи затрещину. — Это чтобы ты запомнил получше, Редж: зимой мы выступаем только на юге! Здешняя погода — адская сука. О, я снова прошу прощения за мой французский, мэ-э-эм.

Он виновато посмотрел на Дилайни, но в его глазах вместо искреннего раскаяния плясали озорные искорки. Дилайни тоже улыбнулась ему и в притворном благоговении затрепетала ресницами. В родительском доме по всем стенам были развешаны платиновые альбомы отца, но этим ребятам не стоило об этом рассказывать.

— Можно сказать, что вам улыбнулась удача, не так ли? — сказал Реджи. — Потому что мы сами едем в Мемфис. Через несколько дней у нас выступление на Бил-стрит, так что вы можете ехать с нами.

— Вы уверены, что мы вам не помешаем? Нам не хотелось бы вас обременять, — сказала Дилайни. Провести час или два в их компании — это одно дело, но отсюда до Мемфиса было десять часов езды, а в такую погоду путь мог занять вдвое больше времени. Пусть «Райские братья» и были провинциалами, но они, скорее всего, слышали о ее отце. Он уже давно сошел со сцены, но репутация в музыкальной среде у него сохранилась. А от знакомства с песнями ее отца до узнавания ее самой — один маленький шаг. Она снова закрыла челкой лоб.

Темные брови Реджи сошлись на переносице:

— Высаживать вас без машины на следующей остановке — совсем не по-джентльменски. Никаких проблем! Сами видите — у нас полно места! Но если вы захотите, чтобы мы где-то высадили вас, разумеется, мы не будем против. На ночь мы остановимся в районе Шампейна.

Дилайни повернулась к Гранту:

— Мне нужно позвонить сестре. У тебя телефон работает?

Он вытащил из кармана и передал ей телефон.

— Я не знаю, есть ли здесь связь, но попробовать можно.

— Э-э-э, вы не возражаете, если я воспользуюсь вашей ванной? — Она посмотрела на Реджи.

— Конечно же нет, но если тебе просто необходимо уединиться — можешь пойти в комнату для буги-вуги.

Грант начал смеяться, и она тоже не могла сдерживать улыбку:

— Что?

Музыканты захихикали, как отмочившие шутку студенты. Финч наклонился вперед и показал на дверь в самом конце автобуса.

— Комната для буги-вуги. Единственная настоящая спальня в автобусе, так что если кто-то приводит сюда даму, они спят там. Тебе повезло, дорогуша. — Он кивнул Гранту, и Дилайни почувствовала себя так, будто движение за женскую независимость только что сделало большой шаг назад.

— А тем временем, — заметил Реджи, стягивая с себя толстовку, — эта штука промокла до нитки. Я собираюсь переодеться, а ее закинуть в сушилку. А вы так же промокли, как и я? Хотите просушить одежду?

Да, Дилайни промокла. Пока они пробирались сквозь буран, у нее насквозь вымокли джинсы, и в них стало очень неуютно, но она не собиралась раздеваться в автобусе, полном парней.

Хамфри соскочил с места и стащил на пол с одной из коек большую дорожную сумку.

— У меня есть кое-какие вещи, в которые ты можешь переодеться. — С минуту он рылся в сумке, потом вытащил из нее черные спортивные штаны с белыми полосками по бокам и футболку и передал их Дилайни. — Вот, можешь надеть, пока сохнет твоя одежда.

Финч стащил еще одну сумку с другой койки и показал на Гранта.

— А у меня есть одежда для тебя.

Грант поднял руку:

— Нет, все в порядке. Я просто...

Финч покачал головой, прерывая его:

— Переоденься, чувак. Можешь сделать это там. — Он показал на злосчастную комнату для буги-вуги.

Дилайни посмотрела на предложенную ей одежду. Белая футболка? Не может быть, чтобы это вышло случайно.

— Я полагаю, лифчика у вас в этой большой сумке не найдется? — печально спросила она.

Хамфри расплылся в широкой улыбке и стал выглядеть еще моложе и еще более озорно.

— О да, детка! У нас есть лифчики. Целая куча лифчиков. — Он шагнул в сторону и выдвинул ящик... доверху заполненный лифчиками. Затем выдвинул ящик уровнем ниже. — У нас и трусики есть. — Он красноречиво подвигал бровями, и Дилайни рассмеялась.

— Возможно, тебе покажется это странным, крошка, — заметил Финч, — но ты понимаешь,

что порой на концертах дамы швыряют их нам на сцену, а мы не хотим оскорбить чьи-то чувства. Так что мы просто подбираем все, что нам бросают, и когда этого добра набирается слишком много, отдаем на благотворительные цели. И все остаются в выигрыше.

— Часть мы просто оставляем себе. В качестве сувениров, — добавил Хамфри, будто его об этом спросили. — И не беспокойся: всё белье мы совсем недавно выстирали. Он понизил голос: — Реджи любит стирать женское белье.

Она посмотрела на Реджи, который все так же сидел на диванчике. Он просто вскинул ладони вверх, будто говоря «ну да, я люблю стирать женское белье».

Дилайни и раньше случалось попадать в интересные ситуации, некоторые из них она организовывала сама, в другие влипала по воле судьбы, но пасть так низко ей довелось впервые. Придется надеть трусы, заброшенные на сцену поклонницами провинциальной группы. Но у нее не было выбора. Ее собственный лифчик хлопал на ветру где-то посреди федеральной трассы номер 94, и только небеса знают, когда ей вновь удастся посетить магазин. Теперь у нее не было ни машины, ни денег. Вообще ничего. У нее были только Грант и одежда, которую она на себе носила. Очень мокрая одежда.

— Спасибо, — поблагодарила она Хамфри. — Мне нужно поискать себе что-нибудь.

Она так осторожно заглянула в ящик, будто он был полон ядовитых змей.

— А для меня там есть что-нибудь подходящее? — спросил Грант, заглядывая ей через плечо.

— Ну, только если ты не против влезть в женское белье, — ответил Хамфри.

— Только если дама тоже не против, — парировал Грант.

— Мило, — пробормотала Дилайни. — Очень мило. Ты — настоящий джентльмен.

— Хотите перекусить, ребята? — позвал их Реджи. — У нас есть готовые обеды.

* * *

Дилайни стояла возле зеркала в комнате для буги-вуги и пыталась собрать в хвост мокрые волосы. Новый уродливый бюстгальтер сидел на ней отлично, а футболка и спортивные штаны от Хамфри были мягкими и теплыми. Все это было гораздо лучше, чем мокрые джинсы, и она наконец-то начала оттаивать. Ей оставалось только позвонить Мелоди и определить, где «Райским братьям» лучше всего их посадить.

Грант вошел в комнату и закрыл за собой дверь, и только она собралась позвонить, как он начал стягивать с себя штаны.

— Ты что делаешь? — прошептала она.

Он огляделся по сторонам, будто не понимая, с кем она разговаривает.

— Я переодеваюсь, — пояснил он, когда понял, что она обращалась именно к нему.

— Ты не мог бы подождать, пока я выйду?

Он изобразил на лице классический оскал волка из сказки:

— Да ты все равно почти всего меня видела, помнишь?

Помнила она это отлично. Во всех подробностях. Она помнила, как он выглядит голый в мыльной пене, и еще лучше помнила, как он прижимался к ней в «фольксвагене». Щеки ее заалели, и он усмехнулся.

— Девочка-скаут, — поддразнил он ее и продолжил раздеваться.

Дилайни повернулась к нему спиной и набрала номер Мелоди. Сестра ответила после четвертого гудка.

— Мел, это Лайн. Мне нужно знать последние новости.

— Сейчас не самое подходящее время, — промурлыкала в трубку сестра. — Здесь продюсеры шоу и мама...

— Дилайни, это ты?! Здравствуй, дорогая! — вмешался в разговор голос матери, радостный и звонкий — деланно радостный и звонкий. Она пользовалась им, когда дела шли совсем плохо, но ей приходилось изображать, что все отлично. — Я только что говорила продюсеру Харви — помнишь нашего продюсера Харви, верно? — в общем, я как раз говорила ему, что ты ищешь место для нашего нового бутика с «Мастер-мылом». Ну и как у тебя успехи?

О боже! Она не могла сейчас устраивать это представление. Только не в одной комнате с Грантом.

— Привет, мам, — сказала Дилайни тем же самым деланно восторженным веселым тоном. Если повезет, мама поймет ее намек и вернет трубку Ме-

лоди. — Да, конечно, я все еще в поисках. Но пока мне почти нечем хвалиться. — Дилайни быстро глянула через плечо и увидела мускулистую спину Гранта, с которой он как раз стягивал футболку. — Давай еще раз созвонимся через пару дней. А пока не могла бы ты передать трубку Мелоди?

В трубке снова раздался голос матери, но на этот раз приглушенный и низкий, будто она прикрыла трубку рукой, чтобы никто не подслушал ее разговор.

— Лайн, ты вообще где? Мелоди сказала, что у тебя украли телефон. С тобой все в порядке?

В мамином голосе звучала вполне обоснованная тревога, и Дилайни почувствовала, как ее глаза наполняются слезами. Ей очень хотелось обо всем рассказать матери, а потом разрыдаться у нее на плече, и чтобы вскорости мама испекла бы печенье и сказала, что все будет хорошо. Но хорошо уже не будет. Мама не могла отмотать назад эпизод с этим ужасным порнографическим видео. Она не могла заставить других не писать про дочь всякие гадости на ее странице в «Фейсбуке», она не могла остановить издание журналов, которые продолжали печатать ее фотографии. И она не могла сказать Дилайни, что ей делать с этим невероятно сексуальным Грантом, который сейчас раздевался перед ней в комнате для буги-вуги гастрольного автобуса.

Он стянул с себя боксеры. Дилайни видела его в отражении зеркала, и, черт побери, они действительно были клетчатыми, как он и говорил.

Хотя в настоящее время это уже не имело никакого значения. Как и все остальное, кроме

необходимости вернуть телефон, бумажник и сорок тысяч долларов.

— Да, мама, со мной все хорошо, но мне правда нужно поговорить с Мел. Она помогает мне в одном очень важном деле.

— О, дорогая, звучит просто потрясающе! — Мамин голос снова стал преувеличенно радостным. — Тогда до связи. Детали обговорите с Мелоди, а я пока все расскажу Харви.

Она услышала, как телефон передали в другие руки, а потом хлопнула дверь, и послышался звон браслетов Мелоди — она снова вернулась на линию.

— В общем, минут десять назад я проверяла местоположение твоего телефона, и он был в Бентли, штат Иллинойс, чуть севернее Шампейна. — В зеркальном отражении Дилайни видела, как Грант через голову натягивает белую футболку и просовывает в рукава сильные руки. Он был сложен мощнее, чем Финч, и ткань футболки туго обтянула его мускулы. — Лайн? Ты там?

— Что? Ах да. Я здесь. — Подумать только, ее отвлекла обычная белая футболка. — Так ты говоришь, Бентли? Телефон движется?

— Мне кажется, да. Все так же на юг.

— Хорошо. Спасибо. Можешь продолжать следить за ним и написать мне, если он остановится или повернет в другом направлении, не на Мемфис?

— Конечно. А вы сейчас сами где? Неподалеку от Бентли?

— Не совсем. У нас случилась... — Она чуть было не сказала «авария», но от этого вся семья

разволновалась бы еще сильнее. Всю эту кашу заварила Дилайни, ей ее и расхлебывать по возможности аккуратно. И нет нужды глубже, чем это необходимо, втягивать Мелоди в свои проблемы. — У нас случилась небольшая неприятность с машиной, но мы уже снова в пути. Скажи маме, что все в порядке.

— У нас? Ты снова там с этим Грантом? Кто он такой?

Дилайни посмотрела в зеркало и увидела, что Грант надевает серые спортивные брюки.

— Я тебе уже говорила: он просто друг, сосед по дому. Мне пора, ладно?

К тому времени, как она распрощалась с сестрой, Грант уже полностью переоделся в сухое и перекинул мокрые вещи через руку.

— Все хорошо? — спросил он.

— Насколько вообще все может быть хорошо. Похоже, твоя мама сейчас где-то севернее Шампейна и продолжает путь. Как думаешь, может, стоит попробовать еще раз до нее дозвониться?

Он кивнул:

— Я оставил ей с десяток сообщений и одно сообщение на автоответчике тети в Мемфисе, потому что у нее нет сотового телефона. А ты уже пыталась позвонить на свой телефон, да?

Дилайни кивнула:

— Он переключается на голосовую почту.

— Думаю, мы сделали все, что могли. Я просил Карла сразу же сообщить мне, если он что-нибудь узнает. Мне стоит еще раз повторить тебе, насколько я сожалею о случившемся?

Она и так это знала, но из всех людей, вовлеченных в эту катастрофу, Грант был виноват меньше всех. Донна была виновата в том, что украла деньги, Бойд — в том, что отдал прессе видеозапись, а Дилайни — в том, что сбежала из дома. Эх, если бы все события можно было отмотать назад! Но если бы можно было это сделать, она никогда не встретила бы Гранта, и сама мысль об этом заставила ее сердце екнуть.

— Хватит извиняться. Давай лучше надеяться, что нам повезет и уже завтра вечером мы встретимся с твоей матерью.

Он усмехнулся тихо и многообещающе:

— Я очень хочу, чтобы мне повезло.

Но удача им пока не улыбалась.

Глава 13

— Эй, ребята! — позвал их с водительского сиденья Сэмми, когда Дилайни и Грант вышли из спальни и направились по узкому проходу к своим местам. — Метель все усиливается. Я думаю, нам стоит остановиться на ближайшей стоянке и там переночевать. У нас еще куча времени, чтобы вовремя добраться до Мемфиса, если мы выедем с утра пораньше.

Весь оптимизм Дилайни как ветром сдуло. Они так старались быстрее догнать маму Гранта! Похоже, на ее лице отразилось огорчение. Грант обнял ее за талию и тихо прошептал:

— Лайн, я верну тебе деньги. Обещаю.

Она быстро заморгала и кивнула: «Все хорошо», хотя все было совсем не хорошо. Нисколько не хорошо, но что он мог с этим поделать?

— Дайте мне эти мокрые шмотки, — обратился к ним Реджи.

Грант передал их ему с благодарным кивком:

— Спасибо.

— С твоей дамой все нормально? — услышала Дилайни вопрос Реджи.

— Ей просто не терпится вернуть свой телефон, — ответил Грант.

На это Реджи ничего не ответил — он просто забрал мокрую одежду и ушел в дальний конец автобуса.

Несколько минут спустя они остановились на стоянке, и еще до того, как колеса перестали вращаться, Финч уже стоял, потирая ладони, перед их походной кухней.

— Похоже, настало время для вечеринки! Кто-нибудь хочет выпить? — Он вытащил из шкафчика бутылку медового виски и несколько стаканов.

— Я хочу, — сразу отозвалась Дилайни. — Только один стаканчик. — К завтрашней поездке в автобусе, которая грозила растянуться на весь день, не хватало только похмелья, но сейчас ей было просто необходимо хоть немного расслабиться. Она надеялась, что спиртное чуть подбодрит ее, и тогда она не разрыдается, как маленькая девочка, в комнате для буги-вуги. Дилайни Мастерсон никогда не была плаксой.

В стаканы полилось спиртное, и скоро все они сидели на диванчиках по обеим сторонам автобуса и ближе познакомились друг с другом. Она сделала глоток виски, и у нее по телу сразу растеклось желанное тепло.

Сэмми, Финч и Хамфри сидели с одной стороны, а Дилайни села между Грантом и Реджи с другой. Судя по их внешности, Финч и Реджи и правда были родными братьями, но остальные в родстве друг с другом не состояли.

— Кроме погони за телефоном, чем вы еще занимаетесь? Откуда вы, ребята? — спросил Финч.

Грант потянулся и положил руки на спинку дивана, одна из них легла Дилайни на плечо. Она прижалась к ней, наслаждаясь ощущением.

— Я сам родом из Белл-Харбора, штат Мичиган, — начал он. — Я там родился, но потом долгое время жил в Лос-Анджелесе.

— Ах, в Лос-Анджелесе, — произнес Реджи, плохо подражая латиноамериканскому акценту. — В Городе ангелов, да?

— Едва ли, — ответил Грант. — Ни одного ангела я там не встретил. Только тонны фальшивых идеалов. Все там такое глянцевого. Каждый стремится показать себя, но ничего настоящего ты там не увидишь. Всего лишь толпа третьесортных знаменитостей, и все наперебой кричат «посмотри на меня». — У Дилайни слегка закружилась голова, и совсем не из-за спиртного. Вся ее жизнь крутилась вокруг лос-анджелесского глянца и самопрезентаций, но сама она не была даже третьесортной знаменитостью. Гораздо хуже. Она была стилистом третьесортных знаменитостей. — Я не очень много времени проводил в городе, — добавил Грант. — Я много путешествовал.

— На «фольксвагене»? — спросил Хамфри, все так же поигрывая медиатором.

Грант усмехнулся:

— Нет, это машина Элейн. Ты слышал о шоу «Один человек — одна планета»?

— Конечно же, да! — воскликнул Хамфри. — Я его обожаю!

— Я его сопродюсер и ведущий оператор. По крайней мере, был. Я только что уволился. —

Он наклонил голову. — И мне *до сих пор* нравится об этом рассказывать.

— Это же то самое шоу с Роком Блейкстоуном, да? — спросил Реджи.

— Блейком Рокстоуном, — поправил его Хамфри еще до того, как Грант сообразил это сделать.

— Неважно. Он — крутой чувак! — Реджи поднял стакан: — Я пью за крутизну Блейка Рокстоуна!

Грант покачал головой:

— Я не могу за это пить. Блейк всех хотел бы убедить в том, что он очень крут, но поверьте мне: круче всего в нем его аппетиты. И на самом деле его зовут Нед Бейдельман. Он — полный придурок. Да, и рассказывать *об этом* мне тоже нравится. — Он отхлебнул из стакана.

Хамфри в притворном потрясении упал на сиденье, прижав обе руки к груди:

— Блейк Рокстоун — придурок?! Нет, скажи, что это не так! Он мне так нравится! Помните тот эпизод, где он сражается с аллигатором?! Господи, я думал, что ему конец.

Грант покачал головой:

— Бедный аллигатор. Полумертвое животное, накачанное успокоительными до такой степени, что мы уже думали, нам не удастся привести его в чувство.

— Я помню этот эпизод, — вставил Реджи. — Казалось, что борьба с аллигатором идет не на жизнь, а на смерть, правда?

Грант снова отхлебнул виски:

— Ассистент режиссера привязал к задним лапам несчастного эластичные шнуры, чтобы он из-

вивался и вертелся. Несколько бедняг-ассистентов дергали за эти шнуры в разные стороны, чтобы аллигатор казался разъяренным. Добавьте к этому съемку крупным планом, немного монтажа и — вуаля! — Он растопырил пальцы. — Магия кино. Со стороны то, как Блейк Рокстоун жестко трахает спящего крокодила, действительно могло показаться суровым сражением. Вот почему я ушел.

— Из-за зоофилии? — спросил Финч.

Грант усмехнулся:

— Ага. И из-за того, как монтируются эти съемки, чтобы воздействовать на аудиторию. Когда шоу только начиналось, у нас была всего одна или две камеры, и нам все приходилось снимать в режиме реального времени. Чуть запоздаешь — пропустишь отличный кадр. Но сейчас все стало слишком глянцевым. Ничего настоящего. Очень похоже, как мне кажется, на Лос-Анджелес.

Дилайни шумно отхлебнула виски. Напиток обжег ей горло, как и явное презрение Гранта к телевизионным фальшивкам, с которыми она была так хорошо знакома. Шоу «Папа жжот» было насквозь фальшивым, спасибо грамотному видео- и звукомонтажу. В одном из эпизодов зрители увидели, как Мелоди сломала ногу, хотя в реальности она всего лишь здорово ушибла палец. А в другом эпизоде спокойная беседа на тему контроля за распространением оружия стала горячим спором между ней и Роксанн на тему «куда пойти обедать». Каждый их разговор, записанный на камеру, в эфире превращался во что-то совсем другое. Мелочи раздувались и выходили на перед-

ний план, а суть съеживалась и усыхала до невнятных крошек.

После очередного глотка виски Дилайни тихо икнула, и Грант сжал ей плечо. Она не посмотрела на него. Не осмелилась. Она просто еще сильнее закрыла челкой лоб.

— И ты уволился. Что дальше? — спросил Финч. — Чем занимается бывший ведущий оператор, когда у него нет работы?

— Ну, если я смогу требовать с Блейка деньги, которые он мне задолжал, то у меня есть идея для нового шоу.

Она подняла на него глаза:

— Новое шоу? Какого типа?

Он потер рукой челюсть, будто не решаясь рассказывать, но когда заговорил, его энтузиазм стал всем очевиден.

— Типа «максимального преображения», только в области благотворительности. Я много путешествовал и видел немало мест с действительно ужасными условиями жизни. Большинство людей даже думать о них не желает. Мы не привыкли сочувствовать тем, кто страдает на телеэкранах. Знаете, как это бывает: вот вы услышали в новостях о деревне, где голодает сотня детей, и подумали: «Ой, как грустно, но что я могу с этим поделать? Проблема слишком серьезная». Моя основная идея — взять чужое горе под личную ответственность и показать, как с ним справиться. Каждую неделю мы будем рассказывать об одном из благотворительных фондов и о том, как он помог кому-нибудь, какому-то человеку или семье. Я думаю,

когда люди увидят, что даже небольшое их участие может сильно отразиться на жизни реального человека, они будут более охотно кому-то помогать. Я имею в виду, что если вы увидите по соседству ребенка, который плачет от голода, вы никогда этого не забудете, правда? — Все закивали, и Дилайни тоже. — Это основная идея шоу. Каждую неделю мы будем рассказывать об одной из благотворительных организаций и показывать, в каких условиях вынуждены жить многие люди. Мы предоставим обычному горожанину возможность оказать им реальную помощь. Я не хочу никем манипулировать — я хочу просто показать подлинную картину трудных обстоятельств, в которые попадают люди, и надеюсь, что кого-то это побудит к действию.

— Круто придумано, — заметил Финч. — Я бы посмотрел такое.

Грант взглянул на него:

— Правда? Некоторые социальные работники на Филиппинах тоже заинтересовались моей идеей. Я оказался там сразу после урагана и был очень впечатлен их дружной работой. Я хотел сделать документальный фильм о том, как они помогают населению, но продюсеры решили, что результат выйдет слишком мрачным. Видимо, они думают, что смотреть на то, как Блейк вытряхивает скорпиона из спального мешка, гораздо занятнее, чем следить за спасением детских жизней. — Он отхлебнул виски и добавил: — Все, что вам покажут на американском телевидении, — это как очень похожие друг на друга красивые люди делают одну и ту же невнятную хрень, снова и снова, и так по кругу. Это

скучно. Я думаю, что люди готовы к более значимым проектам.

Красивые люди? Невнятная хрень. И снова Грант в двух словах описал их реалити-шоу. Он просто не знает этого. Но его идея действительно показалась Дилайни блестящей. Наполненной любовью к людям. Оказывается, Грант Коннелли очень сентиментален.

— Мне очень нравится твой замысел, — сказала она, встретившись с ним взглядом. Ей хотелось поцеловать его прямо здесь и сейчас. Она бы так и сделала, если бы Реджи громко не прочистил горло и не встал, испортив волшебство момента.

— Пора налить еще по стаканчику, да? Финч, передай-ка мне бутылку.

* * *

— Ну, кто хочет поиграть в покер на раздевание? — спросил Реджи, опустошив еще несколько стаканов. Вечерний разговор стал тем временем более свободным, охватив множество тем: от современных музыкальных течений до лучших забегаловок с жареными кальмарами, и от любимых языческих праздников до побережья с самыми большими волнами для серфинга.

Время приближалось к полуночи, и Грант уже чувствовал, что засыпает от накатившей на него усталости и выпитого спиртного. Правда, после второго стакана виски он больше не пил, но из-за того, что ночью после свадьбы Тайлера поспать не удалось, а все остальное время прошло в погоне за матерью, Грант очень устал. Элейн склонилась к нему,

прижавшись к его плечу, и все еще неспешно потягивала первый стакан виски. Умница.

— Кто хочет поиграть в покер на раздевание? — снова спросил Реджи, хитро улыбаясь единственной женщине в автобусе.

Элейн помотала головой, но улыбнулась:

— Спасибо, нет. Мне будет очень жаль снимать одежду, которую так щедро одолжил мне Хамфри.

— И никому не улыбается смотреть на твою волосатую задницу, Реджи, — заметил, поднимаясь с места, Финч. — Лично я уже готов баиньки.

Сэмми поднялся одновременно с ним:

— И мне тоже хватит, ребята. Завтра мне весь день сидеть за рулем. — Он прошел мимо них к ванной, за которую уже начиналось небольшое сражение.

Реджи опрокинул в себя остатки виски:

— Ладно. Но учти, Элейн: позже ты можешь пожалеть об упущенной возможности. Я очень плохо играю в карты, и через несколько раундов был бы уже голышом.

Грант снова приобнял ее за плечи. Он знал парней, которые слишком настойчивым флиртом заманивают девушек в свои сети. Блейк был точно таким же, только того и ждал, чтобы слабая женщина клюнула на его приманку. Такие женщины западают на грамотное ухаживание и глянцевою жизнь знаменитостей. Элейн казалась слишком умной, чтобы повестись на создаваемый Реджи образ своего парня из глубинки, но, с другой стороны, девушки почему-то всегда неровно дышат к музыкантам.

Грант поднялся и потянул ее за собой:

— Еще раз спасибо за то, что приютили нас, парни. Мы вам очень благодарны.

Реджи добродушно похлопал его по спине:

— Не волнуйся, приятель. Моя вигвама — твоя вигвама. Или... лучше будет «моя автобуса — твоя автобуса», да? В общем, если что понадобится, дай мне знать. У нас в ванной есть запасные зубные щетки и прочая фигня. Будьте как дома.

— Спасибо, — сказала Элейн. — Вы такие замечательные!

— Рад быть полезным, лапушка.

Она повернулась, чтобы по проходу отправиться в спальню, и тут Реджи ухватил Гранта за рукав:

— Я не шучу — у нас есть все, что нужно. Ибу-профен, бутылки с водой... — Он понизил голос: — Резинки, лубрикант. Они в выдвижном ящике в комнате для буги-вуги.

Грант издал легкий смешок. Реджи был забавным, пусть и совершенно невыносимым. Автобус действительно походил на универсальный магазин «Все для праздника». Грант перебрал виски, в голове у него стоял туман, но он, конечно, не думал, что Элейн может согласиться на близость.

И был прав. Он прошел в спальню после того, как в свою очередь принял душ, и задвинул за собой тонкую пластиковую дверь-гармошку. В крошечной комнатке уместились только двуспальный матрас, прикроватная тумбочка и шкаф, такой узкий, что в нем едва поместились бы две тонкие рубашки. Или одна фланелевая. На стенах по бокам комнаты располагались длинные горизонтальные окна, за-

крытые короткими зелеными занавесками. От светильника с одной лампочкой исходил тусклый свет. Поверх застиранных бежевых простынь лежала пара выцветших стеганых одеял. Элейн смотрела на постель с таким видом, будто та была завалена трупами сбитых на дороге животных.

— В чем дело? — Он старался говорить тихо.

Не сводя испуганных глаз с центра матраса, она прошептала в ответ:

— Ты представляешь, сколько в этой постели образцов ДНК?

Услышав ее опасения, Грант улыбнулся. Он спал практически в любых условиях, которые только можно вообразить: в грязи, на камнях и на вонючих простынях мотеля, которые были в гораздо худшем санитарном состоянии, чем эти. Ему ничего не стоило лечь и уснуть в этой постели. Но для нее, похоже, все было иначе.

— Это лучше, чем спать в машине. Я не хотел тебе говорить, но уже начинал там волноваться, найдут ли нас вообще.

— Ох да, я не хочу показаться неблагодарной. Не пойми меня неправильно. Просто они немного... будто покрыты коркой. — Она потрогала одно из одеял пальцем и вытерла его о спортивные штаны.

Господи! Она такая милая.

— Это комната для буги-вуги, Лайн. И до меня дошел слух, что в одном из ящиков лежат нужные для этого мелочи.

Она изогнула бровь и наконец-то посмотрела на него.

— Мелочи?

— В ящике. — Он кивнул на тумбочку, и взгляд Дилайни метнулся к ней с таким испугом, будто тумбочка могла изрыгнуть из себя пресловутые «мелочи» и осыпать ими с ног до головы. Грант просто не мог ничего с собой поделаться. Он подошел к тумбочке и выдвинул ящик. В тусклом свете блеснули яркие разноцветные конвертики из фольги, и выкатилась вперед здоровенная туба с лубрикантом.

— Будь я проклят, — прошептал Грант. — Я думал, он шутит.

Дилайни издала тихий смешок, и он понял, что она вовсе не так шокирована, как ему показалось вначале. Она потянулась к ящику и достала из кучи белый квадратик. Он выглядел в точности как упаковка с влажной салфеткой из ресторана. Она перевернула его. Затем рассмеялась и передала Гранту.

Он чуть прищурился, чтобы прочитать надпись на этикетке. «Салфетки-конфетки для леденца-молодца. Освежи яички перед тем, как их подкачивать». Он улыбнулся Дилайни:

— Чей-то маркетинговый гений очень постарался.

— Пошлее я в жизни ничего не видела.

— Зато сразу понятно, что они заботятся о покупателях. И смотри: тут написано, что они с запахом корицы. Интересно, и *со вкусом* тоже? — Он оптимистично улыбнулся.

— Неважно. Я не собираюсь их пробовать. Даже нюхать не собираюсь. Убери их подальше. — Она прижала к себе руки, чтобы случайно не дотронуться до чего-нибудь еще.

Грант ни секунды не сомневался в том, что она говорит серьезно, но все-таки улыбается при этом, и снова почувствовал, как у него встает, наверное, уже раз в десятый с тех пор, как они сели в автобус.

Она очаровательная, веселая, сексуальная! А как она смотрела на него, когда шепотом произнесла «мне очень нравится твой замысел»! Он едва удержался, чтобы не повалить ее на тот диванчик и целовать, забыв обо всем.

Грант бросил квадратик с салфеткой в ящик и задвинул его коленом.

— Хорошо, но просто для протокола: я очень хочу тебя снова поцеловать.

Дилайни увернулась от его объятий:

— Нет, не хочешь. Ты пьян. И поэтому напридумывал себе всякого.

— О, поверь мне. Ты даже не знаешь, сколько всего я напридумывал. — Боже, да буйству его фантазии можно только позавидовать.

— Тогда тебе лучше прекратить это занятие. Ничего хорошего из него не выйдет. И проверь, пожалуйста, телефон. Ладно? Я хочу узнать, нет ли новостей от Мелоди.

Он вытащил телефон из кармана куртки, которая сушилась на крючке, и посмотрел на экран.

— Два сообщения, — сказал он. — В первом говорится: «Телефон все еще в Бентли». — Он провел большим пальцем по экрану. — А во втором говорится: «Телефон все еще в Бентли. Где тебя носит и кто вообще такой этот Грант?! Лю, Мелоди. Чмоки-чмоки».

Грант улыбнулся, и она тоже ответила ему улыбкой.

— Слишком поздно ей перезванивать. Я позвоню завтра.

Он положил телефон на небольшую полочку над постелью, и девушка снова уставилась на матрас.

— Как ты думаешь, какая из этих подушек менее грязная? — спросила она, расстилая одеяло. Она придерживала его между большими и указательными пальцами.

— Сложно сказать. Но вот, держи. — Он снял футболку. — Оберни ее вокруг одной из подушек. Это не слишком поможет, но она все-таки чистая и пахнет кондиционером для белья. Похоже, что Реджи и футболки стирать тоже любит.

Элейн усмехнулась:

— Ты не замерзнешь?

Он будет лежать рядом с ней. У него нет ни малейшего шанса замерзнуть. Ему очень повезет, если он вообще сможет уснуть.

— Со мной все будет в порядке. — Грант скользнул под одеяло и похлопал по простыне рядом с собой. Она с минуту молча смотрела на него, и он снова сел. — Может, мне лучше поспать на койке? Или на диванчике? Потому что, если ты попросишь, я так и сделаю. — Каждая капля тестостерона в теле в этот момент кляла его на чем свет стоит. Каким болваном надо быть, чтобы предложить такое?

Дилайни чуть замешкалась, но потом вздохнула и выключила свет.

— Нет, все нормально.

Она забралась под одеяло рядом с ним, положила его футболку на подушку и легла к нему спиной. Он тихо выдохнул от облегчения, затем, не теряя времени, подобрался ближе к ней, устроился поудобнее и обнял ее рукой за талию. Он оставил между ними небольшое расстояние — как сказал бы отец Лоуренс, «оставил место для Святого Духа», — но в его мыслях ничего святого точно не было. Однако ей ни к чему было знать о силе его влечения. И его страданиях.

Когда она расслабленно устроилась рядом, Грант понял, что это будет самая долгая ночь в его жизни. Ее волосы рассыпались по подушке, и от них пахло цветами. Он не знал, какими именно, потому что, ну, в конце концов, он же парень, но пахло точно цветами, и от кожи исходил тот же запах, как от того странного куска мыла, лежащего в душе у него дома. Ему хотелось насладиться этими ароматами. Он вздохнул глубоко, медленно и, по всей видимости, громко.

— Грант? Ты что... меня нюхаешь?!

Он всего мгновение помедлил с ответом, но пауза была красноречивой.

— Бредишь, что ли? Конечно, я тебя не нюхаю.

Хотя сам, разумеется, нюхал. Затем придвинулся чуть ближе, прижался грудью к ее спине и запустил руку ей под футболку, положив ладонь на теплый живот.

— Эй, а сейчас ты чем занимаешься? — прошипела она и поймала его за запястье.

— Трогаю тебя, — прошептал он в ответ.

— Знаю, что трогаешь. Но пора остановиться. Стены тут тонкие, как бумага. — Она не убрала его руку, но крепче сжала запястье.

Однако виски сделал его смелым. И глупым. Он зарылся лицом ей в шею и снова шумно вздохнул:

— Значит... никаких буги-вуги?

Он почувствовал, как она затряслась от беззвучного смеха.

— Совершенно точно, никаких буги-вуги. Ты же говорил, что никогда не воспользуешься девой, попавшей в беду.

— Никогда такого не говорил. А если говорил, значит, просто хотел перепихнуться.

Он почувствовал, как Элейн снова рассмеялась, хотя она не издала ни единого звука.

— Спи уже.

— Ты что, даже не поцелуешь меня перед сном? — Голос его звучал скорее отчаянно, чем обольстительно. Чертов виски! Чертов член, у которого ни стыда ни совести!

Дилайни перекатилась на спину и посмотрела на него. Свет от фонарей на парковке проникал через швы занавесок, и она казалась очень загадочной.

Она приподнялась и быстро крепко поцеловала его в губы, а он приподнялся вслед за ней, когда ее голова снова опустилась на подушку, не дав поцелую прерваться. Легкий привкус ее губ только еще больше возбудил его. Его рука скользнула дальше, перевернула ее на спину. Она не сопротивлялась, и поцелуй становился все более глубоким и страстным, пока один из «Райских бра-

тьев» не хлопнул дверью душа — и тут они пришли в себя.

Дилайни поцеловала его еще раз, легонько скользнув губами по уголку рта, и снова повернулась на бок.

— Спи, Грант.

Да, впереди у него долгая бессонная ночь.

Глава 14

— Что значит «больше нет сигнала»? — Дилайни словно врезался в грудь полузащитник из команды по американскому футболу, и в ее ладони задрожал телефон. Она натянула одеяло до пояса и села в постели. За окнами только занимался рассвет. Из-за разницы во времени между Иллинойсом и Калифорнией она разбудила сестру очень рано.

— Мне жаль, Лайн, — сонно проямлила Мелоди. — Я даже не знаю, что тебе сказать. Перед сном я проверила карту, и твой телефон все еще был в Бентли, штат Иллинойс, но сейчас я посмотрела, и он уже вне зоны действия сети. Так что либо вор выключил трубку, либо аккумулятор сел.

— Черт! Черт, черт, черт! — Дилайни ударила кулаком по матрасу.

Грант перекатился на спину и потер лицо ладонью.

— В чем дело? — Голос его был таким же сонным, как у Мелоди.

— А это кто? — спросила сестра. — Тот самый загадочный Грант? Дай я с ним поговорю.

— Ой нет, не надо! — Только этого ей не хватало! Незачем Мелоди и Грант обмениваться информацией. — Просто дай мне подумать... — Но мозг никак не желал просыпаться, там вместо мысли-

тельных процессов царила черная пустота. Через несколько секунд Дилайни снова заговорила: — Ладно, слушай, Мел. Я думаю, мы все равно отправимся в Мемфис. Я позвоню тебе, когда мы туда доберемся, но прошу — никому об этом не рассказывай. Ни о телефоне, ни о проблемах с машиной — ни о чем. Я сама хочу во всем разобраться и при этом не волноваться о том, о чем на самом деле волнуются люди, которые за меня волнуются. Понятно?

Сестра повысила голос:

— Но что, если я тоже волнуюсь? Ты знаешь, что ведешь себя как чокнутая? Я не хочу, чтобы на очередной обложке журнала People была твоя фотка из тюрьмы, как ты бреешь голову или еще что-нибудь в этом духе. Что ты вообще знаешь об этом парне? Ему можно доверять?

Дилайни взглянула на Гранта. Короткие волосы его были слегка растрепаны после сна, на щеке отпечатался след от подушки. Очень, очень угрожающий вид.

— Тебе можно доверять? — строго спросила она. — Сестра спрашивает.

Она пыталась пошутить, немного рассеять напряжение последней части разговора, но взгляд Гранта из сонного стал очень серьезным.

— Мне точно можно доверять. Скажи сестре, что я собираюсь добыть твой телефон и вернуть твои деньги, а потом доставить тебя домой в целости и сохранности.

— Деньги? — переспросила Мелоди. — Какие еще деньги?

Ох, черт бы их всех побрал!

Дилайни оторвала взгляд от Гранта:

— Никакие. Просто вместе с телефоном лежало немного налички. Ничего страшного.

Если она расскажет Мелоди, что кроме телефона у нее украли ноутбук, бумажник с документами и сорок тысяч долларов, хрена с два та промолчит об этом. Она все расскажет родителям, родители вызовут полицию, Донну арестуют. Дилайни снова будет во всех новостях с еще одним глупым скандалом, и Грант тоже окажется в него втянут. Нет. Никакой полиции. Никакой прессы. Ни за что на свете.

— Все под контролем, — соврала она. — Ложись спать. Я перезвоню позже.

Она отключилась до того, как Мелоди успела еще что-нибудь спросить, и положила телефон на тумбочку у постели. Потом скользнула под одеяло и снова оказалась рядом с Грантом. Теперь она лежала на спине, и ее сердце беспорядочно колотилось. Это стресс. Наверное. Она глубоко вдохнула через нос и медленно выдохнула. Но успокоиться не получалось, только немного закружилась голова.

Грант лежал на боку и смотрел на нее, положив руку под голову, сонный и полуголый, потому что свою футболку он пожертвовал ей, для защиты от царящих в комнате последствий буги-вуги. И вид его тоже совсем не помогал ей успокоиться.

— Сестра больше не получает сигнал с моего телефона. Мы будем двигаться вслепую.

Он протянул руку и положил ладонь ей на живот. Движение не было чувственным — скорее успокаивающим. Сердце ее ударило чуть громче и начало

замедлять свое биение. Она накрыла его ладонь своей, но продолжала смотреть в темный потолок.

— Ну, значит, сделаем так, как ты сказала, — тихо произнес Грант. — Мы отправимся в Мемфис. Поедем к тете, а если ее не окажется дома, подождем. У нее есть домашние питомцы, есть работа. Она не может просто исчезнуть, как мама. И она не такая чокнутая, как мама, поэтому я считаю, что как только она прослушает сообщение, которое я ей оставил, то сразу же нам перезвонит. И могу заключить пари на твои сорок тысяч: Тина понятия не имеет, что мама прихватила твой рюкзак.

Дилайни повернулась к нему:

— А что, если они разделились по дороге? Что, если твоя тетя вернется домой, а мама поедет совсем в другое место?

Он крепко сжал губы и помрачнел.

— Тогда, Лайн, мы вызовем полицию. Да, она моя мать, и видит Бог, я не хочу это делать, но она нарушила закон и украла твои деньги. Ты такого не заслужила. Это не часы за двадцатник из ювелирного магазина. Мы говорим об очень серьезной сумме. О деньгах, которые ты заработала, которые отложила для себя. Правильно?

Вопрос, казалось, немного запоздал. Он напомнил ей, что Грант до сих пор не совсем уверен в том, что она, Дилайни, сама когда-то не украла эти деньги. Но она вряд ли может винить его за сомнения. В такой ситуации они возникли бы у любого вменяемого, логически мыслящего человека. Но она все-таки не смогла сдержать легкого раздражения.

— Да, Грант. Это мои деньги, которые я заработала и скопила. Я начала работать в пятнадцать, и с каждой зарплаты откладывала немного на накопительный счет. Меня научила этому бабушка. Бог свидетель — родители меня такому научить не могли.

По его взгляду было видно, что она наконец-то убедила его. Он начал медленно водить указательным пальцем по ее животу.

— И что за первая работа у тебя была?

— Учила детей играть на пианино. — Она ответила, не успев даже продумать, что говорить. Палец на ее животе волшебным образом растворял ее способность ко лжи, и хотя он всего лишь поглаживал ей живот, она чувствовала это прикосновение всем телом.

— На пианино? Правда?

Она кивнула:

— Да. Рядом с нашим домом было маленькое помещение, что-то вроде музыкальной студии с благотворительными уроками, где ученики платили за урок столько, сколько могли, так что в основном там учились небогатые люди. За урок я получала всего несколько баксов, но это, наверное, была моя самая любимая работа. Я учила маленьких детей, а они такие милые, очаровательные, и были в полном восторге от того, что могут играть на настоящем инструменте. Там всегда было шумно и жарко, но мне очень нравилась эта работа.

Она уже давно не вспоминала о той студии. Ее основали несколько известных музыкантов, и отец уговорил Дилайни там поработать. Он тоже при-

ходил туда каждую среду и бесплатно занимался с детьми. Ни для кого не было секретом, что он просто хотел, чтобы одна из его дочерей тоже увлеклась музыкой и пошла по его стопам, но из них трех только у Мелоди был выраженный талант. Дилайни относительно неплохо пела, но не чувствовала особой склонности к этому занятию и совсем не хотела стать профессиональной певицей. Может быть, потому что видела, что произошло с отцом, когда погасли огни его сцены и все фанаты разошлись по домам. Но она любила играть на пианино и играла хорошо. Мысленно Дилайни добавила еще один пункт к растущему списку того, по чему она скучает в родном доме. Свое пианино.

— Должно быть, ты хорошо играешь, раз можешь учить других, — заметил Грант, продолжая водить пальцем по футболке, отчего по коже шли мурашки.

— Неплохо. Я начала играть на пианино, когда мне было три года, так что у меня было много времени на практику.

— А где ты работала потом? — Указательный палец скользнул к пупку и обвел его через ткань футболки. Мурашки бежали по всей коже, до кончиков пальцев на ногах, и волной поднимались обратно.

— Потом? Даже не помню. Думаю, консультантом в «Гэп». — И снова ложь. После музыкальной студии она устроилась в шикарный бутик в Беверли-Хиллз и проработала там все время, пока мучилась с учебой в колледже. Неплохая

работа, но довольно бессмысленная. Ей приходилось одевать то равнодушные манекены, то, наоборот, чересчур эмоциональных старлетов. И манекены были куда более интересными собеседниками. — А каким было твое первое место работы? — спросила она.

Его пальцы замерли, и он просто положил ладонь ей на живот.

— Я в основном работал с отцом. У него было фрахтовое рыболовное судно, пришвартованное в гавани Белл-Харбора.

Сейчас он смотрел ей не в глаза, а на плечо. Очевидно, за его словами скрывалось что-то еще.

— И? — мягко спросила она.

— Он погиб в Ираке. Так что больше никаких фрахтовых компаний.

— Ой! Грустная история. Прости. — Родители всегда страшно ее доставали, но она их любила и не представляла без них жизни.

Грант легонько мотнул головой, будто отгоняя непрошенные воспоминания. Слабое движение, но Дилайни его заметила. Или просто научилась читать Гранта.

А тот снова посмотрел ей в глаза:

— Мы с братом часто мечтали о том, что возродим компанию отца, — продолжил Грант, — но все пошло наперекосяк, когда мама вышла замуж за Хэнка. Хотя Тай говорил, что судно так и стоит в своем ангаре. Он сказал мне, что однажды, прошлой осенью, чуть не продал его, чтобы расплатиться с долгами, но Иви его отговорила.

— То есть судно все еще у него?

— Видимо, да, хотя теперь у него есть жена и работа, и они собираются взять приемных детей, так что вряд ли у него будет время на рыбалку.

— Но у тебя сейчас нет работы. Возможно, ты как раз сможешь этим заняться. Хотя мне больше понравилась идея твоего нового шоу.

Грант покачал головой и снова улыбнулся, обозначив ямочки на щеках.

— Я не создан для того, чтобы быть рыбаком. Мне нравится ходить по твердой земле. Ну, или хотя бы болтаться над твердой землей. — Он снова начал водить пальцем ей по животу. — А еще мне нравится, что тебе нравится моя идея нового шоу. — Легкая меланхолия угасла и перешла в сладкую сексуальную истому. — Может быть, ты могла бы стать его ведущей? Было бы весело, правда? Хочешь попасть на телевидение?

Дилайни издала такой резкий и громкий смешок, что тут же испуганно зажала ладонью рот. Пароход «Ирония судьбы» только что прибыл в ее гавань.

— Нет, — сказала она, качая головой. — Я совсем не хочу попасть на телевидение.

* * *

— Что это ты делаешь, лапушка? — спросил Реджи, приземляясь на зеленый диванчик рядом с ней. Они уже отправились в путь, но еще одна арктическая буря парализовала движение во всей восточной части страны, из-за чего путешествие стало медленным и небезопасным. До Мемфиса оставалось еще много часов езды, и Дилайни готова

была выйти и начать толкать автобус, лишь бы он ехал быстрее.

После вопроса Реджи она отвлеклась от своего занятия и подняла моток мягкой голубой пряжи.

— Вяжу детскую шапочку.

Выражение его лица мгновенно изменилось — сначала на нем отразилось удивление, потом нежность, и он с умилением посмотрел на ее живот и снова перевел взгляд на лицо.

— О-о-ой! Поздравляю, дорогая.

Грант оторвался от чтения журнала и посмотрел на нее большими круглыми глазами, словно удивленный персонаж мультфильма. Финч и Хамфри тоже уставились на нее. Они смотрели на девушку, как вернувшиеся из шахты семь гномов смотрели бы на Белоснежку, если бы та сообщила им о своей внезапной беременности.

Дилайни издала короткий смешок:

— Я вяжу их не для себя. Я не... в общем, я просто... короче, нет. Я хочу отдать связанные шапочки на благотворительную ярмарку. Хотя я не слишком-то хорошо вяжу. Не знаю, примут ли их хоть в каком-нибудь фонде.

— Милая, если уж они с радостью берут бывшие в употреблении лифчики и трусы, я уверен, что твои шапочки тоже возьмут.

— Дай-ка взглянуть, — произнес Хамфри и сел по другую от нее сторону. — Ты не так это делаешь. Накидывай нитку вот с этой стороны.

Она позволила ему забрать спицы:

— Ты умеешь вязать?

Он самодовольно улыбнулся:

— Меня научила бабушка. Я и крючком вязать умею. И на машинке шить.

— Хамфри станет кому-то прекрасной женой, — заметил Финч.

— Эй! — Реджи хлопнул брата по коленке. — В тебе говорит чистый шовинизм. Если он хочет ярче проявить свою женскую суть, мы должны всячески его поощрять!

— Да?

— Да, черт возьми! Ведь хоть кто-то в этом автобусе должен научиться готовить?! — Они захихикали, но Хамфри оставался невозмутимым.

— Я и не знал, что ты вяжешь детские шапочки, — заметил Грант. — Почему ты вообще решила этим заняться?

Дилайни пожала плечами:

— Не знаю. Просто мне показалось, что это подходящее занятие, помогающее сделать мир чуточку лучше.

Грант задержал на ней взгляд, и она не поняла, почему он так на нее смотрит, будто что-то тщательно обдумывает. Он почти улыбался, но все-таки оставался серьезным. Этот его взгляд разжигал глубоко внутри нее огонь, и она задалась вопросом, как долго сможет ему противостоять. В любой другой обстановке вчерашняя ночь прошла бы гораздо жарче, так что, возможно, хорошо, что из-за бурана они попали в этот автобус, полный посторонних людей.

— Что? — наконец спросила она. — Это просто детские шапочки.

— Вот так, смотри. — Хамфри снова привлек ее внимание к спицам. Она следила за тем, что он

показывает ей, но все время чувствовала на себе взгляд Гранта.

— Со стороны вязание совсем не кажется таким уж трудным делом, — заявил Реджи, заглядывая ей через плечо.

— А это и нетрудно, — ответил Хамфри. — Нужно просто немного терпения и ловкие пальцы.

— У меня тонна терпения, правда же? И все знают, какие у меня ловкие пальцы. У тебя есть запасные спицы?

Дилайни хихикнула:

— Э-э-э. Прости, но нет. У меня куча пряжи, но спицы только эти.

— Я могу это исправить, — улыбнулся Хамфри. Он поднялся и прошел к одной из сумок, лежащей на свободной койке, и с минуту рылся в ней. — Как насчет таких спиц? — Он снова шагнул к Дилайни, вытаскивая из-за спины барабанные палочки.

В автобусе раздался общий смех.

— Хороший ход, Макгайвер! — заметил Реджи, потом мотнул головой в сторону Финча: — Бери еще пару палочек. Я вызываю тебя на состязание, бро.

— Какое еще состязание? — Финч выгнул рыжую бровь.

— Соревнование по вязанию, понял? Метель никак не утихает, и нам надо убить кучу времени, пока мы не доедем до отеля. Я бросаю тебе вызов. Наша лапушка будет главным судьей и решит, кто из нас свяжет самую очешуенную детскую шапочку к северу от Теннесси. Ты принимаешь вызов? Ковбой ты или нет?

— Дай-ка уточню. Ты хочешь, чтобы я вязал. Барабанными палочками. Детскую шапочку.

— Я в деле, — сказал Хамфри, снова пошел к сумке и вытащил из нее еще две палочки. — А как насчет вас, мистер Оператор? Хотите немножко повязать?

Грант покачал головой:

— Я лучше понаблюдаю за вами. А еще могу снять ваше состязание на телефон.

Услышав его предложение, Дилайни вздрогнула. Никаких съемок. Только не с ней. Она снова закрыла челкой лоб.

— Черт возьми, да! Снимай нас! — воскликнул Реджи, чуть не подпрыгивая на месте от нетерпения. — Дорожная документалистика. Мы можем выложить это видео на нашей странице в «Фейсбуке». Типа «смотрите, какое доброе дело мы делаем». Как думаешь, цыпочки на это клюнут? Детские шапочки привлекут к нам больше фанаток?

— Цыпочки стопроцентно на это клюнут, — заверил его Хамфри.

— Тогда я «за», — объявил Финч.

Вот так началось состязание «Райских братьев» по вязанию самых очешуенных детских шапочек.

Глава 15

Боже правый, как же Грант был рад наконец покинуть автобус «Райских братьев»! Он испытывал к ним благодарность за гостеприимство, но единственное, что может быть скучнее вязания, — это видеосъемка процесса вязания. Еще один час глупых историй Реджи, еще одна ночь рядом с Элейн без всяких поползновений — и его хватит удар. Лучше бы он хватил его в момент оргазма. Они добрались до Мемфиса только к восьми вечера, но в конце концов это все же произошло.

Вестибюль в «Отеле разбитых сердец» выглядел как съемочная площадка фильма шестидесятых годов, снятого под тяжелыми психоделиками⁶. Стены в нем были выкрашены в пурпурно-синий цвет, с пятнадцатифутовых окон свисали отделанные золотой бахромой красные бархатные шторы. Все пространство вестибюля заполняли асимметричные диваны из золотистой и серебристой ткани, перемежаясь с креслами, обитыми полосатым мехом, напоминающим шкуру зебры,

⁶ Отсылка к американской комедии *Heartbreak Hotel* («Отель разбитых сердец») режиссера Криса Коламбуса (1988).

и уже не казалось удивительным, что вестибюль был битком набит Элвисами. Около тридцати человек, двойников Элвиса Пресли, бродили по вестибюлю, что-то обсуждали, собираясь в тесные группы, и просто болтали по телефону. Что-то непередаваемо странное виделось Гранту в том, что Элвисы разговаривают по сотовым телефонам, но его мозг слишком устал, чтобы осознать это несоответствие. Все, что ему сейчас было нужно, — номер с неплохим видом. С видом на лежащую на кровати Элейн. Конечно, он всего лишь предполагал, что такое возможно. Может быть, она не захочет делить с ним комнату, но вчерашний непрерывный ночной стояк заставлял его надеяться, что она согласится.

Через двойные двери вестибюля с большой дорожной сумкой через плечо вошел Реджи и, выставив вперед указательный палец, медленно повернулся вокруг своей оси. Пока он считал, губы его шевелились, затем он повернулся к Финчу:

— Я, случаем, не обкурился? Мы что, чем-то накидались в автобусе — причем я не помню, когда и как, — или все остальные тоже видят эту толпу Элвисов?

— Я не вижу ни одного, — флегматично заметил Хамфри.

— Я тоже, — добавил Финч.

Сэмми показал на плакат возле двери:

— Возможно, они как-то с этим связаны.

На стенде возле центрального входа красовался яркий розово-красный плакат с переливающейся стразами надписью:

*На этой неделе в лаунж-баре
«Комната джунглей»⁷
состоится празднование
дня рождения Элвиса!*

— Чем я могу вам помочь? — спросила женщина за высокой фиолетовой стойкой — миниатюрная сотрудница отеля с прической в виде торчащего на макушке узла волос. Выглядело это не слишком элегантно.

Финч обошел Реджи и шагнул к стойке.

— Да, конечно, спасибо. Мы, «Райские братья», хотели бы заселиться в ваш отель.

— Добро пожаловать в «Отель разбитых сердец». Мы рады, что вам удалось до нас добратся. Приносим свои извинения за погоду. У нас в Мемфисе никогда не было так холодно. Кстати, два других гостя из вашей компании уже заняли свои номера.

— Два других гостя? — спросила Дилайни, вопросительно глядя на Хамфри.

— Наш менеджер и его жена, — пояснил он. — Сисси больше не хочет ездить с нами в автобусе с тех самых пор, как Реджи экспериментально доказал, что кишечные газы действительно можно поджечь.

Грант усмехнулся, увидев выражение лица Элейн, похожее на то, с которым она смотрела на пропи-

⁷ «Комната джунглей» — название одной из комнат в поместье Элвиса Пресли Грейсленд в пригороде Мемфиса, в котором он записывал свои последние альбомы.

танную чужими ДНК простыню в комнате для буги-вуги.

— Я точно не знаю, что забронировал для нас менеджер, — сказал сотруднице Финч, — но, может быть, у вас найдется еще один свободный номер? Мы подобрали по дороге пару бродяжек.

Грант шагнул к стойке, но женщина только покачала головой:

— М-м-м, мне очень жаль. Я не думаю, что они у нас есть. Сейчас день рождения Элвиса, и все номера забронированы на несколько месяцев вперед, но, возможно, кто-нибудь из-за погоды отменил бронь. Давайте я посмотрю. — Пальцы ее запорхали над клавиатурой, быстро щелкая по клавишам. — Нет. Простите. Сейчас ничего нет.

— Тогда такой вопрос: сколько человек могут поместиться в нашем номере?

Она снова защелкала по клавишам:

— Похоже, для вас забронирована пара наших тематических номеров. Давайте посмотрим. В номере-люксе «Грейсленд» есть большая двуспальная кровать, отдельная ванная комната и два дивана. В номере-люксе «Пылающая любовь» есть отдельная спальня с большой кроватью, диван и кушетка. Боюсь, что раскладные кровати у нас уже закончились. Несколько наших гостей, которые уже должны были выселиться, остались еще на ночь из-за погоды.

Финч нахмурился и посмотрел на Гранта.

— Не волнуйтесь за нас, — сказал Грант. — Мы что-нибудь придумаем. — Но пока он не знал, что именно.

— Нет-нет, все в порядке, — заверил его Финч. — Я не знаю, зачем Кларк забронировал нам два номера, но вы с Элейн можете взять номер «Пылающая любовь», а мы все вместе забуримся в «Грейсленд». Совсем немного виски — и пол в номере покажется нам мягче пуховой перины.

— Я боюсь, что не могу позволить вам сделать это, сэр, — вмешалась в разговор сотрудница отеля. — Правила пожарной безопасности допускают в номере строго определенное число гостей. Вам нужно будет разбиться на группы по четыре человека, если вы хотите добавить количество гостей. — Она посмотрела на Гранта. — Извините, сэр.

— Без проблем, — заверил ее Финч. Он повернулся к Гранту: — Прости, чувак. Похоже, что этой ночью вы останетесь в нашей с Реджи компании, но мы отдадим вам спальню, а сами можем занять диваны. Хамфри и Сэм будут жить с Кларком и Сисси в другом номере.

Грант планировал провести эту ночь совсем по-другому, но с тех пор, как к нему в душ в его доме в Белл-Харборе ворвалась Элейн, больше ничего не шло по его планам.

— Я полагаю, что это — отличное решение, но позвольте мне хотя бы заплатить за номер.

— Не заморачивайся. Это деловые расходы. Нам за них спишут налоги.

— Мне кажется, что это неправильно, Финч. Вы были так щедры к нам. Я хочу хоть как-то отблагодарить вас.

— Я знаю, как ты можешь отблагодарить нас, Оператор! — восторженно заявил Реджи, выглядывая из-за плеча Гранта. — Как насчет позволить мне провести ночь с твоей девушкой на большой кровати?

Дилайни хихикнула, но Гранту стоило больших усилий не врезать ему по челюсти. Парень ходил по самому краю. Похоже, намерение Гранта ясно отразилось в его взгляде, потому что Реджи тоже хихикнул и поднял ладони в защитном жесте.

— Нет? Хорошо. Ладно. Я просто предложил. Грант снова повернулся к Финчу:

— Смотри, моя тетя живет неподалеку отсюда, и если я смогу с ней связаться, завтра мы переночуем у нее. Но сейчас уже ехать к ней слишком поздно.

— Да ладно, не парься, чувак. Пока у меня есть горячий душ и холодный пивасик, я в порядке.

Они зарегистрировались в отеле, забрали из автобуса вещи и гитары и прошли к лифту. Рядом с ним на стене висел старинный плакат, приветствующий возвращение Элвиса на сцену: красно-синяя афиша Короля рок-н-ролла с большой надписью сверху «Элвис 69».

Реджи прижался к плакату щекой и показал на него пальцем.

— Видите это, джентльмены? «Шестьдесят девять»? Думаю, этот отель мне понравится!

* * *

Пять минут спустя Дилайни уже стояла с Финчем, Реджи и Грантом перед дверью в их номер.

Дверь была окрашена в насыщенный бордовый цвет, и два перекормленных херувима летали над золотой табличкой «Люкс “Пылающая любовь”». Над некоторыми вычурными золотыми буквами даже были нарисованы маленькие сердечки.

— «Пылающая любовь», да? — пробормотал Реджи, пихая брата локтем. — Мне он скорее напомнил о ЗППП⁸. Давайте-ка посмотрим, что за первой дверью.

Они вошли внутрь, и Дилайни не могла не восхититься оформлением номера. Оно целиком соответствовало пошлому великолепию входной двери и было перенасыщено сочными цветами и сияющей позолотой. Грант щелкнул выключателем, и комнату осветила хрустальная люстра, свисающая над обеденным столом со стеклянной столешницей. Фиолетовая бархатная кушетка и красный пуфик в виде сердца занимали один из углов комнаты. С другой стороны помещения находилась обеденная зона, выкрашенная в белый цвет с позолотой, а за ней — розово-золотая гостиная с потолком, расписанным под голубое небо.

Мужчины тоже зашли в номер. Они вертели головами по сторонам, осваиваясь с обстановкой.

— Ну надо же! Как элегантно, — заметил Реджи, одобрительно кивая. — Даже ручки шкафов сделаны в форме жирных ангелочков.

— Это херувимы, неуч, — поправил его Финч.

— А кто такие херувимы?

⁸ Заболевания, передающиеся половым путем.

— Жирные ангелочки.

Дилайни прошла по короткому коридору и оказалась в довольно скромной, учитывая остальную обстановку, спальне. Изумрудно-зеленые бархатные шторы и простыни из золотого атласа. Она будет спать на них рядом с Грантом. С Реджи и Финчем прямо за дверью. Она никак не могла решить, что чувствует по каждому из этих обстоятельств в отдельности и как относится к ситуации в целом.

Весь день она ждала новостей от тети Гранта или от его мамы. Она еще раз связалась с Мелоди, но приложение на ее телефоне все так же показывало, что телефон Дилайни вне зоны действия сети, а Мелоди начала задавать столько вопросов, что Дилайни не решалась позвонить ей еще раз. У Карла тоже не было новостей, но он снова напомнил им, что коктейльчик из тернового джина может быть очень вкусным.

Грант тоже вошел в спальню:

— Ты в порядке?

Она кивнула:

— Со мной все хорошо. А ты?

Он тяжело вздохнул и потер заросший щетиной подбородок, отчаянно нуждающийся в бритве.

— Я в порядке, но если Реджи не прекратит к тебе подкатывать, мне все-таки придется его побить, и пусть тогда попробует петь с зашитой челюстью.

У Гранта не было на нее никаких прав. И делать такие ревниво-собственнические заявления он тоже не имел права, но от его слов по ее телу

разлилось приятное тепло. Они вместе попали в это приключение и были в одной команде, хотелось им этого или нет. Дилайни улыбнулась, шагнула к нему и обняла его за талию, затем положила голову ему на грудь. Он крепко обнял ее и прижал к себе.

— Реджи не в моем вкусе.

— Отлично! Тогда какие мужчины тебе по вкусу?

— Не знаю. Во всем похожие на тебя? Наверное, такие. — Прозвучало слишком глупо и сентиментально. Ей следовало бы остудить его, а не поощрять, у нее хватало забот и без еще одного мужчины в ее жизни. Но он уже был в ее жизни. Вообще говоря, за последние дни он стал самым надежным ее звеном. Сейчас у нее не было никого, кроме него.

И, кроме него, ей сейчас ничего не было нужно. Она подняла на него глаза, и он легонько поцеловал ее.

— Да не обращайтесь на меня внимания, ребята, — произнес Финч, заходя в спальню, а затем аккуратно обогнул их. — С этим номером только одна маленькая проблемка.

Дилайни посмотрела на него. Он тем временем обошел кровать.

— Проблемка? — спросила она.

Он открыл дверь и заглянул внутрь.

— Ага. Проблемка. Это — единственный душ на весь номер. Похоже, что нам с Реджи придется на цыпочках пробираться мимо вашего любовного гнездышка. Но не волнуйтесь. В нашем автобусе нам пришлось повидать всякое, так

что вы, ребята, вряд ли сможете нас чем-нибудь шокировать.

Вслед за ним в комнату ворвался Реджи:

— Мы можем мыться по двое, чтобы ускорить процесс. Элейн, чур, ты со мной!

Дилайни почувствовала, как в направлении Реджи дернулся Грант. Она крепче обняла его, и он остался на месте.

Финч вытащил из кармана телефон:

— Хэй! Сэм только что прислал сообщение. Говорит, они с Хамфри идут в лаунж-бар «Комната джунглей», чтобы поужинать с Кларком и Сисси. Они хотят, чтобы мы тоже спустились к ним. Вы с нами, ребята? — Он посмотрел на Дилайни и Гранта. — У Сисси вроде бы такой же размер, Элейн. Она может одолжить тебе что-нибудь из одежды.

Мысль о еде и свежей одежде показалась ей даже привлекательнее мечты о горячем душе. Они с Грантом снова надели все свое, но чистого белья и одежды, чтобы переодеться после душа, у них не было. Однако еда стояла в списке на первом месте.

Девушка посмотрела на Гранта.

— Ты голоден? — спросила она.

Она могла догадаться, о чем он думает. Он хотел остаться здесь наедине с ней даже больше, чем поесть, но она пока не была к этому готова. Несмотря на силу, с которой ее тянуло к нему, несмотря на то, какой соблазнительной была мысль о долгом горячем душе, за которым следует долгий горячий секс с Грантом, ей необходимо было позаботиться о более насущных потребностях. Ей

нужны были еда и одежда. А также ее собственные телефон, бумажник и деньги. Еще ей нужно было рассказать Гранту, кто она такая на самом деле. И про скандальную видеозапись. Если после этого она все еще будет ему нужна, она сможет поддаться искушению.

— Я хочу есть, — сказала она, прежде чем он успел придумать повод не спускаться в ресторан. — Ты угостишь меня ужином? Похоже, я потеряла бумажник.

Глава 16

Лаунж-бар «Комната джунглей» оказался просто обеденным залом гостиницы с десятифутовым баром с одной стороны и с танцполом на пятнадцать квадратных футов — с другой. Здесь находилась и своеобразная сцена — возвышающийся фута на два помост, покрытый васильково-синим ковром. Слева на сцене стояло пианино, и, конечно, здесь тоже не обошлось без Элвисов. Они были повсюду: толпились у стойки с салатами, ели куриные крылышки, позировали для фотографий с другими постояльцами отеля. Над гомоном толпы плыли звуки песни «Голубые Гавайи».

— Итак, ребята, у меня для вас ложка плохих новостей и две бочки хороших, — заявил менеджер «Райских братьев», когда они с напитками в руках расселись за столом. Кларк оказался плечистым мужчиной, настоящим ковбоем — от остроносых сапог из змеиной кожи до сдвинутой на затылок коричневой широкополой шляпы. Его жена, Сисси, была несколько рассеянной, но смешливой миниатюрной женщиной с глубоким декольте. Ее пышные белокурые волосы были так залиты лаком, что напоминали гипс, но Дилайни она сразу понравилась. Было невозможно не поддаться ее

обаянию, когда она говорила «ой, милая моя» и «спаси господи». Из-за южного акцента все ее фразы ласкали слух, даже когда она говорила «моя бывшая невестка была кривозубой сутулой продажной шлюшкой, спаси господи ее мелочную душонку».

— Как насчет того, чтобы начать с плохих новостей? — чуть нахмурившись, спросил у менеджера Финч. На его переносице обозначилась еле заметная морщинка.

Кларк поправил свою огромную ковбойскую шляпу. Должно быть, в его машине очень просторная кабина.

— Похоже, в кафе «Блюз-сити», где у нас намечался концерт, прорвало замерзшую водопроводную трубу, и заведение будет закрыто до тех пор, пока они не устранили последствия.

На лицах музыкантов отразилось разочарование.

— Ох, ну послушайте, ребята, зачем же расстраиваться? — вмешалась Сисси, махнув на них ладонью с покрашенными ярко-красным лаком пальчиками. — Мой милый медвежонок уже обо всем позаботился. Скажи же им, дорогой. Ну же!

— Да. Я все решил. Теперь хорошие новости. Похоже, что группа, которую нанял этот отель, застряла где-то на севере из-за той же самой снежной бури, которая заморозила трубы в нашем кафе. Говорю вам, погодка тут такая же желанная, как двухдолларовая шлюшка в церкви. В любом случае им нужна музыкальная группа, а вам нужно выступить, так что — вуаля! Вы сошлись так же удачно, как кантри-музыка и пикап!

— Ты хочешь, чтобы мы выступали в этом отеле? — спросил Хамфри.

— Именно. Вот в этом самом зале, — кивнул Кларк и сделал большой глоток пива.

Финч огляделся по сторонам и недовольно прищурился. Дилайни понимала его опасения. В таком помещении, должно быть, неважная акустика, и им придется играть без усилителей, иначе все эти фотографии Элвиса в рамках, которыми увешаны стены, с грохотом попадают на пол.

Горлышком бутылки Кларк сдвинул шляпу дальше на затылок:

— Это лучше, чем ничего. И мы отыграем всего несколько вечеров. Вдобавок они платят почти так же хорошо, как и в любом другом месте, комнаты нам будут сдавать бесплатно и кормить тоже. Так что ешьте вволю, ребята. Завтра у вас выступление.

Финч посмотрел на брата и других членов группы.

— Нам же не нужно будет переодеваться в Элвисов, правда? — спросил Хамфри.

— А выпивка тоже бесплатно? — спросил Реджи одновременно с ним.

Кларк покачал головой:

— Нет по обоим пунктам. Переодеваться в Короля не нужно. Но и выпивки не будет. Если хотите бесплатно выпить, вам придется заигрывать с официантками. А я вас, похотливые черти, знаю: все равно же вы будете с ними флиртовать. Так что вас все устраивает?

«Райские братья» еще раз переглянулись, и наконец Финч кивнул:

— Мы в деле. Давайте есть.

Они заказали ребрышки, рыбу, кукурузный хлеб и напитки и провели время, обмениваясь историями из жизни, причем Дилайни удалось избежать откровений и отвечать на вопросы весьма туманно. Сисси была как раз из целевой аудитории шоу «Папа жжот». Если Дилайни хотя бы упомянет о мыле или назовет имя одной из сестер, эта женщина может обо всем догадаться.

— Так откуда, говорите, вы приехали? — спросила Сисси, слизывая соус с пальцев после картофеля-фри.

— У нас с Грантом дом в Мичигане, — ответила Дилайни. Это было правдой. У них с Грантом был общий дом. Ну, или типа того.

— Правда? Потому что твое лицо кажется мне знакомым. Ты, случайно, не работала моделью?

Дилайни пренебрежительно хмыкнула, а потом икнула:

— Я? О боже, нет! Я работала кассиром в банке. — Твою ж мать! Может, ей нужно было представиться туристическим агентом? Она украдкой поглядела на Гранта, но, к счастью, он был слишком увлечен разговором с Хамфри. Чтобы обезопасить себя, она добавила: — Э-э-э, я имею в виду, что работала там, когда училась в колледже.

Сисси приподняла густо подведенные брови:

— Кассиром в банке? С такой-то фигурой? Какая потеря!

— Эй, раз уж мы заговорили о фигурах, — вмешался Финч, — Элейн нужна одежда. У тебя случайно нет запасных вещей, чтобы ей одолжить?

Хотя не то чтобы Хамфри не нравится, что она ходит в его штанах.

Кларк громко фыркнул и постучал ладонью по столу:

— Запасных вещей? А ты как думаешь, Финчер? Моя маленькая миссис возит с собой столько одежды, что может переодеваться шесть раз в день.

Сисси наклонила налакированную головку сначала в одну сторону, затем в другую и широко улыбнулась, словно Мисс Америка.

— Ты женился на мне отнюдь не из-за моего ума, Кларк Дулитл. Ты женился на мне из-за шикарной груди, так что не надо жаловаться на то, что я пытаюсь выглядеть хорошо ради тебя.

Он нагнулся и громко чмокнул ее в щеку:

— Чертовски верно, куколка. С первого взгляда на эту леди я понял, что она предназначена мне судьбой. Красивая, как майский день. И я понял, что она умная, ведь когда я пригласил ее на танец, она сразу согласилась!

Все музыканты группы сонно улыбнулись и закивали головами — похоже, эту безвкусно-приторную историю они слышали не в первый раз. Дилайни почувствовала, как ладонь Гранта скользнула по ее бедру. Прикосновение было легким, но ей показалось, что в чувствительной точке между ног сверкнул фейерверк. Она прикусила губу и чуть подвинулась на стуле, чтобы скрыть невольную дрожь. Со стороны Гранта послышался резкий вздох. Этот шаловливый пес осмелился снова провести рукой по ее бедру, на этот раз двигаясь снизу вверх. Дилайни издала изумленный смешок.

Все повернулись к ней, и она почувствовала, как жар приливает к щекам.

— Это... просто это так романтично.

Сисси прищурилась и сделала глоток шампанского.

— А как познакомились вы?

«Как мы с Грантом познакомились?» Дилайни посмотрела на него. Она не могла ничего сказать, и это было хорошо, потому что мозг у нее отключился в ту же секунду, как его ладонь коснулась ее колена. Уголки его губ медленно приподнялись в ленивой улыбке, когда он начал отвечать, глядя на нее, а не на Сисси.

— О, я бы сказал, что наша первая встреча была чем-то похожа на вашу, — произнес он. — Элейн вошла в комнату и застала меня врасплох. На самом деле она посмотрела на меня, я на нее — и, черт возьми, на меня будто повеяло жарким ветром.

Жарким ветром? А, точно. От фена. Остроумный ублюдок. Улыбка его потеплела, и она всем телом почувствовала это тепло — от кончиков пальцев до затылка и в каждой чувствительной клеточке между ними. Черт бы его побрал. Как она может не заняться с ним сексом, когда он так на нее смотрит?

— Ты помнишь то же самое, Лайн? — спросил он.

— Почти, — ответила она тихо.

На секунду все замолчали, и Дилайни даже не поняла, что они с Грантом продолжают зачарованно смотреть друг на друга, как влюбленные подростки,

пока Реджи не поднял руку и не окликнул официантку: «Пожалуйста, чек!»

— Ну разве они не милашки? — Сисси вытерла салфеткой руки. — Пойдем со мной в наш номер, Элейн, и я посмотрю, не найдется ли у меня подходящей тебе одежды. Еще мы можем заглянуть в сувенирную лавку и кое-чего прикупить. Вы, мальчики, оставайтесь и пейте дальше свое пиво. А мы немножко поболтаем между нами, девочками...

Прозвучал звонок, и все потянулись за телефонами.

— Я думаю, это мой, — сказал Грант. Он убрал ладонь с колена Дилайни, вытащил из кармана телефон, посмотрел на экран и передал телефон ей, пристально глядя на нее. — Это твоя сестра.

* * *

— Ты вообще где пропадаешь? — спросила Мелоди, как только Дилайни ответила на вызов. — Ты уже в Мемфисе?

Дилайни с максимально возможной для себя скоростью подскочила с места и унеслась из обеденного зала в коридор.

— Мы добрались до Мемфиса около часа назад. Извини, не было возможности тебе позвонить.

— Больше так меня не пугай! Боже! Я понятия не имела, где ты, а потом нам позвонили из полиции! Лайн, это сейчас во всех новостях шоу-бизнеса.

— Что? Что в новостях? — У нее внезапно закружилась голова, и ей пришлось прислониться к стене, но потом она осознала, что опирается

прямо на плакат «Элвис 69», и отодвинулась в сторону, а потом присела на гигантскую кадку с пальмой.

— Полиция обнаружила на обочине дороги старую брошенную машину, по всей видимости зарегистрированную на твое имя, но, разумеется, мы сказали, что это не ты, потому что ты скорее бы умерла, чем стала бы ездить на старом дерьмовом «фольксвагене». Но потом я не на шутку испугалась: вдруг этот твой Грант убил тебя и ты действительно умерла в старом дерьмовом «фольксвагене»! Я ничего не могла с собой поделать, Лайн. Я должна была обо всем рассказать маме и папе. Я знаю, что ты просила меня этого не делать, но Богом клянусь: если ты сейчас же не объяснишь мне, что за хрень с тобой творится, я найду тебя и задушу своими руками.

Из-за угла вышел Грант и дотронулся до ее плеча:

— Все хорошо?

Дилайни кивнула и попыталась улыбнуться так, будто все просто замечательно, хотя на самом деле ей хотелось согнуться, сжать голову руками и глубоко подышать.

Она подняла руку:

— Просто небольшая... семейная драма. Я вернусь через пару минут. — Она икнула, затем поднялась и неровными шагами пошла дальше по коридору мимо очень толстого Элвиса, очень сильно заросшего волосами Элвиса и еще одного Элвиса с азиатскими чертами лица и в ботинках с шестидюймовой платформой. — Ладно. Теперь можешь рассказать мне все заново и по порядку? — спро-

сила Дилайни у сестры. — Что именно сейчас показывают в новостях? — Она еще и еще раз икнула.

— Они говорят, что ты пропала, а родные понятия не имеют, где ты находишься. Тебе надо срочно вернуться домой, Лайн. Чем дольше все это продолжается, тем сильнее разрастается скандал. Мама и папа хотят знать, все ли с тобой в порядке. Они уже позвонили нашему адвокату и наняли специалиста по связям с общественностью.

Услышав эти слова, Дилайни чуть не рассмеялась. Ну, или она рассмеялась бы, если бы у нее не перехватило дыхание. Они уже пытались нанять такого специалиста после скандала с видео, которое отдал прессе Бойд, но Дилайни считала, что сможет справиться самостоятельно. Она думала, что если сбежит от всеобщего внимания, скандал заглотнет сам собой. Очевидно, она несколько ошиблась в расчетах. А теперь, когда в дело оказались втянуты полиция и адвокаты? Просто кошмар!

— Какому адвокату они позвонили? — спросила Дилайни, прижав большой палец к губам.

— Я думаю, Тони.

— Понятно. Прежде всего, скажи маме и папе, что со мной все в порядке. Потому что так и есть. Затем попроси Тони позвонить в полицию и сообщить, что со мной все хорошо. Он может сделать вид, что не должен раскрывать информацию о клиенте, или какие еще у них есть отговорки, но я хочу, чтобы он убедил полицейских, что я не пропала. Я скрываюсь от прессы, но это не преступление. А что касается специалиста... Господи, я даже

не знаю. Может, ему стоит сделать заявление, что машина принадлежит другой Дилайни Мастерсон? Или что-нибудь вроде этого. Неужели в стране только одна Дилайни Мастерсон?

— Ты пугаешь меня.

— Даже не пытаюсь. Вы все слишком сильно волнуетесь, но правда заключается в том, что сейчас я ничего не могу с этим поделать. Если я позвоню в полицию, они станут задавать вопросы, а я сейчас не готова на них отвечать. Если я позвоню туда, то Грант со своей семьей тоже окажется втянут в скандал, и не будет никакой возможности скрыть всю эту кашу, что я заварила, от вездесущих папарацци. Семья Гранта окажется на первых полосах рядом со мной, и я буду выглядеть еще большей дурой, чем после скандала с *порнушной видеозаписью*.

Она хотела понизить голос и произнести последние слова как можно тише, но они вылетели еще резче, чем предыдущие.

Элвис-азиат опустил на нос золотые солнечные очки и глянул на нее поверх оправы. Заметка на будущее: никогда не произносить слова «порнушная видеозапись» в переполненном вестибюле отеля.

— Почему ты не можешь просто сесть в самолет и вернуться?!

— Потому что у меня нет денег! Ни денег, ни бумажника, ни документов, Мелоди. Их украли вместе с телефоном, поэтому я не могу забронировать билеты и сесть в самолет, даже если очень захочу.

— У тебя все украли?! — Голос Мелоди прозвучал как сирена воздушной тревоги, но Дилайни была полна решимости пресечь ее излишний драматизм.

— Да, прости, что не рассказала тебе это раньше, но я не хотела беспокоить тебя. — Отчасти это было правдой, но прежде всего Дилайни знала, что Мелоди не умеет хранить секреты, а ей меньше всего хотелось, чтобы вся эта неразбериха стала еще одним эпизодом их шоу. — Прошу тебя, Мел, помоги мне: скажи всем-всем-всем, что со мной все отлично.

Мелоди усмехнулась в трубку:

— Я думаю, что «отлично» — это очень сильно сказано. У меня есть все основания беспокоиться.

— Не надо. Вообще-то я... Я, можно сказать, развлекаюсь.

— Развлекаешься?

Дилайни до сих пор этого не осознавала, но... да. Ей было весело. Потому что с ней был Грант, и ее окружали хорошие люди, и никто не связывал с ней никаких ожиданий. Ей не приходилось работать на камеру для безликой анонимной аудитории. Ей не нужно было все свои силы отдавать на службу семье. И она не пыталась впечатлить своих клиентов из Беверли-Хиллз. Она просто... была сама собой. И ей это нравилось.

— Да. Я развлекаюсь. Мне весело.

— Черт тебя дери, Дилайни. Пора возвращаться домой. Все стало слишком серьезно.

В душе она понимала, что сестра права. Ее проблемы не испарились только потому, что она сбежала от них. Они лишь умножились. Она — словно

Элли в сказочной стране, над головой у которой кружат Летучие Обезьяны, но у нее нет каблучков, которыми можно щелкнуть и все исправить. Ей нужно самой решать свои проблемы.

Она набрала в грудь побольше воздуха:

— Я знаю, что пора. И я скоро вернусь, правда. Через несколько дней раздобуду бумажник и документы, и как только они будут у меня на руках, вернусь домой, поговорю с полицейскими и сделаю все, чего от меня потребует этот треклятый специалист по связям с общественностью. Ладно? Мне нужно всего лишь несколько дней.

— У тебя вообще нет денег? И документов? Как ты вообще без них живешь?

— Я бы сказала, что отлично.

— Снова это слово. У меня такое ощущение, что ты не знаешь, что оно означает. Поставь себя на мое место, Лайн. Я не знаю, где ты, а сама ты, очевидно, полностью доверилась первому встречному. Я даже фамилии его не знаю. Все, что мне известно, — его телефонный номер.

Дилайни действительно полностью доверилась Гранту. Это было так легко! Вообще-то она уже обжигалась, доверяя мужчинам, но Грант не был похож на большинство из них. Она понятия не имела, откуда ей это известно. Она просто знала это, чувствовала сердцем, и это было важнее всего.

— Его зовут Грант Коннелли, и мы остановились в «Отеле разбитых сердец».

— «Отель разбитых сердец»?

— Да. В номере «Пылающая любовь».

— «Пылающая любовь»? — Голос Мелоди из удивленного стал подозрительным.

— Да.

— С каким-то парнем по имени Грант Коннелли... — Теперь голос ее просто сочился сомнением, и, возможно, она имела на это полное право. Ситуация *и правда* сложилась несколько необычная.

— Да. Я в номере «Пылающая любовь» в «Отеле разбитых сердец» с парнем по имени Грант Коннелли, и я прошу тебя поверить мне, что все вовсе не так, как может показаться на первый взгляд. — Ну да, не совсем так, потому что она забыла упомянуть об автобусе, полном музыкантов, и о куче двойников Элвиса, которые пытаются подслушать ее разговор. Но если учесть, что сестра и без того уже готова отправить ее в психушку, Дилайни решила оставить подробности при себе. Вместо этого она просто добавила: — И мне весело.

Глава 17

Реджи с важным видом вышел из ванной комнаты номера «Пылающая любовь» в небрежно обернутом вокруг бедер белом гостиничном полотенце и со скомканной одеждой на правой руке. Самоуверенный осел. Уже приближалась полночь, и он мылся последним. Он будто специально долго нежился в душе, оттягивая момент, когда Грант окажется наедине с Элейн.

Она сидела на кровати на золотом атласном покрывале в новых розовых пижамных штанах и футболке с надписью «Я люблю Элвиса», которые Грант купил ей в сувенирной лавке отеля. Себе он тоже купил похожую футболку — в лавке был небогатый выбор. Нужно скорее попасть в нормальный магазин. Если Элейн в такой футболке выглядит просто очаровательно, то он смотрится как дебил. Настоящие мужчины не носят футболки с надписью «Я люблю Элвиса».

Реджи захихикал, увидев надпись, и сочувственно похлопал Гранта по плечу, когда проходил мимо них в свою часть номера.

— Отличная футболочка, Оператор, — шепнул он.

— Отличное полотенце, придурок, — так же тихо ответил ему Грант.

Реджи и бровью не повел. Он только шире улыбнулся и сказал уже громче:

— Ну, я пошел. Спокойной ночи, Мэри Эллен. Спокойной ночи, Джон-бой⁹. — Дверь спальни почти закрылась, но Реджи вдруг развернулся и сунул голову в дверной проем. — К вашему сведению, безумные подростки: мы с Финчером спим как убитые. Можете шуметь сколько хотите — разбудить нас не получится. Ну, если только вы сами не пригласите меня на замену. Тогда я, конечно, сразу проснусь.

Грант шагнул к двери и захлопнул ее с такой силой, что чуть не ударил Реджи по голове.

— Вали уже отсюда.

Грант слышал, как за дверью смеется Реджи, но все было уже хорошо, потому что музыкант находился там, а сам он — здесь, с Элейн. Он запер дверь: прозвучал громкий и уверенный щелчок замка, и Реджи за дверью снова радостно заржал, но звук становился все тише — похоже, Реджи уже отошел от двери. Грант повернулся к Элейн. Она подтянула колени к груди и обхватила их руками, спиной упираясь в бархатное изголовье кровати.

Он потер ладони и смягчил тон.

— Как он меня бесит.

Она улыбнулась и заправила за ухо темно-каштановый завиток влажных после душа волос. Внезапно он занервничал — совершенно непонятно, почему. Они уже несколько дней постоянно были вместе — с чего бы ему начать волноваться?

⁹ Отсылка к героям созданного Эрлом Хэмнером американского сериала *The Waltons* («Уолтоны») (1972–1981).

И как раз в то время, когда нужно очаровывать и соблазнять? Это все из-за футболки. Она его до импотенции доведет. Лицо Элвиса выглядело сексуально только на самом Элвисе.

— В этой футболке я чувствую себя дураком, — вдруг выпалил он. — В такой мог бы ходить Карл.

Она рассмеялась, и его неуверенность испарилась в мгновение ока. Как же приятно слышать ее смех! Громкий, веселый, совсем не женственный, но искренний — значит, шутка попала в цель.

Она похлопала по кровати рядом с собой, намекая на то, что если он все сделает правильно, то может попасть в еще одну цель. Хотя он не считал происходящее игрой. Элейн не из числа девушек, за кого можно бороться из чисто спортивного интереса. Он понял это в первые же пять минут их знакомства. Девушка, которая прикрывает глаза при виде пениса и не может, не покраснев, произнести это слово, не из тех, кто любит просто перепихнуться, пусть даже это происходит в номере «Пылающая любовь».

Он сел рядом с ней на кровать, но повернулся так, чтобы оказаться к ней лицом. В комнате царил полумрак, из-за чего ее нежно-голубые глаза с длинными ресницами казались темными.

— Как прошел разговор с сестрой? — спросил он. — После него ты стала немного рассеянной. Или это из-за Сисси? — После телефонного разговора Элейн провела с легкомысленной супругой менеджера «Райских братьев» немало времени и потом в основном молчала.

На ее губах играла слабая улыбка, словно легкая тень ее веселого настроения.

— Сисси — просто душечка. Она хорошая, хотя и очень любопытная. И она одолжила мне одежду. Вещи не совсем в моем стиле, но с ее стороны это все равно очень мило. А что касается дома... ну, там обычная драма.

— Драма на мыльной фабрике? Типа мыльной... оперы?

Она снова улыбнулась, и его охватило ощущение победы, но ее улыбка слишком быстро поблекла.

— Мне скоро нужно будет вернуться домой. Раньше, чем я планировала.

Его будто ударили под дых. Плохое предчувствие.

— Почему?

— Ну, для начала мы забыли сообщить властям о машине. Так что, когда ее нашли полицейские, они сразу оповестили семью, и теперь родные думают, что со мной случилось что-то ужасное.

Твою ж мать! Это же базовые навыки выживания — оставить записку на случай, если кто-то будет тебя искать.

— Прости. Я хотел позвонить в полицию, но забыл, — виновато сказал он.

— Ты не виноват. Я должна была рассказать сестре об аварии, но пыталась справиться со всем самостоятельно. А теперь они все боятся, что мне что-то угрожает, хотя именно этого я пыталась избежать.

— Тебе ничто не угрожает. Я позабочусь о тебе. — Слова вылетели прежде, чем он успел обдумать их. Он понятия не имел, откуда в нем такие

стремления. Откуда вообще все это бралось — отчаянное стремление заявить на нее права, желание ее защитить? Может быть, это просто чувство вины из-за того, что натворила его мать. Может быть, отключающая разум страсть. Но вне зависимости от причин, его желания были реальными, и ему хотелось следовать им.

Она улыбнулась мило, но неубедительно:

— Спасибо, но с тем, что происходит дома, мне нужно будет разобраться самой. Отсюда я не смогу это сделать. И из Белл-Харбора — тоже.

Нет, для него это совершенно неприемлемо. Они только начали. Она не может так быстро вернуться домой. Ему нужно больше времени. Он еще слишком мало с ней пробыл, и ему страстно хочется обладать ею.

Мокрые волосы оставили влажные дорожки на ее футболке. Он дотронулся до одной из прядей и обвил ее вокруг пальца, не сводя глаз с завитка, потому что смотреть Элейн в глаза было слишком опасно. Он покорял горные вершины, пересекал глубокие ущелья, но никогда еще его сердце не билось так часто, как сейчас.

— Я не хочу, чтобы ты так быстро вернулась в Майами.

— Не хочешь? Но ведь дом останется полностью в твоём распоряжении, — прошептала она.

— Я больше не хочу жить в этом доме один. Мне нравится, когда в нем есть ты. И я люблю смотреть на занятия йогой.

— Можешь подключить кабельное телевидение. Там куча программ о йоге.

Грант придвинулся ближе, и она вытянула ноги.

— Это совсем не то же самое, что смотреть вживую, — заметил он.

Дилайни повернулась, чтобы поправить подушку, и прядь волос выскользнула из его пальцев. Она откинулась на спину и положила ему на ногу ладонь. Совсем не так, как он за ужином дотрагивался до нее, но все равно прикосновение было приятным. Очень приятным. Он хотел, чтобы она потрогала все его тело. При этой мысли кровь прилила к паху, и секунд через десять его член мягко толкнулся ей в руку. Это было неловко. Ну, или просто потрясающе.

— Я думаю, стены тут достаточно толстые, — заметил он, оглядывая комнату. — Достаточно... звуконепроницаемые. Даже если мы будем сильно шуметь, снаружи нас никто не услышит.

Он внимательно посмотрел на нее — шутил он лишь отчасти.

То есть вообще-то совсем не шутил.

Грант запер дверь. У комнаты толстые стены, и кровать здесь такая же манящая, как сладкий запах от теплой кожи Элейн. Ему хотелось, чтобы она сходила от него с ума, и он сам хотел ее до безумия, хотел полностью отдаться страсти, слишком необузданной и дикой для этой маленькой комнаты. Но этой ночью придется вести себя тихо, раз уж других вариантов нет.

Щеки ее заалели румянцем.

— Ты очень много для меня сделал, Грант. И я очень благодарна тебе за это, — произнесла она.

Сердцебиение его замедлилось. Не таких слов он ожидал от нее. Сейчас ему нужна не благодарность. Благодарность исходит от людей, которые чувствуют себя в долгу, а он хотел, чтобы она была с ним на равных. Она ничего ему не должна.

— Ты тоже много для меня сделала, Лайн. Ты могла сразу вызвать полицию, чтобы они задержали мою мать, или вышвырнуть меня из собственного дома. И ты пошла на свадьбу, чтобы прикрыть меня от гнева родных, словно живой щит. С твоей стороны это было настоящее великодушие.

Она издала звук, одновременно напоминающий вздох и хихиканье:

— Хорошо, значит, мы в расчете. Но я хочу сказать, что только из-за того, что мы оказались вдвоем в этом номере, на замечательной удобной кровати, окруженные всеми этими Элвисами... Я не хочу, чтобы ты «любил меня нежно»¹⁰ лишь потому, что я так... удачно подвернулась тебе.

В теории ее слова, возможно, имели смысл, но на практике они были очень далеки от правды, и он усмехнулся этому парадоксу:

— Что связанное с тобой я могу назвать удачным, Лайн? Явно не поездку за тысячи миль сквозь буран, чтобы вернуть тебе твои деньги. И не то, что ты оказалась в моем доме. То, что моя семья всеми возможными способами пытается испортить тебе жизнь, — тоже не самый удачный поворот. Но, если честно, больше всего меня беспокоит, что я при этом чувствую.

Она подняла на него глаза:

¹⁰ Отсылка к песне Элвиса Пресли Love Me Tender.

— Почему? Что ты чувствуешь?

У него перехватило дыхание, и он собрал все свое мужество, чтобы сделать решительный шаг. Его пальцы скользнули по ее щекам, обхватили их, сжали лицо в ладонях, и он провел большим пальцем по ее губам — полным, пьянящим, от которых у него подгибались ноги, но они же придавали ему храбрости.

— Что я чувствую? Я хочу, чтобы ты стала моей. Прямо сейчас.

* * *

Темные глаза Гранта смотрели прямо на нее, и в его взгляде не было ни сомнений, ни колебаний. Только страсть. В них не осталось ни озорства, ни желания подразнить. Лишь неистовое желание. Она спросила, и он ей ответил.

Так легко было поддаться ему и всей этой атмосфере, страсти, безумию. Она тоже хотела его самым бесстыдным образом. Даже зная, что Реджи и Финч находятся прямо за дверью их спальни. Даже зная, что сейчас речь идет скорее о чувственном влечении, чем о любви и судьбе. Даже зная, что она должна остановить Гранта и рассказать о себе всю правду: кто она такая и почему сбежала из дома. Но ничего этого она делать не стала, потому что ей хотелось, чтобы он прикасался к ней. Он весь день не сводил с нее глаз, и от его взгляда по коже бежали мурашки. Это ощущение постоянно напоминало ей о том, что он рядом.

Он провел пальцем по ее губам, заставляя желать большего. Она часто и неглубоко дышала и уже

не могла ни о чем думать — только о мужчине, который был рядом, только о том, что происходит здесь и сейчас. Она отодвинула в сторону прошлое и не волновалась о будущем. Здесь и сейчас они были только вдвоем.

Дилайни придвинулась к нему, сокращая расстояние между ними, и поцеловала его со всей страстью, которую до этого сдерживала в себе. Грант хрипло застонал и крепко обнял ее, углубляя поцелуй. Он толкнул ее на подушку и рухнул на кровать вместе с ней. Они стукнулись головами о спинку кровати, но это только добавило реалистичности происходящему. Его губы, требовательные и настойчивые, сливались с ее, она чувствовала восхитительную гладкость его рта и полностью растворилась в ощущениях. Больше ей нечего было желать. Она была...

«Тук, тук, тук».

— Эй! Извините, ребята. Мне правда совестно, но я забыл в ванной свой контейнер с линзами, — произнес Финч так громко и небрежно, будто отрывал их от просмотра мультфильма.

Грант посмотрел на нее, как Халк¹¹, который пытается удержать себя в руках, и Дилайни зажала ладонью рот, чтобы не рассмеяться.

— Он что, серьезно? — пробормотал Грант себе под нос.

Она села и выпрямилась на кровати, а Грант поднялся и без лишних слов распахнул дверь. Дилайни

¹¹ Отсылка к американскому фантастическому боевику Hulk («Халк») режиссера Энга Ли (2003) об ученом, который в приступе ярости может превращаться в зеленое чудовище.

отвела глаза. Финч быстро прошел через комнату и через пять секунд вернулся.

— Я дико извиняюсь. Пожалуйста, продолжайте.

Грант громко захлопнул за ним дверь и снова запер ее на защелку.

Он посмотрел на Дилайни, и та прикусила губу. У нее появилась возможность все прекратить, удержаться от глупостей, о которых она позже может пожалеть. Но было уже слишком поздно.

— Может, нам стоит включить телевизор? — предложила она. — Ну, понимаешь... чтобы заглушить другие звуки?

Грант облегченно улыбнулся:

— Мне нравится ход твоих мыслей. — Он взял с прикроватного столика пульт и врубил телевизор, переключив на какой-то старый фильм с Элвисом Пресли, потому что их, похоже, крутили по всем каналам.

Дилайни скинула с кровати покрывало, обнажив накрахмаленные белые простыни, и поднялась на колени. В номере «Пылающая любовь» самое место для буги-вуги. Возможно, это не самое мудрое ее решение, но ей было уже плевать. Грант стянул через голову футболку и встал на колени на матрас прямо перед ней. Дилайни бросило в жар. Восхитительно!

— Вот первое, что я в тебе заметила, — произнесла она и провела костяшками пальцев по его плоскому животу с кубиками пресса, затем погладила плечи. Она склонилась к нему и легонько поцеловала в ключицу. Его теплая кожа была чуть сладковатой на вкус.

— Да? А что ты заметила во вторую очередь? — спросил он низким хриплым голосом и сжал руками ее бедра.

Дилайни провела губами по другой ключице и тоже поцеловала ее. Она почувствовала, как участился его пульс.

— М-м-м... возможно, я заметила, какой ты замечательный человек? — Она скорее почувствовала, чем услышала, как он медленно выдохнул.

— Я совсем не замечательный.

— Разве? — Дилайни вела себя нарочито скромно, как женщина, уже готовая вместе с одеждой отбросить стеснение. Она провела рукой по его щеке и взъерошила его волосы. Они были такими мягкими — единственное, что было в нем мягким. Она чуть ближе притянула его к себе, чтобы его губы оказались рядом с ее. — Я думаю, ты замечательный. И ты мне нравишься.

Она говорила правду. Грант нравился ей, и, похоже, ее краткое признание стало для него сигналом, которого он так ждал. Он почти грубо потянул ее на себя и крепко поцеловал, чуть прикусив нижнюю губу. Дилайни резко выдохнула и почувствовала, как плавится в его руках. А он уже гладил все ее тело. Его пальцы скользили по ее спине и позвоночнику — к шее и обратно, к бедрам, — и он все сильнее прижимал ее к себе. Они ласкали друг друга, покачиваясь на мягком матрасе, и Дилайни восторженно принимала новые ощущения. Он поцеловал ее в шею и чуть отстранился, чтобы медленно, очень медленно высвободить и поднять край ее футболки. Дилайни

подняла руки, чувствуя, как дразняще скользит по коже ткань.

Уже поздно стесняться и медлить. Она осталась обнаженной по пояс и ничуть об этом не пожалела. В комнате было прохладно, но его восхищенный взгляд согревал ее, а руки следовали за взглядом. Дилайни подалась навстречу его ладоням, и он опрокинул ее на постель, прижав своим телом. Ее дыхание сбилось. Прикосновение кожи к коже казалось еще приятнее из-за редких волос на его груди. Ей становилось все жарче и казалось, что все мышцы ослабли, когда он снова начал целовать ее глубоко и страстно, вытворяя языком настоящие чудеса.

Все внутри нее подчинялось только чувственному влечению. Его губы распяляли ее, разжигали в ней огонь. Она еще никогда не испытывала такой полноты ощущений. Краем уха, где-то на заднем плане, она слышала приглушенный диалог из фильма, но все ее внимание было обращено на их собственные гортанные стоны и частое дыхание. Грант прикусил кожу на ее плече, запустил пальцы в ее волосы и потянул за них. Не мягко, а настойчиво, требовательно.

— Боже, — прошептал он ей в изгиб шеи.

Она кивнула, соглашаясь с его чувствами, и выгнулась вверх.

— Я знаю. Я тоже, — прошептала она.

Дилайни исследовала его тело, чувствуя, как гладкие мускулы на спине напрягаются от ее прикосновений, а затем расслабляются. Она обхватила ногой его бедро.

— Лайн, я надеюсь, ты не против? — Голос его был низким, пронизанным одновременно и отчаянием, и весельем.

— Да, но у тебя есть... все необходимые мелочи? — В ее голосе слышалось такое же нетерпение.

Он поднял голову и улыбнулся:

— Да. Подарок от наших хозяев.

— Тогда как насчет того, чтобы от слов перейти к делу, детка?¹²

Он быстро и горячо поцеловал ее:

— Ты девушка в моем вкусе, Элейн Мастерс. — Сердце ее неприятно обмякло от этих слов, будто проколота шина на липком асфальте, но она постаралась отогнать дурные мысли. В эти минуты ее имя было простой формальностью. Он хотел ее, именно ее, а не звезду реалити-шоу, не телевизионный образ. И не Дилайни с компрометирующей видеозаписи. Но завтра она, разумеется, все ему расскажет.

Он перекатился на кровати, нашарил куртку и расстегнул один из внутренних карманов.

Она села и улыбнулась.

— Вот куда ты их положил! В карман куртки?

Он вытащил квадратик фольги, затем улыбнулся, вынул еще один, а потом еще и еще и бросил их на прикроватный столик.

— Я очень торопился. Мы уже выходили из автобуса. Куда еще я мог их положить, как ты думаешь?

Она рассмеялась и снова упала на кровать, прикрывая руками грудь:

¹² Отсылка к песне Элвиса Пресли A Little Less Conversation.

— Не знаю. Я просто рада, что ты их захватил. Он вернулся к ней, сверкая глазами:

— Я тоже. Я взял как минимум десять штук, так что надеюсь, ты не собиралась сегодня спать. — Грант склонился над ней и поцеловал в живот, затем поднялся выше, поцелуями дразня ее чувства. Она глубоко вздохнула. Ей нужны были его прикосновения, его обжигающее восхищение — и их общая свобода. Свобода просто чувствовать и жить. Все парни, с которыми она раньше встречалась, всегда чего-то от нее ждали из-за ее известности или из-за ее семьи. Но Грант ничего о ней не знал, он хотел ее саму, и она собиралась взять от этого все возможное.

Он не оставил без внимания ни одну из ее чувствительных точек, пока она не начала задыхаться от желания, обхватила его ногами и притянула ближе к себе.

Ткань между ними казалась досадной помехой. Похоже, он тоже подумал об этом, потому что чуть откатился от Дилайни и потянул за пояс ее пижамных штанов.

— Это надо снять, — решительно заявил он.

Она помедлила, осознавая, что после этого пути назад уже не будет. Если она снимет пижамные штаны, то останется обнаженной. А когда она будет обнаженной... ну, она будет обнаженной, что тут еще скажешь. Грант посмотрел на нее глазами, пьяными от желания, но, ощущая нерешительность Делайни, просто медленно, нежно поцеловал ее. Она всем телом, от губ до кончиков пальцев на ногах, почувствовала его поцелуй.

— Пожалуйста, — прошептал он, и она пропала. Сейчас она отдаст ему все что угодно. В глубине души она знала это с первой секунды, как только увидела его. Все, что ему нужно было сделать, — вежливо попросить ее. А сейчас он просил очень, очень вежливо.

Дилайни накрыла его руку своей и поднесла ее к поясу, приподняв бедра, чтобы помочь ему стянуть пижамные штаны. Затем она потянулась к его джинсам, и скоро те пополнили кучу одежды на полу, а на простынях остались только она и он. Грант целовал и ласкал ее, дразнил и нежил, мурлыкал одобрительно и сладко, пока все ее чувства не свернулись в тугую пружину, которая наконец головокружительно лопнула, оставив ее опустошенной и счастливой. Вскоре он присоединился к ней и уткнулся губами в изгиб ее шеи. Его прерывистое дыхание приятно щекотало кожу.

— Прекрасно, Лайн, — прошептал он несколько секунд спустя. Непонятно, то ли он имел в виду секс, то ли ее саму, но это было неважно. Она чувствовала то же самое — что все прекрасно. Она постепенно снова начала осознать происходящее. Из динамиков телевизора донесся голос Элвиса, поющего что-то про то, как потрясла его любовь¹³. И Дилайни могла его понять. Ее тело все еще потрескивало, как оборванный под напряжением провод, и ей казалось: единственное, что сейчас есть у нее на свете, — это Грант. Она чувствовала, как гулко стучит в груди его сердце. Или, может, это было ее

¹³ Отсылка к песне Элвиса Пресли All Shook Up.

сердце. Они были так близки, что стало невозможно понять, где кончается она и начинается он.

Еще через секунду, когда дыхание их выровнялось, Грант приподнялся на локтях и посмотрел на нее.

— Я очень сильно ошибся, — прошептал он, но в его улыбке не было сожаления.

— Ошибся?

Он кивнул:

— Мне нужно было взять этих штук раза в два больше. Они нам понадобятся.

Глава 18

В окно номера ярко светило солнце, отбрасывая желтые блики на золотое покрывало. Тело Дилайни дрожало, отходя от третьего умопомрачительного оргазма за последние восемь часов, проведенных в постели с Грантом, и впервые в жизни она была близка к панической атаке. Раньше у нее никогда их не случалось. Ни одной за всю ее глупую жизнь. Даже когда она в первый раз увидела ту ужасную видеозапись и поняла, что на ней — она сама. Но сейчас Дилайни всерьез рассматривала возможность удариться в неконтролируемую панику, потому что только-только поняла, насколько сильно, безумно и абсолютно влюблена в Гранта Коннелли.

Именно это могло вызвать у нее паническую атаку.

Он даже не знает ее настоящего имени.

Она все должна ему рассказать.

Она должна рассказать ему все.

Она должна ему рассказать. Должна ему рассказать. Должна ему рассказать...

Ей надо ему обо всем рассказать. Ей надо ему обо всем рассказать.

Но она ничего не хотела ему рассказывать, ведь так приятно, когда тебя обожают. С самого первого

прикосновения он играл на ее теле, будто на музыкальном инструменте, и теперь в каждой слезливой песне о любви в исполнении Элвиса для нее появился глубокий смысл. Она была потрясена, она торопилась все успеть, она не могла не влюбиться в него,¹⁴ и все в том же духе... и все потому, что Грант Коннелли был потрясающим мужчиной, полным пылающей любви¹⁵. Но дело было не только в сексе. Дело было еще и в том, как его глаза в зависимости от освещения меняли цвет от карих до зеленых, и как в их уголках, когда он смеялся, собирались морщинки. И в том, с каким выражением он рассказывал о работе своей мечты, в которой будет больше смысла, и в том, как улучшить отношения с родными. Как он пытался вернуть ей деньги и защитить ее. Как он смотрел на нее, *на нее*, будто она была его сокровищем — хрупким, нежным и невинным. Будто он любил ее такой, какая она есть, и Дилайни хотела удержать это великолепное чувство так долго, как только сможет.

И-и-и-и-и... был еще секс, который оказался совершенно невероятным. Правда. На самом деле. В Гранта Коннелли можно было влюбиться только из-за потрясающего секса. Но как только на нее перестали накатывать волны истомы после оргазма, ее оставили и надежды на то, что она сможет долго скрывать свою личность. Тревога и чувство вины ринулись на нее, словно толпа фальшивых Элвисов на фабрику синтетических комбинезонов.

¹⁴ Отсылка к песням Элвиса Пресли All Shook Up и Can't Help Falling in Love.

¹⁵ Отсылка к песне Элвиса Пресли Burning Love.

Грант заслужил большего. Он не заслужил, чтобы ему лгали, но все сразу рухнет, как только она откроется ему. Все станет по-другому. Возможно, Грант простит ее за обман, — она очень на это надеялась, — но даже в этом случае, как только он узнает, кто она такая на самом деле, узнает про Бойда и видеозапись, все изменится. Абсолютно все.

Несмотря ни на что, настала пора поговорить начистоту — но только после того, как *она сама* станет чистой. Ей нужно в душ, а потом одеться, потому что такие разговоры не ведут в посткоитальном блаженстве, когда ноги все еще путаются в простынях, а Грант прерывисто дышит ей в плечо. Нет, сейчас совсем неподходящее время для разговоров.

Она все расскажет ему про Дилайни Мастерсон, как только они оденутся.

Вот только ей это не удалось, потому что в ванную комнату он последовал за ней, и в душ тоже, и к тому времени, когда они наконец вышли из него, Реджи уже вовсю барабанил в дверь спальни.

— Эй, лапушка, нам с Финчером нужны наши зубные щетки! Как долго вы еще будете заниматься всякими вашими «делами»?

— Я его ненавижу, — тихо пробормотал Грант, натягивая на себя новенькие боксеры в стиле Элвиса — их ткань усеивал мелкий узор из голубых замшевых туфель.

Она постаралась сдержать улыбку и крикнула в сторону двери:

— Погодите немного. Мы уже почти оделись. Еще пять минут.

— Пожалуйста, не смейся над моим бельем, — тихо добавил Грант, но сам слабо улыбался — уголки его губ чуть приподнимались.

— Обещаю. Оно хорошо смотрится на тебе, — ответила она.

— Оно ни на ком не может хорошо смотреться.

Они быстро оделись и открыли дверь. Реджи ворвался внутрь и побежал прямо в ванную — волосы у него были взлохмачены после ночи на кушетке, и Дилайни стало немного совестно. Она так увлеклась Грантом, что совсем не подумала, как провели ночь «Райские братья».

— С добрым утром, Реджи, — крикнула она ему в спину, а потом они с Грантом прошли на другую половину гостиничного номера.

— Доброе утро, Финч.

Он лежал на белом диване из искусственной кожи, завернувшись в голубое гостиничное одеяло.

— Доброе утро, дорогуша. Ах да, тебе тоже привет, Элейн, — пошутил он.

— Как вам спалось? — спросила она.

Он лукаво усмехнулся:

— Я думаю, что спал не больше, чем вы.

Она расцвела румянцем, Грант же просто победно улыбнулся. Еще бы в грудь себя побил кулаком. Ох уж эти самцы!..

К тому времени, когда Реджи и Финч по очереди закончили все дела в ванной, Сэм, Хамфри, Кларк и Сисси тоже пришли к ним в номер. На Хамфри были те самые спортивные штаны, которые прошлой ночью он одалживал Дилайни, а Сэм надел футболку с логотипом «Райских братьев». Сисси

и Кларк нарядились в похожие по стилю джинсовые костюмы. То есть он был в костюме, а она — в цельном комбинезоне, при виде которого Элвис заплакал бы от зависти.

— Вы захватили кофе? — спросил Хамфри. Он сидел на одном из бархатных стульев вишнево-красного цвета, закинув ноги на кофейный столик со стеклянной столешницей.

— Э-э-э, думаю, да, — ответила Дилайни. — Я сейчас вам его заварю. — Пока все рассаживались по местам, она начала возиться с небольшой, на одного человека, кофеваркой. Судя по тому, как удобно все устроились, Дилайни стало понятно, что вдвоем им пока не остаться и поговорить с Грантом не получится. Откровения откладывались, и она вздохнула глубоко и с облегчением.

— Эй, вы только посмотрите, сколько у нас просмотров в «Фейсбуке»! — через несколько минут воскликнул Реджи. Он сидел на белом диване и на длинных вытянутых ногах держал ноутбук. — Цыпочки пишут комменты к нашим фотографиям с вязального состязания на самую очешуенную шапочку! Им это нравится. Хампер, я думаю, что после такого даже тебе удастся кого-нибудь подцепить.

Хамфри весело рассмеялся:

— Моя мамка дураков не рожала, Реджи. Я ж говорил тебе, что женщины любят хо-зй-ственных мужчин!

Финч заглянул ему через плечо в экран ноутбука:

— И про тебя тут тоже пишут, Элейн.

— Про меня? — У нее сдавило горло, будто она только что глотнула моторного масла. Она про-

кашлялась. — Я-то как там оказалась? И что пишут? — Она икнула.

— Спрашивают, что это за счастливица сидит между райскими братишками? Это ты, милая! — Финч улыбнулся ей с таким видом, будто спрашивал: «Ну разве ты не в восторге?»

Нет. Она была не в восторге. Она пыталась вести себя тише воды и ниже травы каждый раз, когда кто-нибудь в этом чертовом автобусе вытаскивал из кармана чертов смартфон. Как они умудрились ее сфотографировать? Она передала Хамфри чашечку кофе.

— Завидное местечко, правда? — кивнул Реджи. — Почему бы тебе снова не сфоткаться вместе с нами? Идем, сядешь между мной и Финчером. Оператор, тащи свою камеру.

Дилайни услышала, как Грант скрипнул зубами.

— Нет, ребята, сегодня никаких фотографий. Но мне хотелось бы взглянуть на ту, что уже есть. — Дилайни подошла ближе к Реджи, и он повернул к ней ноутбук, чтобы она тоже смогла посмотреть. Черт бы их побрал! Да, вот она, фотография в «Фейсбуке», и вот она сама — сидит на зеленом диванчике гастрольного автобуса, втиснувшись между Финчем и Реджи. Она повернула голову, так что ее лицо было видно только в профиль. Ее обычно осветленные волосы сейчас были темно-каштановыми и частично скрывали лицо. Сама Дилайни знала, кто она такая, и могла себя узнать, но сколько фанатов «Райских братьев» тоже смогли догадаться? Скорее всего, не так уж много. Она надеялась, что вообще никто из них ни о чем не догадается.

— Хочешь, я отмечу тебя на фотке, чтобы твои друзья в Белл-Харборе знали, как весело ты проводишь время?

— Нет! — она ответила слишком резко, и смех, последовавший за ответом, прозвучал слишком наигранно. Она снова икнула. — Нет, я не хочу, чтобы они ревновали. — И ей не хотелось, чтобы ее стошнило. Она уже несколько дней не заходила на свою страницу в «Фейсбуке», и, скорее всего, к лучшему, но ее перекашивало от одной мысли, какую дрянь сейчас там вываливают в комментариях. Ей и правда стоило удалить аккаунт еще до отъезда из Беверли-Хиллз. Казалось, прошла целая вечность с тех пор, как она покинула солнечную Калифорнию, и во многих отношениях так оно и было. В тот момент, когда Дилайни оставила дом, она стала другим человеком. И не только из-за псевдонима — она начала *чувствовать* себя другим человеком.

— Все в порядке? — спросил Грант.

Она выпрямилась:

— Да. Просто хочется есть. Кто-нибудь еще голоден? — Ей нужно выйти на воздух и вытащить остальных из соцсети.

— Я голоднее медведя после зимней спячки, — произнесла Сисси, поднимаясь с колен мужа, на которых она до этого сидела. — А еще я хочу попробовать один из тех поджаренных сэндвичей с арахисовой пастой и бананами, которые так любил Элвис.

Кларк вытянул ноги:

— Ну, не знаю насчет голода, но я с удовольствием выпил бы «Кровавую Мэри». Чтоб вы знали,

папа всегда мне говорил: «Сынок, ты не можешь пьянствовать весь день... если не начнешь пить с самого утра».

Сисси захихикала и хлопнула его по плечу:

— Твой папаша был убежденным трезвенником. Он не мог такого сказать.

— Разве? Ну, чей-то папа точно такое говорил. Так что давайте просто спустимся в обеденный зал.

* * *

Завтрак был очень шумным, а разговор — совсем неподходящим для застолья, чего и следовало ожидать от подобной компании. Их спутники были веселыми и смешливыми людьми и любили пофлиртовать, но с таким южным обаянием, что Дилайни ничего не оставалось, как хохотать вместе с ними. Их внимание к ней было безобидным, и оно ей льстило. К тому же после прошлой ночи она была в замечательном настроении. А как иначе? Грант, похоже, чувствовал себя так же и даже сейчас не мог спокойно сидеть рядом, чтобы то и дело не касаться ее. Да, нужно сказать ему правду. Но она побеспокоится об этом позже.

После того как все поели, «Райские братья» и Сэмми сходили к автобусу за оборудованием и начали устанавливать его на сцене. Кроме их компании, в обеденном зале осталось всего несколько человек. Даже большинство двойников Элвиса исчезли — возможно, вернулись к своей обычной жизни и работе кассирами и стоматологами. Дилайни извинилась и отошла в дамскую комнату, а когда вернулась, Реджи уже настраивал инструменты.

Она поднялась на сцену и легонько коснулась нескольких клавиш пианино.

— Ты что, владеешь инструментом, лапушка? — спросил Реджи, заинтересованно глядя в ее сторону.

— Немного.

— Я пытаюсь тут кое-что настроить. Можешь мне помочь? — спросил он.

Она глянула на Гранта. Он сидел за столом с остальными, пока Сисси, размахивая руками, что-то увлеченно рассказывала. Судя по его напряженному лицу, это либо была очень увлекательная история, либо он изо всех сил старался не смотреть на ее декольте. Дилайни не могла его за это винить: декольте у Сисси выглядело потрясающе.

— Конечно, могу, — ответила Дилайни. Она села на скамью за пианино и почувствовала, как по телу пробежала дрожь предвкушения и азарта. Она много недель не прикасалась к клавишам и уже успела добавить этот пункт к списку «по чему еще она скучает в родном доме».

Она пробежала по клавишам, взяла еще несколько нот, и Реджи дернул за струну бас-гитары.

— Дашь мне «ля»?

Несколько минут они работали вместе — она брала ноты, он настраивал инструмент.

— А сыграть что-то можешь? — спросил он.

Она гордо выпрямила спину:

— Я много чего могу сыграть. Выбирай.

— Оду «К радости»?¹⁶

¹⁶ Наиболее известна музыка, сочиненная к этой оде Фридриха Шиллера в 1823 году Людвигом ван Бетховеном и вошедшая в состав знаменитой 9-й симфонии.

Она глянула на него через плечо и нахмурилась:
— Ты серьезно? Все знают оду «К радости». Даже люди, которые никогда не играли на пианино. Для тебя у меня найдется кое-что получше.

Дилайни начала играть одну из своих самых любимых песен. Ее написал отец, но она никогда не выходила в студийной записи. Девушка знала ее наизусть, каждую ноту, и едва она ударила по клавишам — мелодия захватила ее и заставила забыть, что в зале есть еще люди. Остались только она и инструмент.

Когда Дилайни закончила, ее немногочисленная аудитория бурно зааплодировала. Она покраснела, ругая саму себя за глупость. Она позволила своему самолюбию встать выше рассудка. Вот так она, оказывается, пытается «не высовываться».

Реджи подошел к пианино и наклонился к ней. Его темные глаза блестели.

— А ты хорошо играешь, лапушка.

— Спасибо. — Она снова закрыла лоб челкой. И икнула.

Реджи сверкнул своей фирменной улыбкой и выразительно пошевелил бровями.

— Вообще, пока я смотрел, как твои пальчики ласкают эти клавиши, я немного возбудился.

Она от неожиданности резко опустила пальцы на клавиатуру:

— А ты и в самом деле знаешь, как очаровывать девушек, правда?

— Вообще, да. Но с тобой я просто играю. — Он придвинулся ближе и понизил голос. — Но должен сказать: пусть даже я очаровал множество

девушек — и я вовсе не преувеличиваю, когда говорю «множество», — но лица я запоминаю очень хорошо. И твое лицо смущает меня с первой же секунды, как ты поднялась в салон нашего автобуса.

Внезапно в зале стало очень душно. Дилайни опустила глаза на клавиши и начала медленно наигрывать оду «К радости», чтобы хоть чем-то занять себя.

— Полагаю, мне стоит сказать тебе «спасибо»?

Он усмехнулся:

— Ну, серьезно. Я к тебе не клеюсь. То есть не пойми меня неправильно. У тебя очень красивое лицо и потрясающее тело. И я могу с ходу представить двадцать три вещи, которые хотел бы с тобой сделать. — Он окинул ее с ног до головы таким откровенным взглядом, что она просто рассмеялась, хотя прекрасно знала, куда ведет этот разговор. — Ну, то есть да, — продолжил он. — Я бы точно помнил тебя, если бы мы хоть раз встретились в горизонтальной плоскости. Вот почему я был так озадачен, когда ты вошла в автобус. Теперь я наконец-то понял.

От ощущения надвигающегося конца пальцы ее соскользнули, и она взяла неверную ноту. Дон-дон-дон-н-н-н-н.

Реджи так сильно понизил голос, что казалось, будто тот исходит у него откуда-то из груди, и так близко наклонился к ней, что она почувствовала запах его одеколона.

— Я знаю, кто ты такая.

Он произнес это настолько тихо, что сперва Дилайни подумала, будто ей послышалось, хотя, судя

по выражению его лица, она все поняла правильно. Но она все-таки попыталась сбить его с курса.

— Во мне нет ничего особенного. Я просто Элейн.

Он прищурился, и от сурового взгляда его глаз цвета крепкого кофе Дилайни чуть не упала со скамьи. Он все-таки прошептал:

— Ты — Дилайни Мастерсон. Сбежавшая дочка Джесси Мастерсона.

Ох! По крайней мере он назвал ее «сбежавшей дочкой», а не «порнозвездой». Она покосилась на Гранта и обнаружила, что тот внимательно смотрит на них. Дилайни жалобно улыбнулась ему — у нее не получилось изобразить радость — и снова поглядела на Реджи, чтобы узнать, к чему он ведет.

— Кто еще знает? — Она начала машинально наигрывать одну из песен Элвиса. Или Хьюн Льюиса. Или, может быть, «Роллинг-Стоунз». Мозг ее сейчас был занят совсем другими мыслями. Движениями пальцев по клавишам она пыталась снять стресс. Ода «К радости» казалась ей слишком ироничной для текущего момента.

— Думаю, больше никто. Если ребята и догадались, они ничего мне не сказали. Но для чего все эти шпионские страсти? Зачем тебе псевдоним?

— Ты что, не видел заголовки в журналах? Я прячусь от журналистов.

— Это понятно, но зачем от них прятаться? Кто вообще так делает?

Реджи был новичком во всех этих играх со славой. Кроме того, он — мужчина, так что, возможно, ему просто не понять обратной стороны известности.

— Я прячусь, потому что вокруг моего имени подняли такую шумиху. Мне казалось, что если я на время исчезну, то скандал утихнет, но не думала, что мне придется бросить машину в кювете, где ее найдет полиция.

Реджи кивнул, но выражение его лица оставалось озадаченным.

— И именно тут появились мы, верно?

— Да. — Пальцы ее порхали по клавишам, но она едва слышала свою игру.

Реджи почесал в затылке, чуть взлохматив волнистые волосы:

— Скажу тебе честно, лапушка. Я не особо обращаю внимание на новости шоу-бизнеса, если только в них не идет речь обо мне. В этом случае я, конечно, восхищаюсь. Но ты вроде участвовала в каком-то реалити-шоу, верно? Так с чего пресса вообще гоняется за тобой? — Она подняла на него глаза. Возможно ли, что?.. — Хотя погоди... — произнес он, и в ней потухла зародившаяся искра надежды. — Там было какое-то пикантное видео?

Когда уже это закончится?

— Ага.

Он медленно кивнул:

— Да. Похоже, я что-то об этом слышал. Ты там случайно не делала...

— Ага. — Она украдкой глянула на Гранта, но Сисси снова отвлекла его разговором.

Дилайни понизила голос и посмотрела на Реджи.

— Но я ничего не знала о камере. Как видишь, мой бывший оказался большим шутником. Он

не только снял меня на видео без моего ведома, но еще и продал его желтой прессе.

— Вот засранец! — воскликнул Реджи, затем нахмурился и снова понизил голос. — Он хуже, чем засранец. Он омерзительный засранец. А почему ты его не накажешь? Я имею в виду законным способом. Или еще как-нибудь. Я думаю, Сэмми знает пару чуваков, которые могут слегка подпортить ему коленные чашечки.

Дилайни уже думала об этом. О том, чтобы подать на него в суд, конечно, а не причинить ему физический ущерб. Хотя предложение Мелоди пнуть Бойда Хэмптона по яйцам все еще казалось ей очень заманчивым.

— Да, я могу подать на него в суд. Я сейчас пытаюсь обдумать свои действия, но меня немного ошарашила эта снежная буря, да еще и мама Гранта, которая ста... по ошибке взяла мой телефон. Еще у нее мой бумажник и другие личные вещи. С тех пор, как всплыло это видео, меня постоянно преследуют неудачи.

— Прости, лапушка. А что думает по этому поводу твой Капитан Америка? Ему, наверное, не терпится вздуть этого сукиного сына. Я на его месте думал бы именно об этом.

Дилайни ухватила Реджи за лежащее на крышке пианино запястье. Действие было импульсивным, и она успела быстро отдернуть руку, пока это не увидел Грант.

Она склонилась к Реджи:

— Реджи, Грант ничего не знает о... Он ни о чем не знает. Он даже не знает, кто я на самом деле.

Господи! Прозвучало это хуже некуда. Так, как будто она отвратительный человек. О боже! Может, так оно на самом деле и есть, и она просто дрянь? Как она докатилась до такого? Твою ж мать! Ей давно нужно было все рассказать Гранту.

Реджи на секунду удивленно вытаращил глаза, но тут же расплылся в нахальной улыбке:

— Погоди-ка. Ты хочешь сказать, твой парень не знает, что ты — Дилайни Мастерсон? И что твой папочка — Джесси Мастерсон? И что твоя мамочка — тоже какая-то там знаменитость? Из «Виктория Сикрет» или что-то вроде этого?

Дыши глубже, Дилайни. Просто дыши.

— Мама когда-то была моделью, но сейчас она занимается производством мыла. А Грант не мой парень. Мы просто... ну, что-то вроде попутчиков.

— Попутчиков? — Под слоем недоверия в голосе Реджи послышалось что-то вроде «да иди ты нафиг!».

— Ну да. Мы вместе путешествуем. Вообще-то он мой арендодатель. Но это совсем другая история.

Реджи прыснул со смеху и повалился на крышку пианино. Похоже, беды Дилайни совсем не взволновали его. Ей, наверное, следовало обидеться. Ну, или просто посмеяться вместе с ним. Либо одно, либо другое. Надо выбирать.

Реджи поднял голову:

— Он твой арендодатель? Вау, мне срочно нужно купить какую-нибудь недвижимость для сдачи внаем и найти себе такую же милашку, — произнес он, смеясь.

Дилайни покачала головой и вздохнула:

— Ну вот. Ты снова само очарование.

— Разумеется, ведь я очень обаятелен. Но, милая, если ты думаешь, что тот парень — всего лишь твой арендодатель, я поцелуюсь по-французски с ярко-красной задницей бабуина. Я тебе точно говорю: с его стороны это любовь, — он произнес слово «любовь» так, будто в нем не меньше дюжины слогов, и щеки Дилайни залились румянцем недоверия и надежды.

Она глянула в сторону Гранта. Сисси все так же пыталась увлечь его разговором, но, похоже, сейчас он все свое внимание переключил на то, что происходило на сцене. Дилайни начала играть новую песню. Возможно, что-то из «Колдплэй» или «Марун 5». Но играла она машинально, думая совсем о другом. Пальцы сами бежали по клавишам.

Посмотрев на Реджи, она покачала головой:

— Не любит он меня. Как такое может быть? Мы едва знаем друг друга. Слишком мало времени прошло, чтобы влюбиться.

Реджи положил локти на крышку пианино и подпер подбородок кулаком.

— Слишком мало времени? А как ты думаешь, сколько вообще нужно для этого времени, милая? Я могу влюбиться за пятнадцать минут. Даже за десять, если в перерыве между отделениями на выступлении.

Дилайни хихикнула:

— Это не любовь, Реджи. Это даже страстью трудно назвать.

Он широко улыбнулся и кивнул в знак согласия.

— Хорошо. Ты меня подловила. Но поверь, иногда хватает и минуты, если это тот самый человек. Этот парень точно не играет с тобой. Я уже видел у мужчин подобный взгляд.

Она начала играть мелодию песни «Люби меня нежно», как будто пальцы тоже пытались убедить ее, что в словах Реджи может быть доля правды.

— Какой взгляд? — спросила она.

— Вот такой, как сейчас. Будто он готов в любую минуту подняться и пойти сюда, чтобы надрать мне задницу. Я ему не нравлюсь. Он думает, что последние три дня я непрерывно с тобой флиртую.

— А разве нет?

— Конечно же, да! Но у меня просто характер такой. Я имею в виду, что мог бы в тебя влюбиться, если бы ты была не против, но, судя по всему, у тебя сейчас и без меня хватает забот. Да, и еще, как-то не хочется, чтобы твой парень разбушевался и начал рвать меня на части, начав с моего Малыша Реджи.

Дилайни рассмеялась бы, не будь она так взбодражена.

— Я думаю, ты преувеличиваешь и вообще не совсем верно понял ситуацию. Но в любом случае, пожалуйста, никому ничего не говори. Я очень скоро собираюсь сама ему обо всем рассказать. Очень скоро. Сегодня вечером. Или завтра. Но сейчас у меня нет ничего, кроме одежды, которая на мне. И я не смогу попасть домой: мне нужно вернуть свой бумажник и остальные вещи. Сложно объяснить в двух словах, но прошу — сохрани все в тайне, и я в долгу не останусь. Обе-

щаю. Если хочешь, я даже могу познакомить тебя с отцом.

Реджи усмехнулся:

— Хэй! Я с удовольствием познакомился бы с твоим папой! Но тебе не стоит волноваться — я сохраню твой маленький грязный секрет. Может, у меня не слишком-то серьезная репутация, но если не считать моей неутолимой страсти к бойким девушкам, я вообще-то очень достойный человек. Ты можешь мне доверять.

Ей показалось, что желудок у нее превратился в бетономешалку.

— Ага. Без обид, конечно, но последний парень, который мне это говорил, в итоге заснял меня на видео и выставил его на всеобщее обозрение.

— Засранец, — повторил Реджи, осуждающе качая головой, затем выпрямился и на шаг отошел от пианино.

Краем глаза Дилайни заметила, что к ним идет Грант.

— Вот черт, — хихикнул Реджи. — Похоже, мое время закончилось, да? Сюда идет твой арендодатель с баночкой отборных звездюлей. Но ему не удастся выбить из меня твой секрет. Обещаю. Его я унесу с собой в могилу, лапушка. — Он поцеловал свои пальцы и поднял их в безмолвной клятве.

Грант молниеносно взбежал на сцену и сел рядом с Дилайни на скамью у пианино.

— Со стороны кажется, что вы тут что-то замышляете.

Он улыбался ей одной, но первым заговорил Реджи:

— Мы просто обсуждали обезьяньи задницы и фильмы, которые нам не нравятся, да?

Грант не сводил с Дилайни глаз.

— Да? — словно эхо, повторил он.

— Да, — просто ответила Дилайни. — Реджи сказал мне, что любит целовать бабуинов.

Грант усмехнулся:

— Я не знаю, чем несчастные бабуины смогли заслужить такое к себе отношение, но если это занятие отвлечет от тебя Реджи, я только за.

Реджи добродушно рассмеялся, и Дилайни начала потихоньку успокаиваться. Он никому ничего не расскажет, ведь ему незачем выдавать ее секрет. К тому же она совершенно искренне предложила ему представить отцу «Райских братьев». У Реджи в рукаве появился еще один козырь, и он достаточно умен, чтобы оставить его при себе.

— Обезьяньи дела касаются лишь обезьян, — заметил Реджи, — так что твоей даме было не очень-то интересно. Похоже, она совсем не такая, какой я ее счел. — Дилайни бросила на него выразительный взгляд, но он только подмигнул ей и спрыгнул со сцены. — И еще: Кларк снял для нас еще один номер, так что можете спокойно жить в люксе «Пылающая любовь», а мы с Финчем не будем вам больше мешать.

Вот теперь Грант посмотрел на Реджи:

— Правда?

— Финч уже перетащил наши вещи. Можете не благодарить. — Он поклонился, отвернулся и пошел прочь.

— Он что, серьезно? — Глаза Гранта светились надеждой.

— Думаю, да. Хотя я впервые об этом слышу.

— Может, нам стоит пойти и проверить? — Он взял ее руку, поцеловал тыльную сторону ладони, и сердце девушки снова лихорадочно забилося. Оно весь день так делало. Возможно, ей стоит сходить к кардиологу. Такое сердцебиение явно вредно для здоровья. А еще очень вредно хранить секреты. Если они пойдут наверх, ей придется все рассказать Гранту. Он заслужил знать правду, но от мысли, что признание разрушит все, что успело произойти между ними, хотелось плакать, поэтому Дилайни просто наклонилась к нему и поцеловала, чтобы запомнить еще одно прекрасное мгновение.

Она слышала, как Реджи воскликнул в другой стороне зала:

— Черт возьми, я должен купить себе какое-нибудь жилье, чтобы сдавать его в аренду!

Дилайни хихикнула, прервав поцелуй, и Грант чуть отстранился от нее.

— Он что, серьезно?

— Он вообще когда-нибудь бывает серьезен?

Грант хотел было ответить, но в его кармане завибрировал телефон. Он вытащил его, посмотрел на экран, затем серьезно взглянул на Дилайни:

— Это мама.

Глава 19

— Алло? — Грант прочистил горло.

— Грант? О, хвала небесам! Я так рада, что мне удалось с тобой связаться! — Голос был запыхавшийся, немного взволнованный, но не мамин.

— Тетя Тина? — спросил он и напряженно выпрямился на скамье.

— Да, это я. Я думаю, нам надо поговорить.

— Где ты? — спросил Грант. — Мама с тобой? — Он слышал фоном какие-то звуки, будто кто-то сдавленно рыдает в подушку.

— Да, она со мной, — сказала Тина, — но с ней что-то не так. Она только что прослушала все твои сообщения и впала в истерику, а отчего, не говорит. Только плачет и плачет, плачет и повторяет, что я должна тебе позвонить и сказать, мол, она просит прощения.

Просит прощения? За все эти неприятности? Одними извинениями тут ничего не поправить.

— Передай ей, пожалуйста, трубку, — Грант говорил очень сухо, но все же добавил «пожалуйста»: срываться на тете не было никаких причин. Вполне возможно, та понятия не имеет, что происходит. Даже если она что-то и знает, в ее лице ему нужен союзник.

Дилайни с беспокойством смотрела на Гранта. Ничего удивительного: она могла вот-вот узнать, что все ее сбережения пропали. Лицо ее мучительно побледнело.

В трубке раздался голос Тины.

— Сейчас она говорить не может. Она слишком расстроена. Только повторяет: «Скажи ему, что они все еще у меня».

Он наконец-то снова смог вдохнуть — с болью втянуть в себя воздух.

— Все еще у нее? Все? До последнего цента?

Он слышал, как мать что-то неразборчиво бормочет. Жалобные звуки на секунду тронули его сердце, но он тут же вспомнил, что именно она украла у Элейн сорок тысяч долларов и в этой ситуации была отнюдь не жертвой.

— Донна, — услышал Грант голос тети, — он хочет знать, все ли они у тебя. — Снова послышалось бормотание, и наконец Тина вернулась к разговору: — Она говорит, что у нее почти все. Что происходит, Грант? Что у нее там?

— Где вы сейчас? — спросил он вместо ответа. — Вы уже добрались до Мемфиса?

— Нет, мы в Эффингхеме. Дороги так ужасны, что мы решили на несколько дней остановиться в отеле. И замечательно проводили тут время. Но сегодня утром твоя мама наконец решила включить свой телефон, а потом у нее случился нервный срыв — прямо в ресторане Боба Эванса. Мы сейчас на парковке, и она отказывается сообщить мне, в чем же дело. Поэтому рассказывай ты. Что происходит?

Грант опустил голову и прижал ко лбу кулак. Разумеется, мать устроила сцену в ресторане, вместо того чтобы предаться раскаянию в каком-нибудь тихом месте. И наверняка на обратном пути вытащила из вазы рядом с кассой все мятные леденцы.

— Мне очень нужно поговорить с ней, Тина. Скажи ей... — Он глубоко вздохнул, чтобы успокоиться. — Скажи ей, что я не злюсь на нее. Мне просто нужно кое о чем ее расспросить. — Вранье чистой воды. Он готов был взорваться от ярости. Но если мать действительно сохранила почти все деньги Элейн, незачем усугублять ее панику. Хотя под словами «почти все» мама вполне могла подразумевать «почти никаких». На расстоянии, в телефонном разговоре, от нее невозможно добиться правды, только при личной встрече, когда рюкзак наконец окажется в его руках. А сейчас он будто переговорщик с террористами, пытающийся освободить заложников.

Грант ждал, стиснув зубы, мечтая посмотреть на Элейн, успокоить ее, сказать, что все в порядке, но он не смел это сделать. Ему не хотелось видеть сомнение на ее лице. Он смотрел на клавиши пианино, а Элейн неподвижно сидела рядом. Он слышал, как тетя убеждает его маму взять трубку, — его любимую, но совершенно чокнутую маму, которая заварила всю эту кашу.

Да, она не должна была брать деньги. Но, с другой стороны, если бы она не взяла их, они с Элейн не были бы сейчас вместе. Черт побери! Если бы Донна не сдала в аренду его дом, то они с Элейн вообще не встретились бы. Голова кругом, если подумаешь, какие сюрпризы порой подкидывает жизнь.

Отец всегда говорил ему: «Сынок, в жизни не бывает ничего случайного». А потом уехал в Ирак и там погиб. Грант так и не смог понять, в чем закономерность этого события, поэтому решил, что отец все-таки ошибался. Теперь же в ожидании, когда его совершенно чокнутая мама возьмет трубку, он снова задумался о судьбе, предназначении и совпадениях, которые неслучайны.

Он имел полное право злиться на мать, однако если смотреть шире, то, вполне возможно, та оказала ему большую услугу.

Дилайни сжала ему запястье:

— Грант, мне нужно кое-что рассказать тебе...

— Грант? — Голос его матери прорезал тишину в трубке. Она всхлипывала и побулькивала так, будто в горле у нее застряли желейные шарики.

Он вздохнул:

— Привет, мам.

Донна снова начала рыдать, и он наконец посмотрел на Элейн. Она выглядела шокированной. Ей нужны были эти деньги, и на ее лице был явно написан ужас. Он вернет ей всю сумму до цента. Если ему придется продать дом или позвонить гребаному Блейку Рокстоуну и вернуться на старую работу, он и на это пойдет, лишь бы возместить Элейн украденное.

— Что ты сделала, мама? Как много ты потратила?

Мать с шумом втянула воздух и закашлялась.

— Около четырех сотен долларов.

Грузовой трейлер, который сдавил ему грудь, чуть сдал назад.

— Четыре сотни долларов? — Да это же ерунда! Разумеется, ему нужно было еще откуда-то достать шесть тысяч, которые Элейн заплатила за аренду, но с этим он как-нибудь разберется. Он опустил руку с телефоном и повернулся к Элейн. — Четыреста долларов. Вот сколько она потратила, — прошептал он.

Его слова не успокоили девушку. Она вымученно улыбнулась, будто только что проглотила ужасное на вкус, но полезное лекарство. Может, она опасалась, что его мать врет, и такой вариант, разумеется, нельзя было исключить. Чем быстрее они увидят Донну, тем лучше он будет себя чувствовать и тем быстрее сможет убедить Элейн, что все будет хорошо.

Он снова поднес к уху телефон:

— Ты же знаешь, что совершила ужасный поступок, правда, мама? Элейн сделала тебе огромное одолжение, что не обратилась в полицию.

Дилайни посмотрела на него и нахмурилась.

Донна снова разрыдалась:

— Я знаю. Я просто... Я увидела этот рюкзак, и он так мне понравился, а мы с Тиной решили совершить небольшое путешествие, и я подумала — как же здорово он будет смотреться с моим коричневым пальто. А потом я увидела, что внутри лежат деньги... и просто ничего не могла с собой поделать. Пожалуйста, передай Элейн мои самые искренние извинения и скажи, что я все ей верну.

Его безрассудная импульсивная мать — закоренелая клептоманка, но вылечить ее по телефону он

не мог. С ее болезнью нужно было что-то делать, но только после возвращения в Белл-Харбор.

— Конечно, ты их вернешь, и мы постараемся тебе помочь, чтобы такое больше не повторялось. А пока надо решить, где мы сможем встретиться, потому что у тебя в рюкзаке еще и телефон Элейн, и другие нужные вещи. Тина сказала, что вы в Эф-фингхеме. Как далеко это место от Мемфиса? Мы сейчас там.

— Вы в Мемфисе? — Голос матери дрогнул. — Ты... и еще кто?

— Я и Элейн. Мы будем ждать тебя, и нам очень нужно вернуть Элейн этот рюкзак.

— Они в Мемфисе, — сказала Донна в сторону, несомненно, обращаясь к тете Тине.

Слышно было, как телефон снова неуклюже передали из рук в руки, и в трубке раздался голос тети.

— Грант? Мы должны добраться до Мемфиса к вечеру, но приедем поздно. Отсюда до него пять часов езды, но нужно будет еще заправиться и поесть. И если дороги до сих пор в таком же ужасном состоянии, мы задержимся еще дольше. Вы сможете прийти ко мне домой завтра утром?

— Да, разумеется. Конечно, сможем. Но пока, Тина, не могла бы ты запереть рюкзак, о котором мы говорили, в багажнике? И не подпускай к нему мою мать.

* * *

Дилайни Мастерсон получила отсрочку казни. Точнее, ее получила Элейн Мастерс. Сидя рядом с Грантом на скамье у пианино, она слышала весь

разговор. Мать Гранта говорила громко, очень громко, и явно была расстроена. Дилайни вроде бы должна была чертовски на нее злиться, но в эти секунды чувствовала лишь облегчение. Уже завтра утром к ней вернутся деньги, телефон и бумажник. Но что еще лучше — Донна по-прежнему называет ее Элейн. Она ни разу не упомянула имя Дилайни. Могла ли она ни разу не открыть бумажник? Вообще-то Дилайни засунула его на самое дно рюкзака, под пачки денег, но хороший вор обшарил бы всю добычу. С другой стороны, Донна не показалась Дилайни особо умной.

Но кто она, Дилайни, такая, чтобы обвинять кого-то в недостатке ума?

Кто решает скрываться у всех на виду под вымышленным именем?

Кто бежит от скандала с порнографическим видео?

Кто влюбляется в мужчину, который даже не знает, как по-настоящему тебя зовут?

Конечно, Дилайни.

Если кто в этой истории и не блещет умом, так это именно она. И это нужно исправить. Ее эйфория резко сменилась тревогой, и теперь Дилайни не знала, что и думать. Может, во всем виновата погода? Биполярное погодное расстройство¹⁷.

— Завтра утром, — произнес, широко улыбаясь, Грант. — Завтра мы вернем тебе все твои вещи. —

¹⁷ Отсылка к диагнозу «биполярное расстройство личности» — психическое заболевание, для которого свойственны перепады настроения и активности.

Он обнял ее за талию и притянул к себе. — Хорошие новости, правда?

Она кивнула:

— Правда.

— Тогда почему у тебя такой невеселый вид?

Она посмотрела на него с таким чувством, будто вокруг рушится мир, потому что осталась одна проблема, которую ни он, ни она еще не затронули.

— Ну, во-первых, как только деньги и документы окажутся у меня, я должна буду вернуться домой.

Он дотронулся до ее щеки и улыбнулся.

— Ты ведь ненадолго, правда? Не стоит волноваться — мы что-нибудь придумаем.

Ее сердце наполнилось надеждой, но Грант понятия не имел, о чем она говорит. Да и откуда ему было знать? Он говорил с несуществующей девушкой, и ей нужно сказать ему об этом. Прямо сейчас.

— Грант...

— Эй вы там! Хотите вместе с нами поехать в Грейсленд? — Голос Сисси будто серпом рассек мысли Дилайни. — У мальчиков есть еще несколько часов свободного времени до выступления, так что если вы сможете хоть на какое-то время отлепиться друг от друга, мы поедем посмотреть, где жил Король, а потом перед шоу закажем ребрышки в Марлоу. Вы с нами?

Дилайни не смогла сдержать улыбку. Казнь снова откладывалась. В Грейсленде она ничего не сможет рассказать Гранту, и в ресторане тоже. Нужно будет объясниться с ним вечером. Или... вообще завтра. Завтра — отличный вариант.

Глава 20

У обитателей «Отеля разбитых сердец» «Райские братья» вызвали настоящий фурор, и Гранту пришлось признать, что основная заслуга в этом принадлежала Реджи. Грант на дух не переносил заносчивого ублюдка, но пел тот хорошо и был прирожденным артистом. Он, Финч и Хамфри перешучивались на сцене так же непринужденно, как и в гастрольном автобусе, при этом играли на гитарах, клавишных и ударных. Они мастерски провели выступление, перемежая классические песни Элвиса со старым добрым кантри, и исполнили несколько собственных весьма фривольных песенок с такими похабными текстами, что публика совсем развеселилась, а Дилайни то и дело краснела.

Все такая же стеснительная... даже после прошлой ночи.

Господи! Прошлая ночь! При одной мысли о ней ему стало жарко. Никогда в жизни ему не было так хорошо, а если учесть, что сегодня вечером комната остается в их полном распоряжении... Черт! С той секунды, как он это услышал, он не мог перестать об этом думать. К несчастью, из-за этих мыслей всю экскурсию по Грейсленду Грант был на грани

эрекции, но, разумеется, там он был не один такой, ведь все любят Элвиса.

— Давайте чуть замедлимся ради влюбленных, которые сейчас с нами, — произнес в микрофон Реджи, и Гранту осталось только гадать, кого он имеет в виду — их с Элейн или вообще всех влюбленных. В любом случае Грант повел Элейн в центр танцпола и заключил в объятия. Группа заиграла что-то грустное о любви, в которой все пошло не так, но ему не казалось, будто в их любви было что-то неправильное.

Все было правильно, так, как и должно быть.

По правде говоря, он еще никогда ничего подобного не испытывал. У него было много женщин, к некоторым из них он испытывал нежность, кого-то из них даже любил, хотя никогда не говорил им об этом. Но на этот раз все было по-другому. Каждый удар сердца, каждый вздох у них с Элейн происходил в одном ритме. Конечно, Грант уже не был наивным подростком. Он понимал, что она кажется ему такой светлой и сияющей только из-за своей свежести и новизны — как запах салона новой машины.

Разумеется, их совместный путь не будет гладким, и для начала ему нужно больше узнать о ней. Но глядя на то, с каким достоинством, терпением и остроумием Элейн вынесла выпавшие на ее долю напряжение и испытания последних дней, он подумал, что она никогда не сможет ему наскучить. Он никогда не устанет ее целовать — от карамельного привкуса ее губ он весь пылал. Ему никогда не надоеет ее смех — то, как он

взрывается веселым фейерверком. И конечно, ему не надоест гладить ее кожу и ощущать, как она перетекает под ладонью, словно вода. Нет! Она никогда не наскучит ему!

Грант притянул Элейн к себе и вдыхал ее сладкий свежий запах. Плавный изгиб ее тела, там, где плечо переходит в шею, — он мог всю жизнь провести, уткнувшись в него и вдыхая ее аромат. Он привык доверять своим инстинктам — они редко обманывали его, и если прислушаться к ним и сейчас, они приведут напрямик к алтарю. Кто бы мог подумать, что его братец, этот идиот, окажется прав? «Когда ты встретишь своего человека, ты сразу это поймешь». И сейчас он понял, что Элейн Мастерс предназначена ему судьбой.

Сама мысль об этом и о невероятности всего, что произошло с момента их встречи, его пьянила. Он никогда не был сентиментальным придурком, который верит в судьбу или в любовь с первого взгляда, но если какие-то загадочные пути привели в его жизнь эту девушку, будь то череда случайных совпадений или действия его чокнутой мамочки. Он был им благодарен, потому что Элейн — настоящая красавица, похитительница сердец и все остальное, о чем можно только мечтать. Узнавать ее все лучше и лучше — все равно что бесконечно разворачивать восхитительный подарок.

Его рука скользнула вверх по ее спине, пальцы вплелись в ее волосы. Он должен ее поцеловать. Прямо сейчас. Он должен поцеловать ее в центре толпы на танцполе, прямо посреди лаунж-бара

«Комната джунглей». И он поцеловал ее. Элейн ответила на поцелуй, и Грант понял, что сегодняшняя ночь будет еще лучше, чем прошлая. И начаться она должна прямо сейчас.

Как только стихли последние плывущие над толпой звуки песни, Грант потянул Элейн прочь с танцпола, за угол, в ведущий к лифту коридор. Он прижал ее к стене рядом с большим плакатом «Элвис 69» и снова поцеловал.

Она смеялась тихо и жарко, пока он вслепую пытался нащупать кнопку вызова лифта. Когда лифт пришел и двери открылись, они почти ввалились в кабину.

— Хочешь подняться в номер? — спросил он, когда лифт начал движение.

Она снова рассмеялась:

— Думаю, лифт уже поднялся.

— Боже! У меня тоже поднялся.

Дверь лифта мягко отъехала в сторону, и они почти побежали по коридору. Когда Грант пытался вставить ключ в замочную скважину, его руки дрожали. Может, такое волнение выглядело не совсем по-мужски, но ему было плевать, ведь они все еще были в коридоре, а Элейн уже высвобождала сзади край его рубашки.

Он дернул ручку и распахнул дверь, увлекая за собой Элейн. В голове мелькнула мысль о том, застрахован ли номер, потому что они вполне могли что-нибудь там сломать.

Они пробежали вдоль бордовых стен прямо в спальню и со смехом с разбега повалились на кровать. Сначала рубашка слетела с Гранта, затем он

потянул за край блузки Элейн и нетерпеливо стянул ее. Нехватку стиля он компенсировал чистым энтузиазмом. Сейчас не время для изящества. Пришел черед необузданной страсти. Ему не хотелось останавливаться — он жаждал как можно скорее слиться с ней воедино. Он поцеловал девушку в шею и чуть прикусил кожу. Она выгнулась, прижимаясь к нему, он ухватил ее за талию и повернулся вместе с ней так, что их головы оказались возле подушек. Она тихо и ободряюще ахнула, и от этого звука у него подкосились бы ноги, если бы он уже не лежал на кровати.

Элейн сдвинула подушки в сторону и теперь лежала на спине, распластавшись на матрасе. Он ласкал ее взглядом, снова изумляясь своему везению, что ему посчастливилось встретить такую девушку. Может быть, что-то в жизни действительно происходит не случайно.

Грант восхищенно прошептал: «Боже, ты такая красивая...» — и снова приник к ней в поцелуе. Элейн дотянулась до его пояса, расстегнула пуговицу на джинсах, и ему показалось, будто она сорвала чеку с гранаты — потому что теперь его было уже не остановить. Он низко гортанно зарычал. Она потянула за молнию джинсов, но та не поддавалась, и Грант, освободив руку, сам расстегнул молнию. От того, что произошло дальше, все внутри него перевернулось и превратилось в смесь хаоса и желания.

— Боже, — выдохнул он и снова поцеловал ее в шею. — Мне нужно сорвать с себя эти штаны, пока мне не сорвало крышу.

Она издала милое недовольное хмыканье, когда Грант чуть откатился от нее, чтобы избавиться от джинсов, но он вернулся к ней даже быстрее, чем затих звук, спустился ниже и потерял лицом о ее живот. Элейн хрипловато рассмеялась и попыталась увернуться, но он удержал ее на месте.

— Щекотно, — выдохнула она и потянула его за волосы.

Он хотел продолжить, только чтобы снова услышать ее смех, но у него были более неотложные дела. Его руки скользнули ниже и расстегнули ее джинсы. Он взялся за их пояс и начал медленно стягивать их с нее, и она облегченно вздохнула. На лодыжках джинсы запутались, и ему пришлось встать, чтобы снять их, но в этом не было ничего страшного. Он скинул их на пол... и тут в его голову пришла совершенно восхитительная идея. Да, он очень торопится, но всегда можно выделить немного времени на небольшое соблазнительное отступление.

* * *

Дилайни была так рада снова раздеться! Руки, губы, язык Гранта, казалось, были повсюду на ее коже, погружая в пучину бездумного блаженства. Весь остальной мир ушел на задний план. Остались только они и эта постель. И океан наслаждения. Она слышала, как приземлились на пол ее джинсы, затем Грант поцеловал ее в лодыжку. Затем в голень. Язык его поднимался все выше, заставляя ее все больше желать этого мужчину. Восхитительно! Жарко и восхитительно!

От этих страстных поцелуев она закусила губу, но не смогла сдержать стоны и снова потянула его за волосы. Ей опять было щекотно. Но уже совсем по-другому.

Он замечательно это делал. Очень, очень хорошо, и она позволила себе расслабиться и уплыть с накатившим на нее прибоем, вздыматься и опадать вместе с ним, пока тело не напряглось, а затем разбилось на тысячи осколков и растворилось в теплых волнах. Ей казалось, что единственное, что ее держит, это объятия Гранта.

Затем он снова оказался рядом, а потом внутри нее, взлетая на гребень собственной волны, и она подумала, знает ли он, что она начинает не на шутку в него влюбляться?

А после они лежали вместе под одеялом, лицом друг к другу, и он наматывал на палец прядь ее волос.

— Хочешь, расскажу тебе одну забавную вещь? — спросил Грант, неотрывно глядя на ее локон.

— Конечно. — Она чувствовала себя очень сонной и очень довольной, и в таком состоянии ответила бы «конечно» на любой его вопрос.

— Когда я приехал домой на свадьбу брата, я собирался сказать ему, что он просто идиот, раз собрался жениться.

Ее блаженная эйфория несколько рассеялась. Это было совсем не забавно. Скорее, его слова расстроили ее.

— А что в этом забавного?

Он начал закручивать прядь в другую сторону:

— Забавная ирония судьбы... потому что я думал — какой же он дурак, что женится на девушке, которую знает всего полгода. Но мне кажется, что я начинаю видеть смысл в его действиях. И сейчас, когда я встретил тебя, думаю, что действительно понял его.

Ее сердце прерывисто забилося.

— Правда? — спросила она.

Он посмотрел на нее, и ее снова охватила радостная эйфория. Он говорил о ней. О них обоих.

— Да. — Он улыбнулся немного удивленно и смущенно, и на несколько секунд уткнулся лицом в подушку, а потом снова посмотрел на нее. — Да, я понял. Я, наверное, просто хочу сказать, что начинаю не на шутку влюбляться в тебя, Лайн. Я безнадежно влюбляюсь в тебя.

Улыбка пропала с его лица, и теперь он смотрел на нее так искренне и серьезно, что у нее перехватило дыхание.

— Влюбляешься?..

— Да. Или что-то очень близкое к этому. Я знаю, что все произошло слишком быстро, и это неразумно, но я надеюсь, что не один прыгаю в эту пропасть.

Да, действительно, это была пропасть. И если они прыгнут в нее, назад пути не будет. Сама Дилайни тоже стояла на краю, и если Грант готов прыгнуть, она прыгнет вместе с ним. Он выжидательно и с надеждой посмотрел на нее. В этот миг она почувствовала, как екнуло ее сердце от падения в пропасть, от ощущения невесомости, а затем гравитация вновь притянула ее к земле.

— Я с тобой, Грант. Я тоже в тебя влюбляюсь.

— Правда?

Она кивнула, и ей захотелось плакать, потому что нужно было так много ему объяснить, так много важного он еще не знал. Она все должна рассказать ему о себе, но это подождет еще несколько часов, а пока она побудет с ним, наслаждаясь прекрасным безвременьем счастья, купаясь в его безупречном сиянии.

— Да, я схожу по тебе с ума, — сказала она, а потом поцеловала его. Неважно, что принесет ей завтрашний день, — она всегда будет любить Гранта Коннелли.

Глава 21

Легкой пружинистой походкой Грант вошел в вестибюль отеля. У него слегка ныла поясница. Сексуальные упражнения двух последних ночей стали отражаться на его самочувствии, но, черт побери, оно того стоило. Он влюблен, Элейн тоже влюблена, жизнь прекрасна. Сегодня они заберут у его матери рюкзак, и с чем бы им ни предстояло столкнуться, они справятся. Очевидно, в Майами у нее были какие-то проблемы, но не может быть, чтобы все было очень плохо. Заметно, что у нее очень близкие отношения с родными, и что бы с ней ни произошло, он поможет ей это пережить. Ведь именно так поступает мужчина с женщиной, которую любит, — заботится о ней.

Грант никогда раньше ни о ком не заботился. Ну, по крайней мере ни о ком, кроме себя самого, но с той минуты, как Элейн показалась в дверях его ванной комнаты, он отчаянно стремился ее опекать. И ему это нравилось. Вознаграждение за эти усилия было совсем иным, чем за другие его достижения, и теперь он понимал, что заставило Тайлера так быстро сделать предложение Иви. Сейчас для него это казалось самой естественной вещью в мире. Когда встречаешь своего человека, то понимаешь это мгновенно.

Шагая по вестибюлю отеля, Грант усмехнулся про себя. Ноги его ступали по земле Мемфиса, но голова витала где-то в иных мирах. Он видел, как перед ним простирается вся его жизнь. Жизнь вместе с Элейн. Время от времени они будут жить в том маленьком домике в Белл-Харборе, а все остальное время — путешествовать. Она ушла из дома навстречу приключениям, и, черт возьми, он покажет ей, что такое настоящие приключения. Целая жизнь, полная приключений. У них будет секс на всех континентах планеты Земля. Теперь у него в жизни появилась цель, к которой стоит стремиться.

Снаружи светило солнце — похоже, холодная пора в Мемфисе наконец-то закончилась. Хорошая новость. Теперь нужно решить, как им добраться обратно в Белл-Харбор. Прорываться сквозь еще одну снежную бурю совсем не хотелось. Казалось, они уехали несколько недель назад, хотя прошло лишь несколько дней. Удивительно, как всего несколько дней могут навсегда изменить жизнь человека.

Грант зашел в сувенирную лавку, чтобы купить кофе. Он уже принял душ и оделся, но Элейн на сборы требовалось больше времени, и он решил сходить за кофе. Пухлая женщина в розовой блузе за прилавком приветствовала его широким зубастым оскалом:

— Доброе утро, сэр. Чем могу вам помочь?

— Два кофе, пожалуйста.

— У нас еще есть глазированные пончики. Знаете, Элвис очень любил время от времени перекусить глазированным пончиком!

Грант ничего не знал о пристрастии Элвиса к глазированным пончикам, но, судя по виду молодой леди за прилавком, сама она употребила их не меньше дюжины. На складках розовой блузы виднелись крошки глазури.

Он улыбнулся и покачал головой:

— Спасибо, нет. Сегодня только кофе.

— Разумеется. Вот, держите стаканчики. Наполните их вон там. — Она поставила на прилавок рядом с кассой два одноразовых стакана и показала на кофемашину с другой стороны лавки. — С вас два доллара.

Грант вытащил из кармана бумажник. Доставая деньги, он с ребяческим ужасом заметил, как из бумажника вылетел презерватив в блестящей упаковке из фольги и приземлился на стойку с журналами рядом с прилавком.

От изумления женщина выпучила глаза, а потом зашлась добродушным смехом, сотрясаясь всем своим немаленьким телом. Крошки глазури подскакивали на ее груди, словно горячий попкорн. Похоже, Гранту повезло и продавщица оказалась с чувством юмора, но его все равно бросило в жар. Он уже много лет не носил презервативы в бумажнике, а этот прихватил, чтобы подшутить над Элейн.

Грант усмехнулся своей неуклюжести. По крайней мере, кроме него и продавщицы тут никого не было. Слава богу, что поблизости не ошивался Реджи, который потом подкалывал бы его до конца времен. Грант нагнулся за презервативом в яркой обертке — и неожиданно замер: из него будто вышибло весь дух, и, чтобы не упасть, он ухватился

за прилавок, потому что на стойке, совсем рядом с презервативом, на обложке журнала было лицо Элейн.

«Куда пропала Дилайни Мастерсон?» — гласил заголовок, напечатанный большими жирными буквами. Дилайни Мастерсон? Черт возьми, кто такая эта Дилайни Мастерсон? У изображенной на глянцевой обложке девушки волосы были гораздо светлее, лицо покрывал толстый слой макияжа, но улыбка и овал лица, несомненно, принадлежали Элейн. У него перехватило дыхание, а воздух в лавке, казалось, сдавил со всех сторон. Мышцы спины, ноющие после бурной ночи, словно окаменели.

— Ой, да ладно, чего уж там, — добродушно сказала продавщица. — Ни к чему так смущаться. Я тут чего только не насмотрелась, и одна резинка не повод для беспокойства. Вообще-то мы их даже продаем. Они за этой стойкой. Может, вам нужно еще?

— Нет-нет, спасибо. — Он собрал все силы и встал прямо, но комната перед глазами кружилась. — Хотя я, пожалуй, куплю еще вот это. — Грант шлепнул журнал рядом со стаканами кофе и вытащил из бумажника еще несколько монет, затем поднял презерватив и засунул в карман.

Женщина посмотрела на обложку и осуждающе поцокала языком:

— Ну ни стыда ни совести! Такая красивая девочка, столько сил в нее было вложено, а она выкинула мерзкий трюк и вот теперь пропала. Ее сестра сказала, что она скрывается с каким-то мужчиной. Даже не с тем, который на видео.

Господи Иисусе!

— Какое еще видео?

— О, милый мой, где же вы пропадали, раз не знаете? Это же было во всех новостях. Про эту девочку есть очень-очень неприличное видео. Я все про это читала, да и ролик сама видела. А моя кузина Бернис сказала, когда мы с ней ходили на маникюр, — она придвинулась ближе к Гранту и заговорщицки понизила голос, — что эта Дилайни Мастерсон, похоже, сама выложила ролик в сеть, чтобы поднять рейтинги своего телешоу. Ну разве это не печально?

В ушах Гранта оглушительно ревел невесть откуда взявшийся ветер, и он почти не слышал ее слов. Ему пришлось очень сильно сосредоточиться, чтобы их понять.

— Что за телешоу?

— «Папа жжот». Она там снимается. Ее папаша — Джесси Мастерсон. Ты же о нем слышал, правда? Его все знают. — Женщина ткнула неоновым-оранжевым ногтем в обложку журнала. — В любом случае никто понятия не имеет, почему она сбежала, но полиция нашла в Иллинойсе ее брошенную машину. С тех пор о ней больше ничего не слышно.

Грант перевел взгляд на обложку. На ней была фотография Элейн Мастерс. Он был уверен в этом так же, как в собственном имени, но в памяти стали всплывать обрывки их разговоров, будто кто-то просматривал старую запись, и на первый план вышли вопросы, которые он задавал ей в тот вечер, когда они познакомились. Вопросы, на которые

она ответила без особых усилий. Что он упустил? Как вообще такое возможно? Он взял журнал и повернулся, чтобы уйти.

— Эй, мистер! Ваша сдача, — окликнула его женщина, но он даже не обернулся. — А как же кофе?

Он вышел из магазина и направился в «Комнату джунглей». Было всего девять утра, и лаунж-бар еще не открылся, даже потолочные светильники пока не горели. Он прошел к стулу возле окна и тяжело опустился на него. Грант весь будто окаменел, кроме желудка, где что-то бурлило и бушевало, как закипающая вода. Он посмотрел на обложку и попытался вдохнуть в себя глоток воздуха.

Она солгала ему. Очевидно, что она солгала ему. Но почему? И сколько в ее словах было вранья? Он едва не порвал журнал, когда открыл его и начал листать страницы, пока не нашел нужную статью.

Дилайни Мастерсон, двадцатисемилетнюю пропавшую дочь звезды рок-сцены 1980-х Джесси Мастерсона и супермодели Николь Уэстгейт, больше не ищет полиция. Ее родственники сообщили, что она скрывается в суперсекретном любовном гнездышке со своим новым кавалером. Где именно она находится, не знают даже ее родные и самые близкие друзья. Мы можем с уверенностью сказать одно: ее отсутствие только подогревает наш интерес к самой взбалмошной героине реалити-шоу «Папа жжот».

Источники, близкие к самой знаменитости, сообщают, что Дилайни давно возмущалась

своей слишком скромной ролью в набирающем популярность семейном реалити-шоу и что она готова пойти на все, лишь бы выйти на первый план, пусть даже ради этого ей придется обнародовать непристойное видео со своим бывшим любовником Бойдом Хэмптоном.

«Дилайни всегда была девушкой, с которой можно весело провести время», — сообщают нам источники, близкие к Бойду Хэмпτον. Она была готова на любые авантюры, как и сам Бойд.

Каждое слово обжигало глаза, но он продолжал читать, пока статья не оборвалась на следующей цитате:

Думаю, ей уже было мало одевать звезд, — сказал один из ее бывших клиентов, пожелавший остаться неизвестным. — Возможно, вместо этого Дилайни решила сама стать звездой.

По всей статье были разбросаны фотографии, семь или восемь штук, и на всех была изображена Элейн. Ну, по крайней мере, та девушка, которую он знал как Элейн. Но эта другая Элейн была ему совершенно незнакома. На одном фото она была гламурная, в сверкающем платье с открытой спиной, на другом — знойная и страстная, в мини-юбке с разрезом чуть ли не до пояса. Цвет ее волос варьировался от светло-каштанового до почти белого, но одна фотография заставила Гранта задохнуться от боли — ему показалось, что одно из ребер проткнуло сердце.

На ней Элейн была с темными волосами и почти без макияжа. Похоже, оно было сделано еще в подростковом возрасте — Элейн на нем была в костюме девочки из спортивной группы поддержки и более всего походила на его Элейн. *Его Элейн.*

Но больше у него не было никакой Элейн. Девушка, которой вчера вечером он признался в любви, всего лишь мираж, мастерица саморекламы и манипуляций, а он повелся на ее вранье.

Как он мог оказаться слепым? В статье говорилось, что она хотела привлечь к себе внимание. Да, его внимание она определенно привлекла. Хотя называть ее «звездой реалити-шоу» было явным преуменьшением. У этой дамочки недюжинный актерский талант. Ей удалось убедить всю его семью, целый автобус музыкантов и его самого, что она всего лишь милая юная девушка, которая хочет расправить крылья. Миранда, по крайней мере, не скрывала своих карьерных амбиций. Элейн, то есть Дилайни, была более коварной. Она откровенно лгала всем и всех использовала в своих целях.

Особенно его.

Но ради чего? Только ради известности, ради славы. Впрочем, он должен был это предвидеть.

* * *

Дилайни очень нервничала, но твердо решила: как только Грант вернется с кофе, она непременно попросит его присесть и все расскажет. Вообще все. До мельчайших подробностей. Она отправила его

за кофе только для того, чтобы собраться с мыслями, но больше не могла оттягивать объяснение. Она икнула.

Прошлой ночью она отдала Гранту свое сердце. Сегодня утром Грант может швырнуть его обратно, но искренность необходима. Как только она будет готова выйти на улицу, они поедут к его тете, так что сейчас или никогда.

Хотя варианта «никогда» у нее вообще-то нет.

Так что... просто... сейчас.

Он довольно долго ходил за кофе. Дилайни нетерпеливо мерила шагами комнату, обдумывая, как лучше начать разговор.

«Ой, кстати, я хотела признаться тебе кое в чем забавном о... обо всем. Бóльшая часть того, что я рассказала о себе, — неправда».

Ее кожа зудела, она вся вспотела, и ей ужасно хотелось перемотать пленку со всеми событиями назад, но что тогда она сделала бы по-другому? Совершила бы те же самые ошибки, зная она то, что знает сейчас? Дилайни расхаживала туда-сюда по комнате, отчаянно желая, чтобы Грант быстрее вернулся.

Накануне утром ей удалось избежать панической атаки, но сейчас она опять была на грани. Снова напала икота. Наконец она услышала, как он открывает дверь номера, и так высоко подпрыгнула от неожиданности, что могла бы, как кошка, вцепиться когтями в потолок.

Дыши глубже, Дилайни.

Когда Грант вошел, она стояла посреди комнаты прямо под рисунком на потолке с голубым небом,

по которому плыли белые облака. Он явился с пустыми руками.

— А где кофе? — спросила она.

Он что-то вытащил из-под мышки:

— Кофе нет. Зато я купил тебе журнал.

Он бросил журнал на пол, прямо к ее ногам. Даже не глядя вниз, она все поняла по выражению его лица. Ее имя снова во всех заголовках. Ей показалось, что сердце остановилось, а сама она оказалась на краю бездны. Нет, нет, нет! Только не сейчас! Всего пять минут. Ей нужно было всего пять минут, и она все рассказала бы ему сама.

Дилайни наклонилась, чтобы поднять журнал, а Грант отошел к окну и встал к ней спиной, засунув руки в карманы.

Пол ушел у нее из-под ног, стены зашатались, но не землетрясение заставило Мемфис вздрогнуть. Просто ее мир развалился на части. Возможно, мир Гранта тоже. Дилайни не хотелось вовлекать в свои проблемы других людей, но это все-таки произошло, и ей стало плохо от масштаба того, что она натворила.

Она посмотрела на гляцевую обложку и увидела себя. Потом прочитала заголовок и скривилась. Бог знает, что за вранье напечатано в статье, но пусть даже там нет ничего, кроме правды, — это все равно плохо.

— Я собиралась тебе рассказать...

— Когда? — резко перебил ее Грант, повернувшись к ней с багровым от гнева лицом. — Когда ты собиралась мне рассказать? Потому что уже неделю мы почти все время вместе, и можно было

рассказать все где-то между... ну, даже не знаю... между «привет» и «я тебя люблю».

Она должна была сказать ему раньше. Она должна была сказать ему раньше. Проклятье! Она *на самом деле* должна была сказать ему раньше.

— Я знаю. Просто... все довольно сложно.

Сложно? Она сама понимала, что это звучит неубедительно и жалко. Ее трясло, кожа стала холодной и липкой, но нужно было собраться с мыслями и все объяснить. Нужно, чтобы он понял, как все началось с одной маленькой невинной лжи, которая, как снежный ком, все росла, пока не превратилась в ревушую лавину.

— Сложно, — прорычал он. — Да. Я понимаю, что все может быть сложно, когда даже собственное имя не можешь вспомнить! — Он повысил голос, и этому она была почти рада. Рада, что правда наконец вышла наружу, что Грант обнажил рану, которую она ему нанесла, и возможно, они смогут миновать кризис, а рана постепенно затянется. Но как это сделать, она понятия не имела. Назад пленку не отматаешь. Можно лишь попытаться исправить что-то, начиная с этой самой минуты.

— Грант, прости меня. Мне очень жаль, что все так вышло. Я просто...

Он снова перебил ее:

— И каким именно образом я вписался в твой план?

— План?

— Да. Я — безмозглый идиот, который тебя не узнаёт, или преданный любовник, готовый натравить полицию на собственную мать, лишь бы

порадовать тебя? — В его глазах читалась ярость, и сердце Дилайни, которое всего час назад ласкали его нежные слова, сейчас рвалось на части от его сурового взгляда.

— Ни то ни другое. Ты все неправильно понял. Грант, репортеры всегда все перевирают, как им выгодно. В таких журналах очень редко пишут правду. Я просто пыталась защитить тебя от всего этого.

Он посмотрел на нее так, будто его ударило током:

— Защитить меня?! Ты пыталась защитить меня, солгав о том, кто ты такая?

— Нет. Я хотела уберечь тебя от лавины журналистов. Вот почему я пряталась. С тех пор, как в сеть просочилось это ужасное видео, за мной постоянно охотятся папарацци, и я просто пыталась сбежать от них.

— Сбежать. Верно. И конечно, слив этого видео не имеет ничего общего с резким ростом рейтинга вашего шоу и твоей популярности. И кстати, ты вроде бы ни разу не упомянула, что снимаешься в реалити-шоу? Я — гребанный видеооператор, *Дилайни*, и кое-что знаю о телевидении.

Грант произнес ее имя так, будто оно было ругательством, и ей стало больно. Горло ее перехватило от волнения, и голос стал хриплым.

— Да, ты — видеооператор, и в нашем шоу собрано все то, что ты ненавидишь в телевидении. Признаю, Грант, мне нет оправдания, но я молчала еще и поэтому. И очень прошу тебя, поверь: сама я никогда не слила бы этот ролик. Я даже не знала о нем, пока он не всплыл несколько недель назад. Я не гонюсь за славой. Совсем наоборот. Я просто

хотела, чтобы ты узнал меня *настоящую*, а уже потом делал какие-то выводы.

Он резко рассмеялся — лающим смехом без тени веселья:

— Ну да, конечно! В таком случае я просто буду судить о тебе по тому, что ты сама мне показала. Без камеры, без команды ассистентов. Только я — и *настоящая* ты. Ой, но вот незадача: ты все равно мне врала. Даже когда мы оставались вдвоем. У тебя была дюжина возможностей все мне рассказать, но ты предпочла этого не делать.

Они стояли лицом к лицу в шаге друг от друга, но с таким же успехом между ними мог простираться океан. Или кратер с пылающей лавой. Хотя если бы это была лава, Дилайни по крайней мере могла бы прыгнуть туда и разом положить конец всем мучениям. Ну и передрыга, а главное, она устроила все это своими руками!

— Ты прав. Я должна была поговорить с тобой. Я сразу должна была тебе все рассказать, но ведь сначала я тебя совсем не знала. Не ожидала, что ты окажешься в том доме, и понятия не имела, можно ли тебе доверять. А потом просто не знала, когда и как за это взяться. Я просто...

Голос ее затих, и объяснения с извинениями замерли на ее губах. Как она может оправдываться, если по большому счету сама с ним согласна?

— Все это было тщательно продумано, да? — спросил он, наконец сдвинувшись с места, и перешел к другой стене. — Весь твой фальшивый побег из дома? Попытка спрятаться от репортеров? Рюкзак с деньгами? Когда моя мама взяла его, ты,

наверное, была вне себя от радости! Вот почему ты так легко к этому отнеслась, правда? Ты смогла разыграть более интересный сценарий. Может, ты и дом у нее сняла только для того, чтобы она украла эти деньги?

— Что?! Нет! Конечно же нет. У меня не было никакого сценария! Послушай меня, Грант. Я разорвала контракт с шоу и уехала из Беверли-Хиллз, потому что хотела сбежать от всего этого, вырваться из ловушки популярности и славы. Я не хочу находиться в центре внимания, и это видео меня страшно унизило. Я думала, что если скроюсь из виду, то шумиха постепенно утихнет. Но я ошиблась: мы попали в глупую аварию, оставили на дороге машину, и в дело вмешалась полиция.

— Значит, это я во всем виноват — мы же из-за меня попали в аварию?

— Нет, я не это имела в виду. Но как только полиция отправила рапорт, он попал в новостные сводки, и скрыть это все стало уже невозможно. Вот почему я сказала, что мне нужно вернуться домой раньше, чем планировала. Мне нужно вернуться в Беверли-Хиллз и со всем разобраться, и я не хотела втягивать тебя в свои проблемы. Грант, врать тебе я тоже совсем не хотела. Я ненавидела себя за ложь и поклялась, что, как только ты вернешься с кофе, я сразу тебе все расскажу.

— Ну разумеется. Вот только ты меня извини, но что-то мне не верится — может быть, потому что ты непрерывно врала мне с первой секунды нашей встречи?

— Это неправда!

Хотя вообще-то именно так дела и обстояли. Все это время Дилайни ему лгала. Может, Бойд и отправил ее в это необдуманное путешествие, но она совершила гораздо больше ошибок, чем намеревалась. И счет потерь все возрастал.

— Неправда? Забавно слышать это слово именно от тебя, ведь ты же у нас королева *неправды*, разве не так? Скажи мне, может, ты и на камеру что-нибудь засняла для своего шоу? — хрипло бросил он. — Очень на это надеюсь. Надеюсь, у тебя осталась запись прошлой ночи, когда я признался тебе в любви. И тебе лучше сохранить ее, *Дилайни*, потому что больше ты от меня таких слов никогда не услышишь.

Сердце ее обратилось в пепел. Она даже чувствовала на губах его привкус. Дилайни шагнула к Гранту, но он попятился, будто она могла отравить его одним прикосновением. Он стал недосягаем, как была недосягаема для него правда с первой секунды их знакомства. У нее не осталось сил бороться — их остатки смыло нахлынувшее чувство вины.

— Мне очень, очень жаль, Грант. Я никогда не думала, что все выйдет вот так, — жалобно прошептала она.

— Да, я тоже. Поехали, заберем твои деньги, а потом сможем сделать вид, что последних нескольких дней просто не было.

Глава 22

Они молча ехали в такси до тети Гранта, но в голове Дилайни верещало и ревело не меньше дюжины разных голосов. Она очень хотела получить бумажник, телефон и деньги. Последние несколько дней ей приходилось во всем полагаться на Гранта, а сейчас, когда он уже не собирался ей помогать, она была полна решимости встать на ноги. Как только к ней вернутся ее вещи, у нее сразу появится выбор, что делать дальше. И уж потом она будет думать, что именно сделать и как все исправить. Потому что она обязана все исправить.

Вот о чем кричал один голос в ее голове, а другой просто жалобно стонал и вопил. Откуда Дилайни могла знать, что все этим кончится? Откуда она могла знать, что деньги ее отправятся в авантюрное путешествие, ей придется за ними гоняться и в процессе погони она влюбится в Гранта? А она и в самом деле влюбилась. Только в этом одном она была уверена посреди всего этого безумия.

С тех пор как Дилайни уехала из дома, множество обстоятельств вышло из-под ее контроля, и она вроде бы поступала правильно, но при взгляде на застывший профиль Гранта становилось ясно: все это привело только к тому, что и без того пар-

шивая ситуация стала еще хуже. Отныне, что бы ни случилось, она больше не будет уклоняться от последствий своих поступков. И неважно, кто и что кому сделал в прошлом: имеет значение только то, что она сама делает здесь и сейчас.

Такси остановилось у одноэтажного фермерского домика из красного кирпича, который определенно знал лучшие времена. Почтовый ящик болтался на столбике, а редкие кусты перед домом выглядели уныло. Вся обстановка вполне соответствовала их настроению. Дилайни вышла из машины и захлопнула дверь. Грант тоже вышел, что-то сказал водителю и передал ему деньги.

Он оплатил такси. Дилайни добавила еще один пункт к списку ее долгов Гранту Коннелли. Она может вернуть ему деньги за еду, за бензин для «фольксвагена» и даже за пижаму с Элвисом. Но сколько стоит его время? Как она сможет за него расплатиться? А его сердце? Сколько стоит его сердце?

Тина встретила их у дверей, одетая в потертые джинсы и желтую толстовку с принтом университета Теннесси. Она была похожа на темноволосую копию Донны — такая же миниатюрная и голубоглазая. Дилайни узнала ее: они виделись на свадьбе Тайлера, вот только сейчас тетя Тина была гораздо более сдержанной, чем на свадебном приеме после десяти бокалов рома с колой.

Они вошли в дом, и Тина сочувственно сжала запястье Гранта:

— Грант, как ты? Я очень сожалею обо всем, что произошло. Поверь мне, я понятия не имела, что натворила твоя мать, но мы с ней уже

обстоятельно поговорили. Она так переволновалась!.. — Тетя отпустила его руку и повернулась к Дилайни. — Бедная девочка! Что за кошмар ты пережила! Пожалуйста, заходите.

Она провела их в обшитую панелями гостиную, не слишком-то отличающуюся от гостиной в доме мамы Гранта в Белл-Харборе. Вся мебель выглядела старой, с потертостями на краях. Примерно так ощущала себя и Дилайни. Сломанной. Использованной. Не подлежащей ремонту.

— Прошу вас, садитесь. Может, кто-нибудь хочет кофе?

— Где мама, тетя Тина? У Дилайни не так много времени.

Дилайни посмотрела на него, удивившись, почему он так думает. Разумеется, она хотела быстрее решить вопрос, но к чему так сильно торопиться?

Тина тоже казалась смущенной.

— Прошу прощения? У Дилайни?

Дилайни посмотрела на Гранта — станет ли он объяснять, почему так ее называет?

— У Элейн, — поправился он хмуро, все еще глядя на тетю.

Чувство вины, охватившее девушку, стало еще острее. Она и не знала, что такое возможно. Из-за нее ему пришлось лгать родным. Пусть не в прямом смысле этого слова, но получилось так, что он тоже говорил им неправду. Грант ступил на скользкую дорожку, которая была очень хорошо знакома Дилайни, но ей не хотелось, чтобы он повторил ее путь.

Тина кивнула:

— Элейн. Может, вы все-таки сядете? — еще раз спросила она. Дилайни опустилась на диван, а Грант пересек комнату и сел на край кресла рядом с камином, чтобы оказаться как можно дальше от нее, но все-таки не покидать помещение. Она физически ощущала его гнев, который глубоко ранил ее. Быстро эта рана не затянется. Ни у него, ни у нее.

— Значит, кофе вы не хотите? — Похоже, тетя Гранта старательно тянет время.

— Никакого кофе, тетя Тина. Спасибо. Не могла бы ты просто привести сюда маму и вернуть... Элейн ее рюкзак?

Тина села на диван рядом с Дилайни:

— Возникла кое-какая проблема, и я хотела сказать вам о ней. Возможно, мне нужно было уговорить Донну сделать это, но она так расстроена, что лучше уж я скажу вам сама.

— Проблема? — слово было тяжелым, словно цементный блок.

Тина кивнула и перевела взгляд на сложенные на коленях руки.

— Похоже, твоя мать потратила больше, чем сказала.

Грант побледнел, а Дилайни задалась вопросом, насколько все может стать еще хуже, пока наконец не начнутся хоть какие-то улучшения. Если они вообще когда-нибудь начнутся.

— Насколько больше? — выдавил из себя Грант.

— Утром она рассказала мне, что потратила почти пять сотен долларов.

Дилайни выдохнула. Это была такая ерунда! Но Грант в ответ на ее слова только стиснул зубы.

— Хорошо, — сказал он. — Пожалуйста, можешь позвать маму?

Тетя глянула на него и переплела на коленях пальцы.

— Не ругай ее, Грант. Ей и правда ужасно стыдно. Она знает, что поступила неправильно и причинила людям кучу неприятностей.

Тина говорила о матери Гранта, но те же слова можно было отнести и к Дилайни. Она поморщилась.

Голос Гранта звучал напряженно, будто ему приходилось проталкивать слова сквозь слой разочарования и злости.

— Я пока даже не собираюсь это обсуждать, тетя Тина. Все, что мне сейчас нужно, — ее рюкзак, чтобы *она* смогла уехать домой в... короче, хрен знает куда. В то место, где *она* живет. — Он кивнул в сторону Дилайни, будто не мог заставить себя произнести вслух ее имя. Ни одно из ее имен. Будто они невыносимо горчили у него на языке.

— А вот и я, — тихо произнесла Донна в дверях гостиной. Лицо ее было влажным от недавних слез. Она крепко, будто спасательный круг, обнимала рюкзак. Дилайни почувствовала, как на глаза наворачиваются слезы. Слезы облегчения и печали, потому что Донна Бекетт была маленькой грустной женщиной с огромной проблемой.

Грант быстро поднялся, но у Дилайни не было сил даже встать. Ноги ее превратились в желе — теплое трясущееся желе — и не желали делать свою работу.

Тина вытерла о толстовку ладони — точно таким же движением, которое Дилайни уже много раз видела у Донны.

— Я постараюсь вернуть тебе все до цента, — прошептала Донна, уставившись куда-то мимо Дилайни, только чтобы не смотреть ей в глаза.

— Да, ты все вернешь, — утвердительно сказал Грант, но голос его больше не был ни жестким, ни резким. Только... суровым. Прагматичным. Равнодушным. Он взял у матери рюкзак и посмотрел на тетю:

— Тетя Тина, могу ли я перекинуться парой слов наедине с... Элейн? — спросил он.

— Э-э-э, разумеется. Вон там есть комната для гостей.

Тина указала на узкий коридор, тоже отделанный панелями, и Грант шагнул туда. Он прошел мимо матери и посмотрел на Дилайни. Лицо его оставалось таким же каменным, как лица на горе Рашмор¹⁸. Такое лицо у него было с тех самых пор, как они уехали из отеля.

— Пойдем, — бросил он.

Его мать с тетей переглянулись, но ничего не сказали.

Дилайни поднялась и неохотно пошла за ним. Желейные ноги почти не слушались. Она вместе с Грантом зашла в небольшую квадратную спальню со старой сосновой мебелью и кроватью, накрытой

¹⁸ В гранитной породе горы Рашмор высечен барельеф со скульптурными портретами президентов США — Вашингтона, Джефферсона, Рузвельта и Линкольна.

выцветшим бледно-лиловым покрывалом с полинявшими цветами. Грант захлопнул за ними дверь. Дилайни вздрогнула от резкого звука. Потом Грант швырнул рюкзак на кровать.

— Вытаскивай из него все. — Голос его оставался все таким же глухим и равнодушным, но сами слова ее удивили.

— Что?

— Вываливай из рюкзака все на кровать. Проверь, все ли вещи на месте.

Он скрестил на груди руки, глядя на покрывало, а не на нее.

С минуту Дилайни молча смотрела на него, не смягчится ли он хоть чуть-чуть, но он оставался все таким же холодным. Она расстегнула застежку на рюкзаке и перевернула его над кроватью. Руки у нее тряслись, и не из-за того, что она вытряхивала рюкзак, а из-за общей катастрофической непоправимости происходящего. Пачки банкнот и несколько отдельных купюр в двадцать долларов высыпались на блеклое покрывало с цветами. Она еще раз потрясла рюкзак, и из него выпали ее бумажник и телефон. Затем она расстегнула боковое отделение, чтобы удостовериться, что ноутбук тоже в рюкзаке.

— Из бумажника ничего не пропало? — спросил он.

Она снова застегнула отделение с ноутбуком и поставила рюкзак на кровать. Потом подняла красный кожаный бумажник и открыла его. На первый взгляд все было на месте — и водительские права, и куча кредитных и дебетовых банковских карт.

— Похоже, ничего не пропало. — Дилайни положила его обратно в рюкзак и начала собирать с покрывала деньги.

— Пересчитай их. — Казалось, что он выдавливает из себя слова, как давил бы ботинком окурки.

— Прости, что? — Она перестала складывать деньги и посмотрела на него.

— Пересчитай деньги. Убедись, что их столько, сколько должно быть.

Он просто хотел ее разозлить. Это было очевидно.

— Твоя мама сказала, что потратила всего пятьсот долларов. Я ей верю.

— А я нет. Она такая же лгунья, как ты. Говорю, пересчитай эти чертовы деньги. — Теперь в его голосе слышалась злость. Дилайни он тоже наконец разозлил. Что-то глубоко внутри нее лопнуло.

— Да пошел ты, Грант. Я не собираюсь ничего пересчитывать. Мне плевать, сколько их там. Мне плевать, если она потратила не пять сотен, а пять тысяч. Я в первую очередь не за деньгами гналась, а хотела вернуть документы, чтобы никто обо мне не узнал. Понимаю, ты считаешь, что я затеяла все ради рейтинга и популярности, но это вообще полная чушь. Понятия не имею, почему Бойд решил выложить в сеть то мерзкое видео, но я изо всех сил хотела сбежать от скандала. Не ради рейтинга. Не ради того, чтобы стать знаменитой. И уж точно не для того, чтобы выставить кого-то дураком. Самая большая дура здесь я. Надо было остаться в Беверли-Хиллз и со всем разобраться, а не убегать и втягивать в свои неприятности посторонних людей.

С подъездной дорожки раздался сигнал автомобиля.

Мгновение Грант медлил, все еще глядя на кровать, а не на нее, затем резко мотнул головой в сторону двери:

— Это твое такси. Я сказал водителю, что через пятнадцать минут ты поедешь назад в отель. Похоже, наше время вышло.

Наше время вышло. Никаких тонких намеков. Она сразу поняла, что он имеет в виду. Между ними все кончено.

— И все? Думаешь, я просто уйду, когда ничего не решено? Грант...

Он, будто пощечиной, ожег ее яростным взглядом:

— Что еще тут решать? Мы приехали, чтобы забрать твой рюкзак. Вот он. У тебя. Моей матери придется найти способ вернуть тебе пять потраченных сотен и деньги за шесть месяцев аренды. Но, если честно, это уже не мои проблемы. Вы можете решить их между собой.

Она шагнула к нему:

— Прошу тебя! Можем мы просто поговорить? Я знаю, ты злишься на меня, и у тебя есть на это полное право, но мне хотелось бы, чтобы ты дал мне шанс все объяснить.

Он усмехнулся:

— Я считаю, что достаточно хорошо представляю себе, что к чему, и думаю, что был более чем любезен с вами, *мисс Мастерсон*. Может, ты привыкла, что с тобой нянчится команда твоего телешоу, но я не твой фанат и уже потратил на тебя достаточ-

но времени. Теперь делай что хочешь, а я вернусь с матерью в Мичиган.

Господи! Он был очень зол, ужасно зол, но ведь у них были совместные ночи, наполненные любовью и нежностью, и нужно было просто как-то заставить его это понять. Вспомнить о них. Нужно пробиться сквозь стену его горечи и цинизма. Заставить услышать себя.

— Грант, хочешь знать, почему я раньше не рассказала тебе обо всем? Почему не осмеливалась?..

Он опустил глаза и скрестил на груди руки. Грудь его вздымалась и опускалась от частого дыхания, и сердце Дилайни раскололось на части. Легче было принять его гнев, нежели боль.

Грант покачал головой и тихо ответил:

— Это неважно.

Может, для него это и было неважно, но не для нее. Дилайни точно знала, что если сейчас не выговорится, то потом будет об этом жалеть.

— Я не призналась тебе раньше, потому что мне нравилось, как ты смотришь на меня. Ты смотрел на меня так, будто я милая, будто я *достойна* того, чтобы обо мне заботиться, будто меня легко полюбить. Ты ничего не хотел от меня или моей семьи. И да, я солгала о деталях своей жизни, но все, что ты видел в последние несколько дней, было настоящим. Я не играла. Я полюбила тебя по дюжине разных причин, но в основном потому, как я чувствовала себя — как я чувствую себя сейчас, — когда я рядом с тобой. И правда в том, что неважно, насколько нам сейчас больно: я никогда не пожалею об этих днях, потому что это была лучшая неделя в моей

жизни. Никто еще не видел меня такой, какой видел ты. И больше никто не увидит.

Грант сжал челюсти. Она видела, как борются в нем противоречивые чувства, и вопреки всему надеялась, что он простит ее, но с улицы снова просигналило такси, и он потрянул головой, сбрасывая оцепенение. Потом прошел к двери гостевой спальни и открыл ее.

— Тебя ждет такси.

Дилайни не двинулась с места.

— Я не лгала, когда говорила, что влюбляюсь в тебя.

Он наконец посмотрел на нее. Его прекрасные глаза встретились с ее глазами, и она содрогнулась от боли.

— Мне плевать. — Он почти прошептал последнее слово, но оно ударило ее, словно плеть. — Тебя ждет такси, *Дилайни*.

Глава 23

— «Отель разбитых сердец», малышка, — произнес водитель, выруливая на подъездную дорожку гостиницы. У Дилайни хватило остатков разума, чтобы поразиться точности названия этого заведения. Вот уж действительно — «Отель разбитых сердец»! Ее собственное сердце и в самом деле было разбито, расколото на мелкие осколки и выброшено в мусорный бак. А судя по выражению лица Гранта в доме тети Тины, его сердце было наглухо заморожено. Он пылал яростью, но что еще хуже — Дилайни нанесла ему серьезную рану тем, что сделала и чего не сделала. Вне зависимости от обстоятельств он ее любил, а она все разрушила.

Она заплатила водителю, выбралась из машины и вошла в вестибюль отеля. Сегодня он казался более людным, чем в предыдущие дни. Скорее всего, прибыла еще одна волна отдыхающих, чтобы отметить день рождения Элвиса, хотя на этот раз Дилайни не заметила в толпе характерных синтетических комбинезонов. Может, просто пока слишком рано — еще даже не настал полдень, — и они переодеваются к вечеру.

— Вот она! — крикнул кто-то, и прямо рядом с ней ярко мигнула фотовспышка. Дилайни моргнула и отступила на шаг. Внезапно вестибюль

наполнился вспышками фотокамер, и в лицо ей направили множество микрофонов и телефонов. Люди выкрикивали ее имя. Настоящее имя.

— Дилайни! Она здесь! Расскажите, почему вы сбежали из дома!

— Дилайни, это правда, что вы оказались в любовном треугольнике с видеооператором и музыкантом?

— Дилайни, сколько денег вы получили от продажи видео с Бойдом Хэмптоном?

Вспышки, крики, тянущиеся к ней руки — от всего этого закружилась голова. Дилайни тонула в океане желтой прессы. Она попыталась вернуться к выходу, чтобы сбежать, но путь к отступлению перегородил мерзкий на вид папарацци.

— Эй, люди, полегче! Что вы напали на девушку? Дайте ей хоть вздохнуть! — послышался голос Финча, и в следующую секунду он уже держал ее за локоть и выводил из толпы. Тут был и Хамфри — он шел рядом, отгораживая ее от журналистов, которые пытались последовать за ними в лифт рядом с плакатом «Элвис 69».

— Это он? — крикнул кто-то из толпы. — Тот самый музыкант? Или видеооператор?

Когда они добрались до лифта и Финч нажал на кнопку вызова, ее всю трясло. А журналисты все выкрикивали вопросы:

— Вы надеетесь сделать личный спин-офф основного шоу?

— Будут ли новые пикантные видео?

Наконец дверь лифта отъехала в сторону, и Финч толкнул Дилайни внутрь. Хамфри перегородил

вход репортеру, который попытался проскользнуть в кабину вслед за ними.

— Эй, брось, парень! Не напирай! — Хамфри говорил так же мягко, как и всегда. Дверь закрылась, и внутри остались только трое: Дилайни, Финч и Хамфри.

Финч осторожно убрал волосы с ее лица:

— Как ты, малышка?

Она подняла на него глаза. Казалось, его голос доносился откуда-то издалека или с большой глубины. В ушах у нее шумело. Ей было одновременно и жарко, и холодно, кожа зудела, накатывала тошнота. Она почувствовала, как ее сжимают стены лифта... а потом все потемнело.

* * *

Дилайни очнулась оттого, что ко лбу прижали холодную ткань. Аромат приторно-сладких духов Сисси вызвал еще одну волну тошноты. Дилайни открыла глаза и увидела, что ее окружили знакомые лица: Реджи, Хамфри, Финч, Сэмми, Сисси и Кларк. Она почувствовала себя Элли, вернувшейся из Изумрудного города. Но Дилайни оказалась не в Канзасе, а в номере «Грейсленд» «Отеля разбитых сердец». Она определила это по сочетанию лимонно-желтого и ярко-синего декора. Это была копия телевизионной комнаты Элвиса¹⁹.

— Она очнулась, — заметил Финч. Он сидел рядом и держал холодную тряпочку на ее лбу.

¹⁹ Имеется в виду телевизионная комната (TV room) в поместье Элвиса Грейсленд.

Дилайни попыталась сесть, но чья-то рука мягко удержала ее за плечо.

— Полежи-ка немного, малышка. Приди в себя. И дай мне тоже минутку, чтобы прийти в себя: я в лифте едва не обмочился. Ты меня до смерти напугала.

— Что произошло? — спросила она слабым голосом.

— Репортеры налетели на тебя, словно рой бешеных пчел, и ты упала в обморок. Как ты вообще себя чувствуешь?

— О боже! Репортеры! — Она посмотрела на Реджи. — Они называли меня Дилайни. Как они узнали, что я здесь? — Голова снова закружилась, и она закрыла глаза, а когда открыла, то поняла, что остальные тоже все про нее знают. И должны ее презирать. Хотя на их лицах читалась только тревога.

Реджи пристально поглядел на нее и покачал головой:

— Я не знаю. Но, очевидно, кто-то навел их на след.

— Ты вернулась одна? Я не видел в вестибюле Гранта, — добавил Хамфри.

Ее снова замутило. Дилайни и раньше думала, не настигнет ли ее паническая атака, но не серьезно, а вот сейчас не сомневалась, что именно это с ней и происходит. Или она чем-то отравилась. И плюс к отравлению заработала ишемическую болезнь сердца. И туберкулез. Или все это из-за того, что за несколько последних часов ее жизнь развалилась на части.

Она попыталась глубоко и медленно вдохнуть и тоже посмотрела на Реджи. Если она сосредоточит взгляд на чем-то одном, то, возможно, комната наконец перестанет вращаться?

— Грант остался у тети, — произнесла она между вдохами. — Он очень на меня разозлился. Он все знает. — Паника медленно сменялась оцепенением. Так было даже лучше, потому что иначе она начнет рыдать, а рыдания еще никогда никому не помогали. К тому же, если ей снова придется столкнуться с репортерами, нельзя, чтобы глаза были красными от слез. Именно об этом стоило волноваться девушке типа Дилайни Мастерсон.

Финч перевернул мокрую тряпочку на ее лбу на другую сторону — замечательно прохладную.

— За Капитана Америку не волнуйся, — произнес Реджи. — Он справится.

Она снова попыталась сесть на лимонно-желтом диване, на который ее уложили, и тряпочка упала со лба.

— Не думаю. Он считает, что я затеяла все это, чтобы подогреть к себе интерес, и толпа репортеров в отеле только еще сильнее убедит его в этом. Он решит, что я сама их вызвала. Мне нужно быстрее убираться отсюда.

Она оперлась рукой о плечо Финча, чтобы не упасть, и поднялась на ноги. Кларк подхватил ее под локоть с другой стороны. Господи! Когда она успела стать настолько уязвимой? Она никогда такой не была. Или... по крайней мере, не хотела быть.

— Хочешь, мы отведем тебя в твой номер? — спросил Хамфри.

— Нет, я имела в виду не просто уйти из этого номера, — я хочу быстрее уехать из гостиницы. Из Мемфиса.

— Ой, дорогая, не говори глупостей, — вмешалась Сисси. — Сядь, пожалуйста, и я принесу тебе минералки. Ты блее, чем булочки Кларка, и тебе еще нужно отдышаться.

Дилайни хотела возразить, но не смогла, поскольку гравитация опять притянула ее к земле. Бедняжка обнаружила, что снова сидит на желтом диване.

— Я принесу тебе воды, — сказал Хамфри и пошел к мини-версии зеркального бара Элвиса.

— Может, тебе просто нужно немного поболтать с репортерами и рассказать им, что же произошло на самом деле? А мы все сможем позировать для фотографий, — заметила Сисси, поправляя налакированную копну волос.

Дилайни покачала головой:

— Нет. Никаких разговоров. Никаких фотографий. Их не интересует, что произошло на самом деле. Им просто нужно за что-то зацепиться, чтобы сфабриковать сенсационные заголовки. Ты же слышал, что они кричали, да, Финч? Про любовный треугольник. Откуда вообще у них возникла такая идея?!

Хамфри протянул ей стакан с чем-то шипучим:

— Держи. Выпей.

Дилайни несколькими глотками осушила стакан с минеральной водой. Похоже, из-за обморока ей очень захотелось пить. Потом она по очереди посмотрела на всех, кто ее окружил. Мужчины сели, но Сисси осталась стоять, и все смотрели на Ди-

лайни так, будто у нее вот-вот отрастут оленьи рога или она превратится в соляной столб.

— Послушайте, — проговорила Дилайни, — я должна извиниться перед вами. Я очень сожалею, что солгала о том, кто я такая. Мне просто не хотелось все усложнять.

Кларк сдвинул на затылок ковбойскую шляпу:

— Да о чем разговор, милая. Мы понимаем. Сисси еще вчера все рассказала мне о твоих бедах.

Тыльной стороной ладони Сисси не слишком деликатно двинула его в плечо.

— Вчера? — Дилайни посмотрела на Сисси. — Ты еще вчера знала, кто я такая?

Нарумяненные щеки Сисси окрасились в ярко-вишневый цвет.

— Ну разумеется. Я же не дурочка. Я сразу догадалась, кто ты, как только мы пришли сюда и ты начала примерять мои блузки. По татуировке с колибри, вот здесь. — Сисси показала на свое плечо. — Я и до этого догадывалась, но татуировка все подтвердила.

Татуировка. Потрясающе. Значит, Сисси и видео тоже видела. Хотя сейчас это уже не имело значения. Что сделано — то сделано.

— Почему ты мне не сказала? — спросила ее Дилайни.

Сисси пожала плечами, отчего ее замечательная грудь подпрыгнула.

— Не знаю. Я подумала: ну ведь ты же не зря держишь это в секрете, а если я пойду и всем разболтаю, ты просто опять сбежишь. Но... — Она чуть помедлила, и лицо ее стало совсем пунцовым.

— Ох, Сисси, — покачал головой Кларк. — Ты же не сохранила секрет, это точно.

Он не спрашивал. Он утверждал. Сисси хотела было возмущенно скрестить на груди руки, но не смогла из-за бюста, так что она просто уперла их в бока.

— Ну простите, конечно, но ведь Реджи вроде бы тоже знал. И, бога ради, ведь в «Фейсбуке» полно ее фотографий. Ее и без меня отлично могли найти.

— Кому ты все рассказала, крошка? — спросил Кларк. — Только не говори, что своей маме, потому что все мы знаем, что твоя мама не сможет хранить секрет, даже если сам Господь Вседержитель зажмет ей рот своей дланью.

Глазки Сисси забегали по сторонам — она не хотела встречаться ни с кем взглядом.

— Ох, Сис, — сокрушенно заметил Реджи. — Даже мне известно, что твоя мама не умеет хранить секреты. О чем ты думала, когда рассказала ей?

Сисси заметно ошетибилась и сверху вниз посмотрела на Реджи:

— Я думала о том, что вот я сижу и ем рыбу и ребрышки рядом с той самой Дилайни Мастерсон, и хотя я за всю свою жизнь еще ни разу не смогла впечатлить мою мамочку своими достижениями, может, она впечатлится хотя бы сейчас, когда узнает, что та самая Дилайни Мастерсон была в моем номере отеля и носит одну из моих блузок. Вот так. Вот о чем я думала.

Все мужчины в номере хмуро смотрели на Сисси. Дилайни понимала, что это нечестно.

— Слушайте, ребята, это уже неважно. Никто не обязан хранить мои секреты. И Сисси права. Мои фото есть в «Фейсбуке». Я у всех на виду играла на пианино. Я слонялась по вестибюлю опять же у всех на виду. И любой, кто меня видел, мог узнать. Можете поверить: если репортеры хотят кого-то найти, то найдут. Так что пора мне встретиться с ними, но на своих условиях. — Дилайни встала, чувствуя себя немного сильнее, чем минутой назад. — Думаю, пришло время лететь домой. Я наконец-то вернула документы, телефон и ноутбук. Больше в Мемфисе меня ничто не держит.

— А как насчет видеооператора? — спросил Финч.

На ее глаза навернулись горячие слезы, но она сдержала их. Только не здесь. Не перед всеми. Но вопрос был уместным. Как насчет видеооператора? Что она собиралась делать с Грантом?

— Думаю, что теперь я сама по себе, Финч. Он сказал, что вместе с матерью вернется в Мичиган. А я возвращаюсь в Беверли-Хиллз. Как-то так.

Сама она ни секунды не верила своим словам. Ее сердце отчаянно протестовало. Грант может сколько угодно говорить, что ему плевать, но она отлично знала: это не так. И он вернется к ней. Он вернется в отель, и они смогут поговорить, и она сумеет все исправить. Когда он успокоится, все снова будет хорошо.

* * *

Дилайни Мастерсон, похоже, недооценила, сколько времени нужно Гранту Коннелли, чтобы

успокоиться. После обеда от него все еще не было ни слова, и чем дольше она ждала, тем хуже себя чувствовала. Она будто подхватила сразу десяток смертельных заболеваний. Ужас накладывался на сожаление, которое накладывалось на душевную боль. Все это изматывало ее.

Ближе к вечеру в дверь постучали, и в ней вспыхнул слабый огонек надежды, но это оказался всего лишь Реджи.

— Лапушка, у тебя такой расстроенный вид. Я не буду принимать его на свой счет, ладно? Я принес тебе спагетти из «Комнаты джунглей». Ты, наверное, уже проголодалась, да?

Он вошел в номер, держа в руках бежевый пластиковый поднос с прикрытой сверху тарелкой и двумя бутылками пива.

Есть ей совсем не хотелось. Желудок у нее завязался в столько узлов, сколько не было и на детской шапочке, связанной барабанными палочками. Но она все же указала на стеклянный столик, чтобы Реджи поставил туда поднос. Она надеялась, что обе бутылки пива предназначены ей, и не потому, что не хотела, чтобы Реджи побыл с ней в номере, — просто одной бутылки ей сейчас явно будет мало.

— От твоего ковбоя что-нибудь слышно? — спросил Реджи. Он отвернул крышку с одной из бутылок и передал ей пиво.

— Нет. Я отправила ему три сообщения, но он так и не перезвонил. Сомневаюсь, что он вообще когда-нибудь перезвонит.

Она произнесла это вслух, и душа будто превратилась в айсберг, который потопил «Титаник», —

грубый, ледяной, разрушительный. Она никому не собиралась причинять боль, но ее действия привели к катастрофе.

Дилайни с ногами забралась на белый диван из искусственной кожи. Реджи присел рядом.

— Я даже написала ему сообщение, что мне нужно забронировать билет на самолет, и я хотела бы поговорить с ним перед отъездом из Мемфиса, но... он ничего не ответил.

— А ты уже забронировала билет? — Реджи отпил глоток пива.

Дилайни кивнула:

— Да. Я вылетаю завтра в полдень. Примерно час назад я разговаривала с сестрой и сказала, что возвращаюсь домой. Она говорит, что продюсеры в нетерпении — хотят снять специальный выпуск реалити-шоу обо всем, что со мной произошло. Устроить что-то типа пресс-конференции. Из-за того, что меня искали с полицией, вся эта история вышла совсем на другой уровень. — На ее глаза снова навернулись слезы.

Она думала, что уже выплакала все, что было возможно, пока разговаривала с Мелоди, однако, похоже, жидкости в организме оставалось еще немало. По щекам тонкими струйками побежали слезы, но она быстро вытерла их. Дилайни Мастерсон, возможно, сбежала из дома и скрывалась непонятно где, но она точно не плакса.

Она снова вытерла эти глупые бесполезные слезы:

— Все, что я сделала, Реджи, произвело противоположный эффект, и журналисты теперь

интересуются мною гораздо больше, чем до этого. Я начинаю думать, что смысл моей жизни — стать предостережением для других.

Реджи усмехнулся и по-братски похлопал ее по ноге.

— Ой, милая, только не плачь. Может, тебе просто нужно найти во всем этом положительную сторону. — Из стоящей на кофейном столике коробки он вытащил салфетку и передал ее Дилайни.

Она высморкалась.

— Положительную сторону? Ты что, не слушал меня? Я втянута в сексуальный скандал. Полиция считает, что я инсценировала собственное исчезновение, а мужчина, которого я люблю, думает, что я — фальшивка и лгунья.

Он широко распахнул темные глаза и внимательно посмотрел на нее.

— Мужчина, которого ты любишь? Со вчерашнего дня ты сильно продвинулась, да? Я думал, он всего лишь твой арендодатель.

Дилайни бросила на стол мокрую от слез салфетку:

— Вчера мы провели замечательную ночь.

Реджи рассмеялся:

— Разумеется. Смотри, чем мужчина круче, тем больнее ему падать. А твой чувак из тех, кто падает особенно больно. Но он придет в себя. Я уже говорил, у него был точно такой же идиотский влюбленный вид, как и у тебя.

Она вздохнула:

— Ты просто не видел его, когда он ворвался сюда и швырнул мне под ноги этот журнал. —

Она показала на обложку лежащего на кофейном столике бульварного издания. Реджи наклонился и поднял его. От одного взгляда на обложку ей становилось дурно, но она все же прочитала статью, чтобы знать, какую ложь принял за правду Грант. Ее желудок скрутило в новый узел. — Статья просто ужасная. И все эти цитаты из «источников, близких к...» обычно означают, что их придумали сами журналисты. Они уже обвинили меня в чем только можно. Кроме, пожалуй, беременности от инопланетянина. — Она сделала большой глоток из бутылки. — Сейчас репортеры намекают на какой-то любовный треугольник. Кто-нибудь знает, что ты здесь? Ты тоже в итоге можешь попасть в их репортажи.

Он швырнул журнал обратно на столик:

— Я с удовольствием стану третьим углом твоего вымышленного треугольника. Ты ведь знаешь, как говорят? «Плохой пиар тоже пиар».

Она поставила бутылку на столик рядом с глянцевой обложкой со своей фотографией.

— Готова поспорить, что человек, который это сказал, никогда не пытался сбежать от сексуального скандала.

Реджи наклонил голову:

— Может, и нет, но мне кажется, что бежать от него так же бесполезно, как от медведя.

— Почему?

Он пожал плечами:

— Удрать невозможно. Так что лучше всего оставаться на месте и не двигаться.

— Не двигаться? Как мне это поможет?

— Если ты замрешь на месте, медведь съест тебя только в том случае, если очень голоден.

Похоже, либо он, либо она чего-то не понимали. Совет, который годился для сельского жителя, ничем не мог помочь девушке из Калифорнии.

— Замечательно! Вот только репортеры не медведи. Они скорее... пираньи, или акулы, или... я даже не знаю. Какие животные могут разорвать жертву на части просто ради забавы?

— Ладно, тогда это акулы. Ты знаешь, как бежать от акулы?

— Нет.

— Это потому, что ты не можешь плыть быстрее нее. Но ты можешь ударить ее в нос. Можешь перейти в наступление и напугать ее. Может быть, в данной ситуации тебе стоит поступить именно так.

— Перейти в наступление? — Каким-то образом аналогии из животного мира трансформировались в военную терминологию.

— Да. Бог свидетель, малышка: меня трудно обвинить в переоценке ситуации, но я знаю, что лучше встретить беду лицом к лицу, чем пытаться бежать от нее. Стой на своем. — Он положил ноги на кофейный столик, одну на другую. — Я знаю, это не мое дело, но если бы ты была моей девушкой и кто-нибудь обнаруживал бы видео, как тот мерзавец, я постарался бы прищучить его всеми возможными способами. Подать на него в суд; написать заявление в полицию, чтобы его арестовали; натравить на его задницу парочку ротвейлеров, ну и все в таком духе. Мне видится, что во всем виноват именно он.

Щеки Дилайни порозовели.

— Я ведь тоже не ангел.

— Ты ведь знаешь о принципе невмешательства в частную жизнь? — спросил Реджи с самым серьезным выражением лица.

— Что? — На ее лице было написано очевидное изумление.

Реджи хохотнул и отхлебнул еще пива.

— Ну ладно, может, я слишком часто смотрел передачу «Закон и порядок», пока мы путешествовали в нашем автобусе. Но я не шучу. Посоветуйся с адвокатом — мне сдается, что твой бывший парень поступил отвратительно и несомненно нарушил закон. Я имею в виду, ну, ты же знаешь, я люблю девочек, и порой мы с ними такое вытворяем в автобусе... но я никогда, никогда в жизни не снял бы на видео девочку без ее на то согласия. Настоящий мужчина себе такого не позволит. Я вижу, что ты пытаешься сбежать от скандала, но стыдно должно быть прежде всего ему. Разве не так?

Дилайни никогда не рассматривала произошедшее в таком ключе. Она была ужасно занята, чувствуя себя жертвой, и даже не подумала, что вся вина лежит на Бойде. Бойд предал ее доверие. Он использовал их отношения ради известности и материальной выгоды, и его не заботило ее унижение. Так что красивым поступок Бойда и правда не назовешь, совсем наоборот.

Реджи отпил еще глоток:

— А знаешь, что еще? Думаю, тебе стоит рассказать о детских шапочках.

— О детских шапочках? Почему?

— Ну да, о шапочках. Ты беспокоишься, что о тебе подумают люди, и сейчас ты в центре внимания, так воспользуйся шансом и расскажи, что ты делаешь хорошего, как ты вяжешь шапочки для всех этих бедных лысых детишек. Если ты подкинешь репортерам какую-нибудь позитивную фишку, возможно, они вместо гадостей напишут именно о ней. Говорю тебе, лапушка: все дело в том, как ты все подашь. Ты же звезда, и ничего не можешь с этим поделать, а люди очень любят истории о возвращениях. Так расскажи им, что сбежала из дома, чтобы найти себя, или что-нибудь в таком же возвышенном духе. Ты же из Калифорнии. Они легко на это купятся. Расскажи, сколько бед ты перенесла и как благодаря им выросла как личность. Черт, да говори что хочешь — только сама направляй их движение. Будь пастушьею овчаркой, а не овцой.

— Мы снова перешли на аналогии из мира животных? А если мне не поверят?

Реджи нахмурился и перевел взгляд на потолок, потом снова посмотрел на нее:

— Если не поверят — тогда хрен с ними. Милая, ты не можешь контролировать все, что люди делают и что они говорят. Ты можешь контролировать только свою реакцию на их действия и слова. Суть в том, что тебе нужно решить, ради кого ты живешь эту жизнь. Ради себя или ради них?

Дилайни взяла свою бутылку и сделала глоток.

— А ты умные вещи говоришь, Реджи. Мне кажется, в этом что-то есть.

Он гордо надулся, затем убрал ноги со столика и сел прямо.

— Я хорошо скрываю свою великую мудрость. Но вот что я хочу сказать: мне ужасно не хочется оставлять тебя в одиночестве, но нам с ребятами нужно отыграть тут еще два вечера. Хочешь спуститься в лаунж-бар?

Уже так поздно? Наступил вечер, а от Гранта все еще ни слова.

— Нет. Думаю, сегодня мне лучше не показываться никому на глаза. Я просто останусь в номере и съем спагетти. В одиночестве.

— Может, твой чувак еще заявится, — заметил он.

— Вряд ли. Я вообще не думаю, что он вернется. Реджи сочувственно потрепал ее по плечу:

— Прости, милая. Я приударил бы за тобой, если бы знал, что тебе от этого станет легче.

Она улыбулась ему в ответ, истратив на улыбку последние силы:

— Спасибо, Реджи. Я ценю твои старания. Насчет ухаживаний я пас, но, как думаешь, сможешь ли ты проводить меня завтра в аэропорт? Мне нужно будет выехать из отеля примерно в половине десятого, и, если честно, я не совсем готова к повторению сцены с репортерами в аэропорту. А когда я долечу до Лос-Анджелеса, то, скорее всего, уже буду в порядке. Дома и стены помогают.

Он поднялся:

— Безусловно. С удовольствием. Кстати, насчет удовольствия — ты действительно не хочешь, чтобы я пришел после концерта и подоткнул тебе одеялко? Тебе точно не помешает немного тепла и ласки. — Он выразительно поднял бровь, но она

видела, что это просто шутка. На лице у него читалось только сочувствие. Дилайни поняла, что даже Реджи считает любовь Гранта делом прошлого, и ей стало еще хуже.

Да, ей не помешали бы тепло и ласка. Но от Гранта. Она отчаянно ждала его звонка, его возвращения в отель. Она хотела, чтобы он поцелуями стер с ее лица слезы и сказал, что все понял. Она очень хотела, чтобы он простил ее и чтобы он любил ее.

Да, она отчаянно в этом нуждалась, но ничего подобного ей не светило.

Все, что достанется ей сегодня вечером, — тарелка с холодными спагетти.

Глава 24

Грант, перезвони мне, пожалуйста. Завтра утром я вылетаю в Лос-Анджелес, но мне очень, очень нужно поговорить с тобой. Я буду в отеле до 9 утра. Мне очень жаль, что так вышло.

Девушка, которую раньше он знал под именем Элейн Мастерс, прошлой ночью отправила ему это сообщение, но он выключил телефон и не видел эсэмэски до сегодняшнего утра. Три ее голосовых сообщения он удалил, даже не прослушав. Вообще говоря, Грант специально выключил телефон, чтобы избежать разговора с ней, зная, что искушение перезвонить будет слишком велико. Если бы он перезвонил, они стали бы снова и снова обсуждать все, что случилось. Она опять извинялась бы перед ним, пытаясь объяснить, почему солгала, но лучше бы ему от этого не стало. С учетом всех обстоятельств ее сожаления не имели никакого значения. Они не могли исправить того, что он отдал свое сердце миражу. Девушке из дыма и зеркал. И поэтому чувствовал себя дураком.

Скорее всего, вести себя так опрометчиво его заставили ее свежесть и новизна. Свежесть ощущений: никогда раньше в его доме не жила девушка, не лежало мыло со сладким цветочным

запахом, а в стирку не попадало кружевное белье. Только зомби не стал бы жертвой ее очарования, и ему пришлось сыграть роль рыцаря без страха и упрека и защитить попавшую в беду прекрасную даму. В целом это было забавно и даже волнующе, но он позволил ей втянуть себя в эту вакханалию лжи. Ввергнуть в безумие. Он ведь отлично знал, что не все, что кажется настоящим, является таковым.

Он думал, что никогда не купится на подобный трюк, но в итоге повел себя как дурак. Влюбленный идиот. И братец его такой же идиот со всеми его рассуждениями типа «когда ты встретишь своего человека, то сразу это поймешь» и подобной чушью. Никто не может знать, когда любовь настоящая, а когда нет. Если она вообще бывает настоящей. Разве его собственная мать не продемонстрировала ему это своей коллекцией мужей?

С матерью был связан отдельный клубок проблем. Если, пока Гранта не было, все подобные заботы о ней брал на себя Тайлер, то Грант задолжал брату по меньшей мере ящик шотландского виски.

Он сидел на кухне тети Тины и пил кофе, такой же черный и горький, как и его настроение, и никакое количество сахара не смогло бы его подсластить. Напротив него за столом рядом с Тиной сидела Донна. Они молча позавтракали, и теперь мать с отсутствующим видом поигрывала красно-белой кофейной чашкой.

— Тебе нужно вернуться домой вместе со мной, мама, — наконец произнес он, поставив свою чашку на стол.

Донна перевела на него взгляд и кивнула.

— Я знаю. Я готова. Вчера вечером, когда ты пошел спать, я позвонила Карлу, и он очень обрадовался, что я скоро вернусь. — Она медлила, рассматривая донышко чашки. — Когда я покидала его, то не собиралась бросать насовсем. Только на время.

— Возможно, тебе стоит аккуратнее выбирать выражения для своих записок.

Она неопределенно пожала плечами — этот жест у нее всегда был такой... неопределенный.

— Возможно.

Голова у него болела от бессонной ночи и обилия мыслей о... Лайн. Он привык звать ее именно так. Лайн, потому что имя Дилайни звучало так незнакомо, а Элейн... ну, это было не ее имя.

Боль становилась все сильнее и сильнее, пока он наконец не сказал матери:

— Нам нужно серьезно поговорить насчет воровства.

Глаза Донны вмиг наполнились слезами.

— Я знаю. Я так хорошо справлялась, но эта свадьба совершенно выбила меня из колеи, а потом ты вернулся, приехала родня, и началась такая суматоха... А потом мы с Тиной приехали к тебе, и я увидела коричневый рюкзак, битком набитый деньгами, ну и... ну я же тебе говорила: он так отлично смотрелся с моим пальто.

Грант хотел разозлиться на нее, уже был почти на грани, но понимал, что руганью тут не поможешь. Он спросил, стараясь говорить как можно спокойнее:

— Ты ведь *понимаешь*, что брать чужое — это плохо, правда? Понимаешь, что для воровства не существует уважительных причин?

Она вызывающе выпятила подбородок:

— Разве ты никогда не смотрел «Отверженных»? Им приходилось воровать хлеб, потому что они умирали с голоду! Ты считаешь, что им нужно было голодать?

Грант беспомощно посмотрел на Тину.

— Донна, — произнесла та намного мягче, чем Грант, — красть еду, когда ты умираешь с голоду, — это не совсем то же самое, что украсть чужие деньги только потому, что ты на них наткнулась. И ты это знаешь.

Мать вытащила из рукава своей зеленой толстовки мятую салфетку и приложила к носу. Она выглядела жалкой и грустной, и Грант впервые ощутил прилив сочувствия. Его так долго не было дома. Он с пренебрежением считал, что все ее проблемы заключаются в пристрастии к азартным играм и вспышках kleптомании, однако в глубине души знал, что дело совсем не в этом. Отчасти именно поэтому он давно не приезжал домой и ничем не помогал матери. И семье тоже не помогал. Он был слишком занят — проживал собственную жизнь, полную приключений, и в результате все семейные заботы свалил на Тайлера. Может быть, если бы Грант лучше поддерживал с ними связь, чаще навещал мать, она сейчас была бы в лучшей форме. Да, ее проблемы нужно было решать все-таки ей самой, но это не значит, что он не должен был вмешаться и оказать посильную помощь.

— Прости меня, мама, — будто со стороны услышал он собственный голос.

— Простить тебя? — спросила она.

— Я прошу у тебя прощения за то, что редко с вами связывался, и тебе, наверное, было тяжело от этого. После смерти отца я должен был чаще появляться дома. Я во многом винил Хэнка, но после того как он исчез, у меня не осталось веской причины не приезжать домой.

Губы матери задрожали:

— Я знаю, как тебе было трудно. Я совершила большую ошибку, когда вышла замуж за Хэнка. Очень большую ошибку, но тогда я считала, что поступаю правильно. Я думала, он позаботится о нас, но он не стал этого делать.

Тина похлопала сестру по руке:

— Ты сделала все, что могла, Донна.

Донна кивнула, но посмотрела на Гранта:

— Я знаю, как это выглядело со стороны. Как будто я вышла замуж, потому что забыла твоего отца. На самом же деле я вышла замуж, потому что не знала, как жить без него. Я так сильно любила его, и мне так его не хватало... Я просто не знала, что мне делать с самой собой. Сердце мое было разбито. Оно разбито до сих пор. Карл — хороший человек, но не сравнится с твоим отцом.

Она моргнула, смахивая с глаз слезы, и Гранта захлестнула волна сострадания. Он так долго злился на мать за то, что она предала память отца, но сейчас наконец понял, как болит разбитое сердце. Если мама испытывала к отцу такие же чувства, как он

испытывает к Лайн, тогда все прошлые события обретали смысл, потому что сама мысль о будущем без Лайн опустошала его.

Грант кивнул:

— Мама, я знаю, что упустил много возможностей вновь стать частью семьи, и когда мы вернемся домой, постараюсь это исправить. То есть мне все равно нужно будет путешествовать, мне нужно будет работать, но я обещаю чаще появляться дома. Тайлер говорил, что ты пыталась разобраться со своими проблемами с помощью психолога. Он прав? Может, нам стоит приложить немного больше усилий в этом направлении? Как насчет того, чтобы я позвонил ему и вкратце рассказал о том, что происходит?

Донна согласилась:

— Думаю, это хорошая мысль.

— Отлично. А пока мне, возможно, стоит забронировать нам на завтра или послезавтра билеты на самолет. Я не уверен, что выдержу обратную дорогу за рулем. Да и машины ни у кого из нас нет.

Донна посмотрела на Тину:

— Я надеялась подольше погостить у тебя, но, похоже, учитывая обстоятельства, мне и правда пора домой.

Тина кивнула с видимым облегчением:

— Учитывая обстоятельства, мне тоже кажется, что ты должна скорее вернуться домой.

* * *

Когда после полудня в «Комнату джунглей» вошел Грант, там было довольно тихо, но за барной

стойкой сидели Финч и Хамфри. Он не знал, что им сказать. Он даже не был уверен, злится ли до сих пор на Лайн или грустит, или у него просто разбито сердце. Он даже не совсем понимал, зачем вернулся сюда, ведь Лайн уже уехала.

Он сел за стойку рядом с Финчем.

— Что стряслось, Оператор? — Финч разочаровался в нем — это было ясно по голосу.

— Да ничего особенного. — Грант подозвал официантку и попросил принести пиво. — Сколько вечеров вы еще будете тут выступать? — спросил он, пока она наливала пиво в кружку.

— Сегодня последнее выступление. Завтра мы уезжаем в Нэшвилл. Ты ведь знаешь, что Дилайни уже улетела, да?

Сердце у него екнуло. Он кивнул и порадовался тому, что официантка оказалась расторопной и почти сразу поставила перед ним пиво. Поднимая кружку, он проговорил:

— Да. Она прислала мне сообщение. Написала, что уже вылетает в Лос-Анджелес. Ну и отлично.

— Ты ведь на самом деле не считаешь, что она сама слила то видео, правда? — спросил, хмуро сдвинув брови, Хамфри. Его привычная улыбка исчезла. На Гранта тут явно злились, но ведь именно Дилайни все время лгала. Каким же образом Грант превратился в злодея?

— Я не знаю, что думать. Она не первая знакомая мне девушка, которая плетет интриги. Моя предыдущая подруга бросила меня ради Блейка Рокстоуна, потому что он пообещал сделать ее телезвездой.

Он произнес слово «подруга», и оно показалось ему пустым. После того, что случилось у него с Лайн, называть так Миранду было нелепо. Ничего похожего на подобную глубину чувств у них не было, и сравнивать их — все равно что сравнить фонарик с солнцем.

Финч медленно покачал головой и уставился на свою кружку с пивом.

— Она не вызывала репортеров, Грант. Дилайни не имеет к ним никакого отношения.

— Это точно, — резко вставил Хамфри. — Слава богу, мы с Финчем сумели выдернуть ее из толпы журналистов, пока все не стало совсем плохо.

Грант чуть не поперхнулся:

— Выдернули ее из... погодите, о чем вы вообще?

Финч и Хамфри переглянулись, затем Финч повернулся к Гранту.

— Полагаю, ты об этом не знал. Потому что если бы знал, не отправил бы ее в отель одну. Малышка вчера возвращается, а вестибюль кишит репортерами. Они практически набросились на нее, но мы с Хэмпом оказались в нужное время в нужном месте и умыкнули ее у них из-под носа, — пояснил Финч.

— Вообще говоря, — добавил Хамфри, — мы сидели на этом самом месте и попивали, как и сейчас, пиво.

Финч кивнул:

— Так все и было, сэр. Мы услышали какой-то шум и пошли посмотреть, что за фигня творится, и видим — стоит она посреди толпы, белая как мел.

— К тому же журналюги оказались очень агрессивными, они выкрикивали оскорбительные вопросы, и неудивительно, что она отключилась, — сказал Хамфри.

Грант поставил кружку на стол гораздо резче, чем хотел:

— Она — что?!

— Упала в обморок, — пояснил Финч. — Потеряла сознание. Напугала меня до усрачки. Она вроде мелкая такая, но тащить ее, когда она без сознания, очень тяжело. Можно мне виски? — спросил он у официантки, будто желая залечить неприятные воспоминания.

Грант залпом осушил кружку и попросил вторую. Лайн упала в обморок? Из-за репортеров? Не очень похоже на девушку, которая ищет внимания и славы. Он почувствовал нарастающее раскаяние и пылкое желание восстановить голосовые сообщения, которые он удалил, не прослушав.

— А что было потом? — спросил он.

— Мы вместе с ней поднялись в номер, и Хамфри принес ей воды, — сказал Финч.

Хамфри глубокомысленно кивнул, подтверждая его слова.

Голова Гранта кружилась от новостей и еще, наверное, от того, что он залпом осушил кружку пива.

Лайн упала в обморок, а его не было рядом. Что, если бы Финча с Хамфри тоже не оказалось здесь? Что, если бы произошло что-то ужасное? Мозг его развернул обширный список возможных неприятностей, но Грант попытался стряхнуть с себя чувство

ответственности за ее судьбу. Он не был обязан ее опекать, но почему-то все равно ощущал такую потребность.

Похоже, это чувство пройдет не сразу. Но оно должно пройти, потому что его, Гранта, больше не будет рядом с Лайн. Хотя не похоже, что ее проблемы с прессой закончились, ведь она возвращается в Лос-Анджелес, где все будет еще хуже.

— Когда у нее вылет? — спросил Грант. Несмотря на выпитое пиво, горло у него пересохло.

Официантка поставила перед Финчем бокал с виски, и музыкант задумчиво повернул его на стойке перед собой.

— Я точно не помню. Сегодня утром они выбрались через черный ход, потому что несколько упрямых репортеров разбили лагерь перед главным входом в отель.

— Они?

— Ага. Реджи повез ее в аэропорт. Он с минуты на минуту должен вернуться, — ответил Хамфри.

Финч, прищурившись, посмотрел на Гранта:

— И не надо снова делать такое ревнивое лицо, дорогуша. Судя по всему, Реджи не собирается отбивать у тебя твою девушку.

Похоже, что и этому чувству нужно время, чтобы совсем исчезнуть. Он не имел никаких прав ревновать Лайн или осуждать ее действия. Она была для него незнакомкой во всех смыслах этого слова.

— Она не моя девушка, — произнес он тихо. — Я не знаю, кто она. Я даже не уверен, что между нами что-то было.

Хамфри низко склонил голову:

— Что бы это ни было, мне казалось, это была отличная штука.

Грант покачал головой, будто пытался спорить не с ним, а с самим собой, потому что так оно и было.

— Я даже не знал ее настоящего имени. Я думал, что у ее семьи мыловаренная компания в Майами.

— Мыловаренная? — Финч усмехнулся.

— Да. Думаю, что если я не сумел распознать вранье, то, возможно, заслужил все, что случилось со мной.

Кончиками пальцев Финч подтолкнул к Гранту бокал с виски:

— Держи, Оператор. Мне кажется, тебе это нужнее, чем мне.

Глава 25

Сесть в Лос-Анджелесе было все равно что вернуться в земную атмосферу. Во-первых, тут было тепло, а Дилайни Мастерсон не чувствовала настоящего тепла с тех самых пор, как пересекла на своем желтом «фольксвагене» границу штата Калифорния и отправилась в Мичиган. Она засучила рукава кислотно-розового свитера, который ей отдала Сисси, и снова пожалела, что утром в аэропорту Мемфиса ей не хватило времени забежать в магазин и купить что-нибудь менее кричащее. Тяжело проскользнуть незамеченной сквозь толпу в ярко-розовом свитере. Сисси дала девушке и свои запасные джинсы. Они жали и были коротковаты, но собственные джинсы Дилайни остро нуждались в стирке. Она не могла ходить в них еще целый день.

Низко опустив голову, Дилайни прошла по терминалу аэропорта. Рюкзак «Луи Виттон» она перекинула через плечо, на глаза надвинула бейсболку с надписью «Университет Мемфиса» и надела огромные солнечные очки, которые купила перед отъездом в сувенирной лавке отеля.

Прощание с Кларком, Сисси, Сэмми, Хамфри и Финчем вышло грустным, будто она расставалась с родными перед долгой поездкой в другую страну. Все говорили «ах, как жаль» и «нужно оставаться

на связи», и Дилайни искренне надеялась, что их общение действительно продолжится. Они очень сдружились за последние несколько дней и пережили вместе такое, чего не понять человеку со стороны.

Реджи даже прослезился, когда прощался с ней в аэропорту Мемфиса. Или, может, ему было плохо с похмелья. Сложно сказать.

— Удачи тебе, лапушка, — прошептал он на ухо Дилайни, быстро обняв ее на прощанье. — Если понадобится помощь, ты ведь знаешь, кому звонить, правда? Финчу. Сразу звони Финчу — только не мне. — Они дружно рассмеялись, и он обнял ее еще раз.

— Спасибо тебе, Реджи. Спасибо за все. И не забывай: если ты однажды окажешься в Калифорнии, я познакомлю тебя с папой. Так что приезжай. Сможешь сыграть вместе с ним. Я обещаю.

— Ты назначаешь мне свидание! — Он улыбнулся, затем отвернулся и ушел раньше, чем она успела сказать что-то еще. Из всех «Райских братьев» больше всего она будет скучать по Реджи.

Но ничто не сравнится с тоской, которую она будет испытывать по Гранту. У нее в груди будто зияла дыра. Дилайни даже казалось, что она чувствует, как в этой дыре свищет ветер, но времени горевать не было. Все по порядку: сейчас ее основная задача — вернуться к семье и решить, как жить дальше.

Весь полет она раздумывала над этим и строила планы. Что бы ни ждало ее впереди, Дилайни хотела сама стоять у руля, а не страдать от действий других людей. Оставшись без телефона, бумажника с документами и денег, она почувствовала себя

уязвимой, но это приключение кое-что для нее прояснило. Оно помогло понять, как мало ей на самом деле нужно.

В конце терминала аэропорта стояла кучка встречающих. Дилайни почти вплотную подошла к сестре, и Мелоди ахнула:

— Лайн?! О Господи! Это правда ты?

— Не хочу привлекать ничье внимание, — сказала Дилайни и продолжила идти, не сбавляя шаг. В аэропорту всегда дежурили фотографы, и девушка надеялась добраться до машины прежде, чем они ее заметят.

Мелоди развернулась и зашагала рядом. Дилайни смогла сделать всего два шага, а потом ее захлестнули чувства, и она заключила сестру в крепкие объятия.

Дома. Она снова дома. Лос-Анджелес — не идеальное место, и сама она далека от идеала, и следующие несколько недель станут настоящим адом, но по крайней мере она снова дома.

— Я никогда больше не буду убегать, — выдохнула она.

— Отлично, — сочувственно произнесла Мелоди, тоже крепко обнимая сестру. — Ты всех до смерти напугала. Роксани прочитала статью, в которой говорилось, что ты вступила в какую-то секту или типа того.

Дилайни разжала руки, и они зашагали в сторону выхода.

— В секту? Почему она так решила?

— Не знаю. Просто нашла что-то в Интернете. А кто такие «Райские братья»?

Дилайни хихикнула:

— Это мои друзья. — Похоже, что «Райские братья» тоже получают свою долю славы. Реджи будет доволен.

Они миновали зону выдачи багажа и билетные стойки.

— Что на тебе надето? — спросила Мелоди, когда они вышли из дверей на яркое калифорнийское солнце. — Это что... это что, полиэстер?..

Дилайни посмотрела на свой свитерок:

— Э-э-э... Не знаю. Возможно.

— Он, наверное, огнеопасен. И цвет просто ужасный. А это... О боже! Это джинсы «Ранглер»?! — С таким же выражением она могла спросить: «О боже, у тебя что, рак?!»

Дилайни остановилась и посмотрела на сестру:

— Ты вообще представляешь, что я пережила за последние несколько дней, Мел? Ты понимаешь, до какой степени в подобных обстоятельствах неважно, что на тебе надето?

Мелоди сочувственно похлопала ее по плечу:

— Нет, я понятия не имею, через что ты прошла, потому что ты не захотела ничего мне рассказывать. Но по твоим словам можно подумать, что тебя как-то зомбировали, и если в результате ты напялила на себя такие шмотки, значит, досталось тебе и правда здорово.

* * *

— Лайн, дорогая моя! — воскликнула мать, когда Дилайни показалась в дверях их дома в Беверли-Хиллз, и тут же заключила ее в жаркие

объятия. Зазвенели ювелирные украшения, которые мама носила поверх тренировочного топа из спандекса. — Слава богу, ты снова дома! Мы так беспокоились!

— Я знаю, мама. Прости, пожалуйста. У меня украли телефон, а потом случилась эта авария. Безумие какое-то.

Роксанн тоже обняла ее:

— Добро пожаловать домой! Мы по тебе скучали.

— Лайн, это ты? — Папа, высокий и худощавый, одетый в стиле Стивена Тайлера²⁰, тоже спустился в гостиную, и она попала из материнских объятий прямо в отцовские. Его длинные волосы, которые все в семье давно мечтали подстричь, были собраны в хвост.

— Здравствуй, папа.

Он поцеловал ее в макушку:

— Мы все очень рады, что ты вернулась. Я уже готов был привлечь к делу Национальную гвардию. Чего ты вообще добивалась?

— Просто пыталась ненадолго сбежать от реальности, а вышло так, что реальность все равно догнала меня.

— Ну, тогда как насчет того, чтобы сесть удобнее и обо всем нам рассказать? — Отец повел Дилайни к дивану, остальные двинулись следом, будто никто не хотел выпускать ее из виду, и от их внимания девушке стало тепло. Пусть журналисты

²⁰ Американский рок-музыкант, вокалист и лидер группы «Аэросмит», известный своим экстравагантным стилем в одежде.

и готовы вот-вот на нее наброситься, но родные ее любят, и это самое главное.

Она рассказала им почти все, что с ней произошло, стараясь быть максимально честной. Из пережитого она вынесла важный урок: ложь не стоит потраченных на нее усилий, она приводит к трагедии, она сжигает душу, оставляя на ее месте большое черное пятно. Дилайни утаила только одно — как сильно тоскует по Гранту. Ее любовь не то чтобы была большим секретом, просто это было ее личное дело. Еще один урок, который Дилайни усвоила, во время полета обдумывая произошедшее: она имеет право на личную жизнь. То, что она делится с телезрителями подробностями своей жизни, не означает, что ей стоит рассказывать о себе все.

Она очень хорошо держалась, когда рассказывала родным о своих приключениях, и поэтому даже немного гордилась собой. Никакой жалости к себе. Никакого нытья. Она приняла на себя ответственность за все, что с ней произошло, и собиралась с гордо поднятой головой встретить будущее. Но перед сном, вытащив из дорожной сумки футболку с Элвисом, которую вместе с пижамой купил ей Грант, она дала волю слезам. И на это у нее тоже было право — прочувствовать свою горе. То, что произошло между ними, было особенным и прекрасным, и ей хотелось все это вернуть. Ей хотелось вернуть Гранта. Настоящая любовь не определяется количеством времени, которое вы проводите со своим избранником. Она определяется качеством этого времени. Дилайни просто нужно дождаться, когда Грант тоже это поймет.

* * *

— Доброе утро, Лайн. Как здорово видеть тебя на привычном месте! — произнес папа на следующее утро, наливая себе кофе. Дилайни сидела за кухонным столом, перебирая письма, которые пришли на ее имя, пока она была в бегах. В следующий раз, когда она покинет дом, — если такое когда-нибудь произойдет, — надо будет сразу переадресовать почту на новый адрес. Ей понадобится несколько часов, чтобы только просмотреть все письма.

Папа подошел ближе и сел за стол. На кухне они были вдвоем. Кроме них, ранних пташек в семье не было, и они очень любили это время, когда могли просто поболтать наедине до того, как проснутся и зашумят все остальные. То есть так было, пока в их доме не установили камеры.

— Сегодня будут съемки? — спросила Дилайни.

Папа кивнул:

— Да, как и планировалось. Вообще-то было задумано сделать с тобой дополнительное интервью. Ты к этому готова?

Нет, к такому она не готова и никогда не будет.

— Конечно. Я сделаю все, что смогу.

Папа вздохнул и на короткое время стал выглядеть на свой возраст. В нем даже появилось что-то почти отеческое. Почти.

— Чтобы ты знала — ты не обязана это делать.

— Не обязана делать все, что смогу? — чуть нелепо пошутила она.

Он улыбнулся знаменитой улыбкой Джесси Мастерсона. От нее таяли женщины определенного возраста — она заставляла их вспомнить годы,

проведенные в старших классах средней школы. Но для Дилайни это была просто отцовская улыбка.

— Ты всегда должна делать все, что можешь, дорогая, но я имел в виду, что тебе необязательно давать интервью. И в шоу ты не обязана сниматься, если не хочешь. Если честно, я себя чувствую просто ужасно, ведь из-за стресса от всех этих камер ты сбежала в мичиганскую глушь. — Он отпил кофе и со стуком поставил чашку на стол.

— Пап, самый сильный стресс вызвали совсем не камеры в нашем доме, а одна конкретная камера — на телефоне Бойда. Вот что действительно выбило у меня почву из-под ног. — Мало что в жизни может быть более унижительным, чем беседовать с собственным отцом о порнографическом ролике с твоим участием, даже если он — старый рок-н-ролльщик с бурным прошлым. Но папино лицо сохраняло то же заботливое отеческое выражение, и на мгновение она снова почувствовала себя его маленькой дочкой.

— Скажи только слово, и я натравлю на него наших юристов. Тони говорит, у нас отличные шансы выиграть дело, особенно если удастся доказать, что Бойд получил материальную выгоду от передачи видео прессе.

— Слово. — Она улыбнулась.

— Что?

— Ты сказал, что от меня нужно только слово. Я его говорю. Давай скажем Тони, чтобы он занялся этим делом. Я против мести, но Бойд нарушил закон, а это совсем нехорошо. Да, я совершеннолетняя, и все у нас было по обоюдному согласию,

но я никогда не разрешала снимать себя на видео. Так что я задумалась, как это будет выглядеть, если я молча проглочу такое и не стану себя защищать?

Отец кивнул, обдумывая ее слова, и сжал в ладонях кружку с кофе.

— Ты права. Я думаю, тебе стоит выступить в свою защиту.

— Знаешь, последние несколько недель мне было ужасно стыдно из-за этого ролика. Мне и до сих пор стыдно. Но самое худшее, что я могу делать — это прятаться. Я не хочу, чтобы люди считали меня трусихой, но еще больше не хочу, чтобы они думали, будто я имею какое-то отношение к его съемке и к тому, что ролик попал в прессу. Мне нужно рассказать о моей точке зрения на эту историю и напомнить всем, что вся вина лежит только на Бойде.

Отец задумчиво тер пальцами подбородок, будто ему нужно было время поразмыслить над ее словами.

— Лайн, для такого заявления нужна недюжинная смелость, но ты знаешь, что мы всегда поддержим тебя. На все сто процентов.

— Я знаю, папа. И очень вам благодарна. Простите, что я сбежала и так напугала всех вас.

— Ну, полагаю, ты сделала то, что должна была сделать.

— Я могла поступить гораздо более обдуманно. И есть еще кое-что, о чем ты должен знать.

— Что такое?

— Я продолжу сниматься в шоу, потому что не хочу нарушать условия контракта, но нужно

сказать продюсерам, чтобы они больше не пытались изображать меня такой легкомысленной, как раньше. Я не такая, и не хочу, чтобы люди так меня воспринимали. Я хочу делать добро, я хочу делать что-то полезное, и я хочу, чтобы зрители это знали и не думали, что все свое время я посвящаю маникюрю и сплетням о других знаменитостях.

Отец откинулся на спинку стула и покачивался на нем.

— Дилайни Луиза Мастерсон, нынче утром вы кажетесь совершенно другим человеком.

Дилайни улыбнулась, потому что папины слова прозвучали как комплимент.

— Я действительно попыталась стать другим человеком, и мне это понравилось, только оказалось, что речь не совсем о том, чтобы стать другой. Она скорее о том, как остаться собой. Я думаю, что слишком увлеклась созданием шоу о своей жизни и забыла, что эту жизнь нужно просто проживать день за днем. Помнишь, как мы работали волонтерами в музыкальной студии? Я снова хочу заняться этим. Нам было весело, но что еще лучше — мы занимались по-настоящему благородным делом, когда учили детишек. Их жизнь менялась уже потому, что мы проводили с ними немного времени и чуть-чуть учили их музыке. Я хочу больше времени посвятить таким делам, более весомым, более полезным для людей, которые меня окружают, и всего человечества. Если честно, я не думаю, что миру нужен еще один третьесортный звездный стилист. К тому же у меня нет особой склонности к этому делу.

Пока она говорила, глаза папы распахивались все шире. Забытая кофейная чашка застыла у его губ.

— Господи, что же случилось с тобой там, в реальном мире?!

— Я точно не знаю.

Он качнулся на стуле и со стуком опустил его на все четыре ножки.

— Ну, чем бы это ни было, последствия мне нравятся. Я тобой горжусь.

— Тем, что я сбежала из дома?

— Я горжусь тем, что ты разобралась в себе и вернулась домой более сильной. Чтобы встретить неприятности лицом к лицу, нужно много мужества, но я вижу, что ты больше не будешь плыть по течению.

— Возможно. Один друг недавно сказал мне, что лучше быть пастушьей овчаркой, чем овцой.

Глава 26

На следующий день после возвращения в Белл-Харбор Грант Коннелли стоял в очереди в продуктовом магазине Гибсона и вдруг понял кое-что, о чем раньше даже не задумывался: видеть свое лицо на обложке журнала — совершенно сюрреалистическое ощущение. Однако именно оно красовалось сейчас на первой странице какого-то глянцевого собрания слухов о знаменитостях.

На фотографии они с Лайн, уютно обнявшись, сидели на скамье перед пианино в лаунж-баре «Комната джунглей». Как, черт возьми, подобное фото вообще попало в прессу?! Отодвинув в сторону тележку с покупками, он вытащил журнал из стойки и, ошеломленный, прошел в небольшую кофейню внутри магазина. Там он сел за столик и, развернув журнал, увидел еще с полдюжину их совместных фотографий — все они были очень плохого качества, снимал, по всей видимости, папарацци-любитель, причем на сотовый телефон, но узнать его и Лайн было нетрудно.

Заголовок соответствующей статьи гласил: «Пропавшая без вести?»

Мы рады сообщить, что звезда шоу «Папа жжот» Дилайни Мастерсон нашлась сама и,

по всей видимости, нашла себе новое интересное занятие. Недавно ее заметили в Мемфисе, штат Теннесси, в «Отеле разбитых сердец», с новым парнем, видеооператором Грантом Коннелли. 27-летняя Дилайни, стилист лос-анджелесских звезд, совсем не выглядела подавленной. Источники, близкие к паре, рассказывают, что невозможно было не заметить, как они нежны друг с другом.

— Они целовались, смеялись и, похоже, были без ума друг от друга, — сообщает анонимный источник.

Гранту Коннелли 31 год, он был сопродюсером и ведущим оператором популярного приключенческого шоу «Один человек — одна планета», пока недавно его не уволили из проекта. Но, кажется, ему повезло связаться с подходящей девушкой, которая поможет ему найти себе более приятное дело. Из других источников стало известно, что Дилайни металась между Коннелли и лидером группы «Райские братья», 29-летним Реджи Брайсом. Именно Брайс несколько дней назад отвез Мастерсон в мемфисский аэропорт, оставив нас гадать, на кого же она перепорхнет в следующий раз?

Не статья, а куча свежего конского навоза.

Неудивительно, что Дилайни пыталась увернуться от подобного дерьма. Прежде всего, никто Гранта не увольнял, но не это вранье расстроило его больше всего, а грязные инсинуации, что Лайн якобы прыгает с мужчины на мужчину. Ведь это неправда!

Теперь-то он все понял. Ему понадобилось немного остыть, чтобы осознать: нахальная деревенщина Реджи никогда не был ему соперником. И не потому, что Реджи — такой прямодушный и надежный парень, а потому, что Грант хорошо знал Лайн.

Эта мысль поразила его, словно гром.

Он знал Лайн!

Грант подсознательно думал об этом с тех самых пор, как покинул Мемфис, но только журнальная статья заставила его по-настоящему проникнуться этой мыслью. Он действительно хорошо ее знал. Как бы она ни называла себя, Грант видел ее настоящую и успел узнать о ней все, что действительно имело значение. Его по-прежнему мучил ее обман, и он чувствовал себя униженным, но после долгих размышлений начал подозревать, что обошелся с ней слишком жестоко. Лайн не такая, как Миранда. А после того как Финч и Хамфри рассказали о ее реакции на репортеров, Грант понял, что слава и известность ее не привлекали. В том журнале не было ни слова правды.

Правда заключалась в том, что, возможно, некоторые детали жизни Дилайни не были так важны, как ему совсем недавно казалось, и тем более не имели значения по сравнению с его чувствами. С ней он следовал своим инстинктам, и ему до сих пор казалось, что он все делал правильно. Плохо только, что сейчас он не мог понять, что же ему говорят эти инстинкты.

Грант снова посмотрел на фотографии. На одной они, улыбаясь, смотрели друг на друга. Их лица почти соприкасались, он положил ладонь ей на ногу,

а она одной рукой обняла его за шею, будто притягивая к себе, чтобы прошептать на ухо какой-то пикантный секрет. Грант хорошо помнил этот момент. Он забыл, что она тогда говорила, но помнил ощущение ее губ — несколько секунд спустя она поцеловала его в шею прямо под мочкой уха.

Сердце глухо забилося, будто пытаюсь привлечь к себе внимание разума. Когда Дилайни была рядом, он не мог дышать, у него кружилась голова, жар разливался по всему телу. Как же Грант скучал по ней! Он никогда не думал, что можно так скучать по женщине, и никогда не думал, что можно так сильно любить. А он и в самом деле все еще любил ее, и неважно, как ее зовут: Элейн, Дилайни, Мэри, Сью... Вот только он уже не был уверен, что все это было на самом деле.

С тех пор, как она уехала на такси из дома его тети, он сотни раз порывался позвонить ей, но каждый раз удерживался от звонка из-за глупой гордости. А потом он был занят, собирался в обратный путь, вез мать домой. Вчера поздно вечером они вернулись в Белл-Харбор, и Карл, дай ему бог здоровья, встретил жену с распростертыми объятиями и с коктейльчиком из тернового джина в руках. Так что хотя бы эта часть плана прошла как надо.

Сегодня Грант собирался к Тайлеру, чтобы поужинать вместе с ним и Иви. Он заехал в магазин только за бутылкой вина. Поэтому сейчас ему не успеть связаться с Лайн: разговор будет долгим, а он даже не решил, что сказать. Сперва нужно все обдумать... ну, в общем, сию минуту он просто не может ей позвонить.

Грант подъехал к дому брата, опоздав на ужин на пятнадцать минут, с двумя бутылками вина и одним глянцевым журналом, потому что ему требовался совет. Тайлер, похоже, разбирается в отношениях гораздо лучше него и, возможно, подскажет, как ему, черт побери, быть.

— Просто возьми и позвони ей, придурок. Если она сразу не бросит трубку, то поговори с ней. — Вот такой не слишком полезный совет дал ему брат.

— И все? — недоуменно спросил Грант, откупоривая первую бутылку. — Ты только что вернулся из свадебного путешествия, и вот это самый верный, самый романтичный совет, который ты можешь дать? А что мне сказать ей? «Здравствуй, незнакомка. Я все еще злюсь на то, что ты мне врала, но не могу выбросить тебя из головы».

— Нет, — возразила Иви, которая вошла на кухню как раз в тот момент, когда братья обсуждали затруднительное положение Гранта. — Не надо про злость, это она и так знает. А вот ту часть, где ты не можешь выбросить ее из головы, оставь. Женщины такое обожают.

Она подошла к мужу и обняла его за талию. Они весь вечер так делали. То есть трогали друг друга. Почти машинально. Они липли друг к другу, как липнет к телу наэлектризованная ткань.

Гранту было неловко обсуждать свои личные проблемы перед новоиспеченной невесткой, ведь они почти не знали друг друга. Но если Иви способна пролить свет на то, как ему быть, он ее выслушает, потому что от совета Тайлера оказалось мало толку. Грант отвернулся от брата и обратился к Иви:

— Значит, я скажу ей, что не могу выбросить ее из головы. А дальше что?

— Скажи, почему.

— Почему... что?

Иви терпеливо улыбнулась:

— Почему ты не можешь выбросить ее из головы.

— Ох, но я не... Я не знаю, почему все время думаю о ней. — Он чувствовал себя, как на уроке математики, когда учитель задал слишком трудную задачу. Он весь вспотел.

— Ладно. Тогда что именно ты о ней думаешь? Что вспоминаешь?

Мозг Гранта заполнился эротическими видениями, в каждом из них была Лайн, и от каждого нового воспоминания румянец его разгорался все ярче. Похоже, все это должно проходить под грифом 18+.

Брат расхохотался.

Иви покраснела:

— Ой! Ну... вот об этом и расскажи ей.

— Послушай, — сказал Тайлер, когда отсмеялся. — Не знаю, что тебе говорить, и, честно, понятия не имею, что тебе делать, но ведь ясно: если ты любишь эту девушку, глупо не дать любви еще один шанс. Иногда жизнь дарит возможность все исправить, так что не упusti ее. Просто позвони. Не будь кретином.

* * *

Сестра убьет меня, если узнает, что я тебе пишу, но ты должен посмотреть спецвыпуск

«Папа жжот». Начнется через 15 мин. Просто для информации. Мелоди Мастерсон

Ужин уже закончился, и они почти допили вторую бутылку вина, когда на телефоне Гранта высветилось это сообщение. Он с минуту смотрел на экран, недоумевая: может, это алкоголь ударил ему в голову и он чего-то недопонял? Или эта эсэмэска вообще ему только мерещится?

— Что, плохие новости? — наконец спросил Тайлер.

— Даже не знаю. Это прислала сестра Лайн.

У Иви заблестели глаза. На свадьбе она была с толстым слоем макияжа, и сейчас, совсем без косметики, казалась скорее милой, чем элегантной. Грант все еще считал, что она слишком хороша для брата, но после того как он провел с ними вечер, общаясь, смеясь и постепенно все лучше узнавая ее, он понял, что Иви с Тайлером и в самом деле идеальная пара. Он был рад за них, но в то же время они напоминали ему о том, что упустил он сам.

— И что она пишет? — спросила Иви.

— Пишет, чтобы я посмотрел вечерний выпуск их шоу. Оно начнется через пятнадцать минут. — Он не знал, что и думать. Инстинкты опять подводили его. Влюбленность постоянно заставляла его сомневаться в своем выборе.

Иви подалась вперед:

— Правда? Хочешь посмотреть у нас? — Она явно была целиком и полностью за развитие их отношений с Лайн.

— Я не знаю, хочу ли я вообще это смотреть. — Но он отлично знал, что хочет. Даже если просмотр программы будет похож на наблюдение за автомобильной аварией, он все равно не сможет отвести взгляд, и уж если смотреть шоу, то у Тайлера, потому что сам Грант пока не обзавелся телевизором.

Тайлер поднялся:

— Нам не помешает еще одна бутылка вина.

Пятнадцать минут промелькнули в мгновение ока, но как только на экране начались вступительные титры, Грант сразу понял, что нужно было ехать домой. Сидеть у экрана и смотреть, как *его Элейн* бродит по какому-то шикарному особняку в Беверли-Хиллз, было выше его сил. Ему казалось, что голова у него готова взорваться. Интересно, она снова перекрасилась в блондинку? Голос ее будет таким же? Знает ли она, что их совместная фотография из отеля красуется на обложке желтого журнала? Она злится? Негодует? Хочет отомстить? Или просто рада, что все закончилось? Пытливые умы желают знать²¹.

И вот на экране появилась она сама. Волосы ее остались темными, но казались более прямыми. Волнистые нравились Гранту больше, но в целом ее внешность изменилась не слишком радикально. В простой белой блузе и джинсах, она сидела по-турецки в кресле с цветочной обивкой. В обычной на вид гостиной. Босиком. Почему-то именно эта деталь заставила его немного расслабиться. Может, отчасти он боялся, что сейчас увидит ту Дилайни из первого журнала, блондинку в бле-

²¹ Популярный рекламный слоган.

стящем платье или в обтягивающей мини-юбке. Не то чтобы она не выглядела на тех снимках потрясающе, но такая, босая и в джинсах, она была похожа на Элейн. Ту Элейн, в которую он влюбился.

Напротив Элейн в другом кресле сидела белокурая девушка-интервьюер. Она сказала ничего не значащие вступительные слова о том, что за этим специальным выпуском последует обычный вечерний эпизод шоу «Папа жжот».

Тайлер и Иви притихли. Ну, или вышли из комнаты. А может, они занимались диким животным сексом прямо за диваном. Он все равно не заметил бы этого, потому что его зрение и слух, даже его сердце, устремились к экрану, будто Грант каким-то образом пытался связаться с Дилайни через эфир.

Блондинка улыбнулась, обнажив великолепные белые зубы:

— Дилайни, я знаю, что твои родные очень рады снова видеть тебя целой и невредимой. Можешь ли ты рассказать зрителям, чем ты занималась последние несколько недель?

Расскажет ли она про него? Про дом, машину, гастрольный автобус, отель? Про украденный рюкзак? Про любовь? Хоть про что-нибудь?

Лайн улыбнулась и хихикнула, пытаясь скрыть икоту. Вряд ли кто-то еще заметил, как она икнула, но он слишком хорошо ее знал.

— Последние несколько недель стали для меня... незабываемыми. По многим причинам. Но я хочу рассказать о том, чему научилась за это время, а не о том, где я была и что делала. Прежде всего, я поняла, что, даже выставляя напоказ часть

того, чем живу, я не обязана делиться абсолютно всеми подробностями своей жизни. У меня тоже есть право на приватность. Все имеют такое право, особенно в спальне. — Грант отхлебнул вина. Лайн продолжала: — Большинство зрителей знают, что видео со мной, которое недавно всплыло в сети, было снято без моего ведома и согласия. Оно не только причинило вред мне и моей семье. Оно было снято незаконно, и я намерена добиться, чтобы виновного наказали.

Еще один глоток. Гранту не помешала бы еще бутылка.

— Значит, вы будете подавать в суд на Бойда Хэмптона? — спросила блондинка.

— Разумеется.

— Должно быть, очень тяжело знать, что подобное видео вообще существует. Что вы чувствуете по этому поводу?

— Признаюсь, оно меня беспокоит. Неловко, конечно, но я на собственном опыте поняла, что нельзя допускать, чтобы твое восприятие себя зависело от других людей. Если кто-то воспользовался тобой в своих целях, об этом надо заявить.

Воспользовался в своих целях? Так вот что произошло на самом деле? Гранта охватило раскаяние. Он прочитал только одну статью в журнале и решил, что она сама слила журналистам видеозапись. И он еще колебался, можно ли ей доверять. Она же все ему рассказала, но он не поверил ей и из-за этого стал почти таким же подонком, как тот парень, который снял мерзкое видео. Почти.

Несмотря на скользкую тему, Лайн непринужденно поменяла позу и спустила одну ногу на пол, устраиваясь поудобнее. Она очень хорошо смотрелась в кадре и во время интервью вела себя совершенно естественно.

— Я наконец поняла, что нет ничего постыдного в желании защитить себя. И признавать свои ошибки тоже не стыдно. Я наделала много ошибок, и наверняка они не последние.

Она широко улыбнулась, и блондинка рассмеялась:

— Все ошибаются, верно?

Лайн кивнула:

— Некоторые ошибки просто гораздо заметнее других. Например, попытка сбежать от этой ситуации оказалась большой ошибкой. Я должна была смело встретить ее. Похоже, что бесполезно пытаться плыть быстрее, чем акула, — проще ударить ее в нос.

Блондинка-интервьюер хихикнула:

— Интересная аналогия.

Лайн тоже улыбнулась:

— Я думаю, суть в том, чтобы решать задачи, которые подкидывает жизнь, а не прятаться от них. Кем бы ты ни был, что бы ты ни сделал, в какие бы обстоятельства ни попал, прими их. Будь собой, не прячься от проблем, не пытайся выдать себя за кого-то другого. В Лос-Анджелесе, да и не только, слишком большое значение придают имиджу. Но когда доходит до дела, важно только то, что у человека внутри. Все остальное — мелочи.

Мелочи. Все остальное и правда всего лишь мелочи. Вот что она пыталась сказать ему о своем имени. И была права. Он знал, какая она на самом деле, знал ее суть.

Блондинка кивнула, а потом чуть покачала головой, будто обдумывала довольно спорное утверждение Лайн.

— Про имидж соглашусь, но ведь вы же — звездный стилист, и я думала, что имидж имеет для вас очень большое значение.

Лайн тоже кивнула:

— Это свойственно человеческой натуре — пытаться выглядеть наилучшим образом. Ничего плохого в этом нет, если только это не становится единственной целью жизни. Мне нравилось быть стилистом, но сейчас я с восторгом жду, когда смогу приняться за другие проекты, которые мне действительно нравятся.

— Например?

Например? Какие еще проекты? О чем она говорит?

— Есть несколько благотворительных проектов, в которых я собираюсь принять участие, но больше вы узнаете о них в этом сезоне нашего шоу.

— Значит, вы решили продолжать участвовать в шоу? — спросила блондинка. — Ходили слухи, что вы собираетесь из него уйти.

Лайн снова икнула и скрыла это за смехом. На этот раз звук был более заметным.

— А еще ходили слухи, что я родила ребенка от пришельца из космоса. Я могу заверить вас,

что почти всему, что пишут обо мне в журналах, верить не стоит.

— А что насчет слухов о вас и некоем видео-операторе? Или о некоем музыканте?

Грант подался вперед.

Лайн откинула в сторону челку:

— Как я уже сказала, ничему, что про меня пишут, доверять нельзя, но сейчас подходящий момент, чтобы сделать официальное заявление: я больше не собираюсь прилюдно обсуждать, с кем состою или не состою в отношениях. Эта сторона моей жизни останется конфиденциальной.

Блондинка чуть не погрозила ей пальцем:

— Ваших фанатов это очень расстроит.

Улыбка Дилайни в первый раз за все интервью показалась ему натянутой, но только на секунду.

— Мои фанаты наверняка станут счастливее, если вплотную займутся собственной жизнью, вместо того чтобы бесконечно обсуждать мою. — Она говорила очень мягко, но ее точка зрения была понятна.

— Но даже в этом случае я обязана вас спросить, — напирала блондинка. — После всего, что с вами случилось, после предательства бывшего парня, после ужасных слухов, которые распускают некоторые издания, Дилайни Мастерсон, вы все еще верите в любовь?

Улыбка Дилайни вновь стала искренней, и сердце Гранта пропустило удар. На секунду она прижала большой палец к губам, а затем вновь опустила руку на колени.

— Безусловно. Жизнь — сложная грязная штука, и иногда мы подводим самых дорогих нам людей, а порой они подводят нас. Но не нужно сдаваться. Каждый день дает нам новую возможность все исправить. Так что да, безусловно. Я верю в любовь. Вы же помните, что говорил Элвис? Иногда просто невозможно не влюбиться.

Грант кивнул. Она говорила правду. Иногда просто невозможно не влюбиться.

Глава 27

— Ну же, Мелоди, поторапливайся, — крикнула Дилайни с кухни сестре. — Если мы опоздаем на йогу, нам придется торчать в первом ряду, прямо перед зеркалом.

Во все окна светило яркое солнце. Мелоди прыгала по коридору на одной ноге, рукой держась за стену и пытаясь на ходу натянуть кроссовку на вторую ногу.

— Мне нравится заниматься в первом ряду, у зеркала. А как иначе я смогу видеть себя?

— Быстрее! — Дилайни закрутила крышечку у бутылки с водой в тот момент, когда Мелоди споткнулась и растянулась на полу.

— Ну, вот видишь, я уже начала заниматься, — крикнула Мелоди и хихикнула. — Я все никак не надену проклятую кроссовку.

Дилайни рассмеялась, глядя на кучу, которая получилась из ее сестры. Она была очень рада вернуться домой. Жизнь в особняке семьи Мастерсон вернулась в свое обычное, плохо организованное состояние, а поддержка, которую Дилайни получила от своих друзей и фанатов за четыре дня после выхода интервью, сильно укрепила ее боевой дух. Но каньон размером с Гранта, проходящий

через ее сердце, оставался все таким же скалистым и глубоким.

Она была уверена, что Грант свяжется с ней, но до сих пор не дождалась его звонка. Прошла неделя с тех пор, как она покинула Мемфис. Он так и не позвонил. И не написал. Ни словечка. А потом она увидела их совместную фотографию на обложке журнала и задалась вопросом, знает ли Грант, что тоже оказался втянут в эту историю? Ему это явно не понравится. Он наверняка подумает, что и эти фотографии она вбросила сама. Можно позвонить ему и сказать, что это сделала не она, но какой в этом смысл?

Дилайни хотела вернуть Гранта. Страстно хотела его вернуть, но пока не сообразила, как это сделать. Она даже подумывала позвонить ему и притвориться, что беспокоится о деньгах за аренду, хотя это было совсем не так. Наоборот, она была очень рада, что их еще хоть что-то связывает. Но сама мысль о притворстве теперь казалась ей ужасной. Больше никакой лжи.

Мелоди поднялась с пола, наконец-то сумев натянуть непослушную обувь, и нагнулась, чтобы выглянуть из-под шторы в выходящее на улицу окно. Потом она чуть отодвинула штору.

— Боже мой, ну что ты все копаешься? Как малое дитя. — Дилайни взяла ключи и направилась к входной двери. — Тогда я поеду без тебя.

— Слушай, ты, случайно, не знаешь, что на нашей подъездной дорожке делает этот красавчик рядом с желтым «фольксвагеном»? — спросила Мелоди.

Дилайни замерла. Кроссовки жалобно пискнули на плитках пола.

— Что?

— Красавчик. «Фольксваген», подъездная дорожка, — произнесла Мелоди, показывая пальцем в окно и опускаясь на колени на стоящий тут же диван, чтобы лучше видеть. Она еще больше отодвинула штору. — Черт! Он просто сверхкрасив! Сверхчеловечески красив!

Не может быть. Не может быть. Не может быть.

Дилайни бросила ключи и бутылку с водой на журнальный столик и примостилась на диване рядом с сестрой, чтобы выглянуть наружу.

Там стоял он.

Грант, собственной персоной, на ее подъездной дорожке, рядом со старым желтым куском дерьма. Он был в джинсах и белой футболке и в руках держал телефон.

С кухни донесся звонок телефона Дилайни, и та чуть не вывихнула лодыжку, быстро спрыгнув с дивана и кинувшись на звук. В процессе она умудрилась столкнуться на пол Мелоди — по большому счету, совершенно случайно. Дочери семьи Мастерсон были воплощением грации.

Дилайни схватила телефон и посмотрела на экран. Конечно, там высветился номер Гранта. Ну разумеется, это Грант, она же видела его в окно. Можно было просто открыть дверь, но... она глубоко вдохнула. Вдох. Выдох. Потом она ответила на звонок, стараясь говорить ровным голосом, хотя это далось ей нелегко.

— Алло?

— Лайн?

— Да.

Его молчание длилось достаточно долго, чтобы она заволновалась. Он рад, что приехал? Он все еще злится? Дилайни ждала, когда он заговорит. Чтобы он задал направление беседы.

— Это Грант.

— Я знаю. Ты стоишь на подъездной дорожке нашего дома.

— Правда? Слава богу, я все не мог понять, твой это дом или нет. Адрес совпадает с биркой на твоём чемодане, но дом выглядит совсем не так, как в телешоу.

Она повернулась и глянула на него в кухонное окно. Господи! Как же хорошо он выглядит! Идеально!

— Просто телевизионщики сняли для заставки совсем другой дом, чтобы какой-нибудь сумасшедший маньяк нас не вычислил.

Да что же это такое? Почему они говорят о всякой ерунде? Она видела, как он кивнул.

— Вот как. Да, пожалуй, это разумно.

— Ага. — Она хотела сказать что-нибудь еще. Хоть что-нибудь. Она ждала этого звонка с тех самых пор, как такси отъехало от дома его тети. Прошло уже больше недели, но несмотря на отрепетированные фразы, она не могла вспомнить, что хотела ему сказать.

Он прочистил горло:

— Я... это... не могу выбросить тебя из головы, — наконец выдавил он, и сердце Дилайни забилося так

гулко, что ей показалось, будто оно сейчас сломает ребра. Может, оно уже сломало несколько. Ей срочно нужен рентген.

— Не можешь?

— Нет. Я вообще очень много о тебе думаю. Почти целыми днями... и целыми ночами. — Грант прислонился к машине.

— Правда? — Ей стало трудно дышать. Понадобится еще и пульмонолог. Легкие работали так же плохо, как и сердце.

Грант, казалось, тоже едва дышал, и это ее обрадовало. Она была рада, что он по ней скучает. Что думает о ней. А больше всего ее радовало, что он стоит на их подъездной дорожке.

Он провел по лбу кончиками пальцев:

— Да. Правда. Как ты думаешь, могу я войти или, может, ну, я не знаю... ты сама выйдешь ко мне? Как ты думаешь? Я вызволил из полиции твою машину и привез тебе чемодан с вещами, который ты оставила в Белл-Харборе.

— Серьезно?

Она видела, что он пригнал машину, но все равно такая забота оказалась сюрпризом. Очень, очень милым сюрпризом. Но черт побери! Ей до сих пор не удалось вспомнить ни единого слова из своей отрепетированной речи! Она вышла из кухни, прошла к входной двери и бросила взгляд на Мелоди.

Мелоди замахала себе на лицо обеими руками и прошептала: «Какой он горячий!»

Дилайни кивнула и рывком отворила дверь. Телефон она положила на небольшой столик у двери и шагнула наружу.

— Тебе не обязательно было гнать этот ржавый кусок металла до самой Калифорнии, — сказала она, идя к нему по вымощенной кирпичом дорожке. Она была одета в костюм для йоги. Может, он это заметит? Ему вроде бы нравилась йога. Это может сыграть в ее пользу. Она остановилась в нескольких шагах от него.

Грант убрал телефон в передний карман джинсов. Он жадно рассматривал ее, пока наконец не встретился с ней взглядом — пристальным, горящим. Глаза его на солнечном свете стали ярко-зелеными. Она обожала, когда они становились такими.

— Я в любом случае хотел привезти тебе чемодан. Так что... ну, ты знаешь.

Она скрестила на груди руки, не зная, что еще с ними делать, потому что больше всего на свете ей хотелось ухватиться за белую футболку Гранта и притянуть его к себе для поцелуя. Но им, наверное, сначала стоит поговорить.

— Это... хм-м-м... очень мило с твоей стороны. Все-таки путь от Белл-Харбора неблизкий.

— Мне все равно нужно было приехать в Лос-Анджелес. Один местный продюсер хочет профинансировать мое новое шоу, так что следующие несколько дней я буду вести с ним переговоры.

У нее упало сердце. Он приехал только поэтому? Но он смотрел на ее губы, и она знала, что он хочет поцеловать ее так же сильно, как и она его. Тогда ему незачем сдерживаться. Дилайни шагнула чуть ближе.

— Твое новое шоу? То самое, про благотворительность?

Он кивнул:

— Да. Я сделал несколько звонков, и мне дали зеленый свет. Хорошая новость, правда?

Она кивнула:

— Да. Я очень за тебя рада.

Он смущенно потер затылок:

— Правда, есть небольшая проблема. То есть очень большая проблема.

Она прижала большой палец к губам. Если связь с ней принесла ему неприятности и поставила под угрозу его проект, она будет чувствовать себя ужасно.

— Какая проблема?

Он улыбнулся немного смущенно, но с надеждой:

— Мне нужна ведущая. Очень красивая и склонная к приключениям. Ты, случайно, не ищешь работу?

Она почувствовала, как внутри поднимается волна тепла, а по лицу медленно расплывается широкая улыбка:

— Хм-м-м... Мне нужно об этом подумать. Ты уверен, что я подойду? Ты знаешь, у меня не слишком-то хорошая репутация среди телезрителей.

Он протянул к ней руки и легко прикоснулся к ее бедрам, притягивая ее к себе.

— Зрители тебя обожают. А впрочем, мне плевать, что они скажут. Я больше не куплюсь на их сплетни, потому что я тебя знаю. Я знаю о тебе все, что имеет значение. — Пальцы его сжались у нее на бедрах, а он все продолжал говорить. Это хорошо, потому что Дилайни временно лишилась

дара речи. — Лайн, прости меня за то, что тогда в Мемфисе я так круто обошелся с тобой. Я просто дурак. Я был очень зол, потому что... потому что я сходил по тебе с ума, а потом узнал, что ты мне врала, и подумал, что *вообще все* было враньем. А я хотел, чтобы все, что происходило между нами, было на самом деле.

Она преодолела последние разделяющие их дюймы, потому что больше не могла выносить разлуку, и обвила руками его плечи. Он крепко обнял ее за талию, и они оказались лицом к лицу. Блаженное ощущение! Именно этого ей так хотелось. Дилайни чуть отстранилась, чтобы заглянуть ему в глаза.

— Оно и было по-настоящему. Я должна была рассказать тебе обо всем еще в первую ночь, но все происходило так быстро. Просто я не очень умелая лгунья, и ситуация вышла из-под контроля раньше, чем я поняла, что нужно делать. Я совершила большую глупость, и мне очень жаль, что ты тоже оказался втянут в мои неприятности.

Он кивнул:

— Я знаю. Теперь я это понял. Правда понял. Со мной журналисты всегда обходились более чем достойно, но я уже видел, как сильно они искажают факты, когда дело касается тебя. Мне стоило понять это раньше. Я должен был дать тебе возможность все объяснить. Думаю, я растерялся, потому что посчитал себя обманутым, но потом увидел твое интервью перед шоу и понял, что ты должна была чувствовать насчет... насчет всего, что с тобой случилось. Я понял, как ты угодила в такой переплет, и как это нечестно по отношению к тебе. Я прошу

у тебя за это прощения, Лайн. Я никогда не отправил бы тебя одну в отель, если бы знал, что там дежурят репортеры. Ты же это понимаешь, правда? Когда я думаю об этом, то чувствую себя просто ужасно.

— Ты не виноват. — А еще он не виноват в том, что от него так хорошо пахнет. Она не может сердиться на него, когда от него исходит такой аромат.

— Я все еще чувствую себя ужасно, — признался он.

— А я чувствую себя ужасно из-за того, что солгала тебе. И что получилось в итоге? Нам обоим плохо? — Она зачарованно смотрела на него и думала, может ли ей вообще надоест на него смотреть. На его глаза, улыбку, еле заметные ямочки на щеках.

— У меня есть идея получше, — сказал он, улыбаясь, и это был тот ответ, который она ждала. Она знала, что он никогда ей не надоест.

— Что за идея? — спросила, прижимаясь к нему, Дилайни. Она чувствовала его жар, и ей казалось, что она тает от него, словно мороженое.

— Мы начнем все заново. Расскажи мне о себе. О себе настоящей.

Она вздохнула — это был глубокий счастливый вздох, — и все в мире, казалось, после слишком долгого безумия вновь встало на свои места.

— Ну, для начала... меня зовут Дилайни Мастерсон, и я живу в этом доме.

Взгляд Гранта снова опустился на ее губы.

— Хорошее начало. Что дальше?

— У меня знаменитые родители, да и я сама печально знаменита. А еще, я клянусь тебе: все,

что между нами было в постели, и все, что я говорила тебе о своих чувствах, — чистая правда. Каждый миг, каждое слово. Ты веришь мне?

Грант обхватил ее лицо ладонями и смотрел ей в глаза так долго, что ей уже начало казаться, что он забыл вопрос.

— Я тебе верю. Только давай пообещаем друг другу: больше никаких секретов. Никакой лжи. Всегда говори мне правду, и я обещаю делать то же самое. Даже если будет неприятно. Только так я смогу быть уверен в том, что мы сможем быть вместе, и все, что происходит между нами, настоящее.

Она так сильно любила его!

Так сильно, так сильно!

— Хорошо. Пусть будет так. Давай всегда будем честны друг с другом. Я обещаю, что буду с тобой абсолютно честна. Значит, можно кое о чем тебя спросить?

Он кивнул:

— О чем угодно.

Сердце ее билось в груди как сумасшедшее.

— Как думаешь, сможешь ли ты когда-нибудь влюбиться в Дилайни Мастерсон?

В глазах его сверкнули озорные искорки, и он склонился к ней так близко, что их губы почти соприкоснулись.

— Я уже влюбился в нее. Просто раньше я этого не знал.

А потом он поцеловал ее в губы.

Эпилог

— Ты точно понимаешь, что делаешь? — спросил Тайлер. Он прислонился к дверному косяку гардеробной в церкви Святого Алоизия. Грант стоял перед зеркалом. Скотти и Карл тоже были с ними и выглядели отлично. Мужчинам их семьи вообще очень идут смокинги, а сейчас они все были в смокингах. Донна тоже ждала в гардеробной и просто лучилась счастьем. Сегодня она надела темно-фиолетовое платье, которое специально для нее подобрала Лайн. Она сказала, что этот цвет сможет идеально оттенить кремовый цвет кожи Донны.

Грант уверенно улыбнулся брату:

— Я отлично знаю, что делаю, Тай. Женитьба — самое разумное решение за всю мою жизнь. Я совершенно в этом уверен. И вообще, разве не ты говорил мне: «Когда ты встретишь своего человека, то сразу это поймешь»?

Тайлер улыбнулся:

— Возможно, но вообще-то, дурачок ты эдакий, я имел в виду другое. Ты уверен, что сможешь самостоятельно завязать галстук-бабочку? Потому что со стороны кажется, что ты пытаешься себя задушить.

— Ну-ка, давай я помогу. — Карл подошел ближе. — Я отлично справляюсь с галстуками. Когда-то я был тем еще щеголем.

— Ты и сейчас прекрасно выглядишь, дорогой, — заметила Донна.

Грант оставил в покое галстук и повернулся к Карлу. Оказывается, тот был совсем не так бесполезен, как когда-то думал Грант. На самом деле в последние несколько месяцев старый любитель коктейльчиков из тернового джина хорошо себя проявил. Он следил за Донной, заботился о ней, и она вела себя безупречно. Ни одного случая воровства. Ни одного похода в игорный дом. Никаких истерик в общественных местах. Грант тешил себя мыслью, что ее состояние улучшилось именно из-за того, что он стал чаще бывать дома, но в глубине души понимал, что мать просто начала упорно работать над собой. Она многое поняла после того, как в январе украла рюкзак Лайн.

Сейчас на дворе стоял май, и снег в Белл-Харборе наконец-то растаял. В воздухе пахло весной. Распускались цветы, птицы издавали веселые трели, а Грант Коннелли собрался жениться.

— Ну вот, — произнес Карл, в последний раз поправив на Гранте галстук. Он похлопал пасынка по плечу. — Хорошо выглядишь, сынок.

Донна всхлипнула, но глаза ее сияли счастьем. Она поднесла к носу салфетку.

— Ты и правда хорошо выглядишь! Ты такой красавчик! Вы все у меня красавчики. Какая же я счастливая! И не успею я оглянуться, как Скотти тоже женится.

Скотти испуганно попятился:

— Только не начинай, мама. Давай сначала справим эту свадьбу, хорошо? Без водопадов слез.

— Ничего не могу с собой поделаться. — Она улыбнулась дрожащими губами. — Я слишком счастлива.

Грант шагнул к ней и быстро обнял ее за плечи.

— Я очень рад, мама. Я правда рад.

Распахнулась дверь, и в гардеробную влетел Фонтейн. Его темные волосы были зачесаны назад, а короткая бородка искусно подстрижена. Он всплеснул руками:

— Быстро, быстро, Коннелли! Вы чего копаетесь? Если вы не поторопитесь, мне придется связаться с па-па-папарацци, и ваша «тайная свадьба» уже не будет такой тайной!

Грант повернулся к свадебному распорядителю и снова улыбнулся. Ему казалось, что сегодня он только это и делает. Улыбается. Вообще-то у него сложилось впечатление, что улыбка не сходит с его лица последние шесть недель — с тех самых пор, как он сделал предложение Лайн на вершине горы Оtemanу на острове Бора-Бора.

Это произошло спонтанно, но он не сомневался, что поступил правильно. Все его инстинкты кричали об этом. Рядом с ней он был счастлив, как никогда и ни с кем прежде, и собирался посвятить всю оставшуюся жизнь Дилайни, чтобы сделать ее такой же счастливой. Начиная с сегодняшнего дня.

— Я готов, Фонтейн, — сказал Грант.

Тайлер протянул ему смокинг, и Грант надел его.

— О-о-о, ну разве ты не великолепен? — с придыханием произнес Фонтейн. — Ты похож на супергероя!

Грант улынулся сам себе в зеркало и поправил галстук-бабочку.

— Правда?

Фонтейн кивнул:

— Безусловно. Так что вперед, Человек-Жених! Пришло время лететь навстречу следующему приключению!

* * *

— Я всегда знала, что ты будешь прекрасна в свадебном платье. — Мать Дилайни безупречным движением и в точно выверенный момент смахнула с глаз слезу. Она работала на камеру даже тогда, когда вокруг не было ни одной камеры. — Эта свадьба стала бы великолепным эпизодом шоу, правда?

Дилайни хихикнула и покачала головой. Волосы естественного для нее каштанового оттенка она зачесала назад. Гранту нравился такой цвет, и она так и не собралась снова их осветлить. Она была слишком занята — путешествовала по всему миру и все крепче и неистовее влюблялась в Гранта.

Она посмотрела в зеркало и поправила простую элегантную вуаль, которая великолепно подходила к белому атласному платью. Может быть, она и оставила в прошлом карьеру стилиста, но все еще могла сказать, что с чем хорошо смотрится. И сейчас она выглядела очень хорошо. Или ей про-

сто так казалось, потому что в последнее время ее радовало практически все.

Даже упорство матери, которая настаивала на том, чтобы сделать из свадьбы публичное шоу, совсем не беспокоило ее.

— Ты серьезно, мама? У меня сегодня свадьба, а ты все еще думаешь о рейтингах?

— Она всегда думает о рейтингах. — Мелоди сидела на бежевом бархатном стуле в гардеробной невесты, где семья Мастерсон ожидала начала церемонии. — Но она совершенно права насчет невесты. Ты выглядишь потрясающе. И если ты когда-нибудь захочешь вернуться в профессию стилиста, тебе стоит заняться свадьбами. А я могу делать свадебный макияж. Вместе мы сможем начать собственное шоу. — Мелоди, конечно, шутила. По большей части.

Роксани покрутилась перед зеркалом, из-за чего ее пышное платье сливового цвета стало еще пышнее:

— Ты и правда должна заняться свадебными нарядами, Лайн. Платья подружек невесты выше всяких похвал.

— Спасибо, Рокс. Услышать такое от тебя дорогого стоит. Почти комплимент.

— Я не всегда думаю о рейтингах! — продолжила Николь, будто ее дочери еще не сменили тему. — Мне просто кажется, что наши фанаты будут в восторге, когда увидят тебя такой счастливой. Но, если честно, тайная свадьба в Белл-Харборе станет настоящей сенсацией. Это и правда блестящая идея. Ты умеешь создавать интригу,

дорогая. — Она наклонилась и поцеловала Дилайни в щеку.

— Эта свадьба — не рекламный трюк, Ник. — Отец Дилайни подошел к ним и обнял за плечи дочь. Он улыбнулся ей своей знаменитой улыбкой, и она почувствовала, как на глаза наворачиваются слезы. Папа наконец-то постригся, избавившись от вечного хвоста, и в смокинге выглядел необычайно стильно. Похоже, он перешел к следующему этапу своей жизни, как и она переходила к следующему этапу своей.

— Это же все по-настоящему, да, дочка? — спросил он. — У тебя ведь есть серьезные причины выйти замуж?

Дилайни кивнула и всхлипнула:

— Все по-настоящему.

— Вот и славно. Я так горжусь тобой!

Фонтейн быстро постучал в дверь и, не дожидаясь ответа, просунул голову в дверной проем.

— Итак, Мастерсоны, все Коннелли уже рассажены по своим местам. Мама невесты, шафер уже готов проводить вас на ваше место. Быстро, быстро! Пусть эти прекрасные молодые люди наконец поженятся, правда?

Мать Дилайни крепко обняла дочь:

— Ладно, Лайн. Наверное, в день твоей свадьбы я должна поделиться с тобой какой-нибудь материнской мудростью, но могу сказать только, что очень сильно тебя люблю!

— Замечательно, мама. Это все, что мне нужно. — Сердце Дилайни разрывалось от счастья, и если бы мама сказала что-нибудь еще, она просто

разрыдалась бы и испортила макияж, который так тщательно сделала Мелоди. С папарацци или без, но ей не хотелось выходить замуж с подтеками туши на щеках.

— Итак, дамы, хватит обнимашек. — Фонтейн увлек маму невесты прочь из комнаты. Роксанны и Мелоди последовали за ней. Мелоди обернулась и подмигнула Дилайни, а потом скрылась в коридоре.

Отец протянул Дилайни руку. Лицо его светилось гордостью.

— Ты готова? — прошептал он. — Если хочешь, можешь сбежать, пока не поздно.

Дилайни улыбнулась и помотала головой:

— Больше я не хочу сбежать, папа. Я так счастлива! Я наконец-то двигаюсь в правильном направлении.

— Вот и отлично! Я думаю, что слышу песню — сигнал к нашему выходу.

* * *

Заголовок гласил: «Сбежавшая невеста?»

Дилайни Мастерсон, когда-то бывшая самым взбалмошным персонажем шоу «Папа жжот», прошла к алтарю со своим красавчиком-оператором Грантом Коннелли на суперсекретной свадьбе. На ней присутствовали только члены семей жениха и невесты и самые близкие друзья, но, похоже, наши голубки не собираются в ближайшее время вести оседлую жизнь. Активные молодожены уже отправились в неведомые дали,

чтобы начать съемки собственного шоу «Доброе сердце» с участием международных благотворительных организаций, которые помогают людям по всему миру. Режиссер, продюсер и главный оператор нового шоу Грант Коннелли и ведущая шоу Дилайни Мастерсон каждую неделю будут освещать деятельность одного из благотворительных фондов, и зрители смогут в режиме реального времени посылать денежную помощь или заявку на волонтерство, чтобы помочь его работе. Говорят, что в этом шоу мы увидим большое число приглашенных звезд, которые будут помогать своим любимым благотворительным организациям, и мы уверены, что бывший стилист и модница Беверли-Хиллз покажет нам, как выглядит сексуально даже в полевой форме!

— Эй, Финч! — заорал Реджи из комнаты для буги-вуги гастрольного автобуса «Райских братьев». — Ты не согласишься! Наша лапушка все-таки вышла замуж!

Примечание от автора

Хочу от всей души поблагодарить персонал «Отеля разбитых сердец» за их гостеприимство и радушие и заметить, что все неточности и ошибки в описании отеля на моей совести.

Я побывала и в номере «Пылающая любовь», и в номере «Грейсленд», и оба они пропитаны духом Элвиса. У номера «Грейсленд» на двери даже висит колокольчик — представляете, как здорово?

Я несколько вольно обошлась с описанием лаунж-бара «Комната джунглей», потому что на самом деле там нет сцены. Эту деталь я придумала сама, но мне пришлось это сделать — такая у меня работа.

Также хотела бы заметить, что хотя климат на юге обычно вполне умеренный, я писала эту книгу во время полярного циклона, когда холодно было даже в Мемфисе. Но с погодой я тоже обошлась несколько вольно.

И наконец: главными героями этой книги движет желание внести свой вклад в общее благо. Если вами движет похожее желание, то вот мои любимые благотворительные организации. Я буду очень

благодарна вам, если вы посмотрите, чем они занимаются.

The Wounded Warrior Project: <http://www.woundedwarriorproject.org>

Reach Out WorldWide: <https://www.roww.org>

Heifer International: <http://www.heifer.org>

UNICEF: <http://www.unicef.org>

Благодарности

Прежде всего хочу поблагодарить чудесную и неутомимую команду «Монтлейк Паблишинг». Я бесконечно благодарна за вашу поддержку, которую смогли превзойти только ваши щедрость и рвение. Спасибо вам, Хай-Йен, Хелен, Мелоди, Сюзан, Том, Джессика и Келли! Вы самые лучшие! Лучшие из лучших! Невероятные! Огромное спасибо Налини Аколекар за доверие, руководство, неизменную поддержку и особая благодарность за то, что она любит Карла не меньше, чем я.

Спасибо Кимберли Кинкейд, Алиссе Александер и Дженнифер Маккуистон. Вы знаете, за что!

Спасибо Дарси Вудс за безупречное чувство юмора и за то, что она прислала красный воздушный шар именно тогда, когда он действительно был мне нужен. Спасибо Киран Крамер за чтение ранних версий романа и впечатляющий анализ.

Спасибо Джейн Пьерангели и Самхите Родес за чтение, чтение, чтение (иногда даже с другой стороны земного шара, или где там находится Швейцария) и за потрясающе точные замечания. Жду не дождусь, когда мы снова сможем поработать вместе!

Спасибо Шелли и Стейси Смит за изобретение несуществующего товара, который заслуживает того, чтобы стать настоящим.

Спасибо группе «Зе Эскимо Бразерз» за ее дерзкие тексты и разбитный стиль, потому что, говоря вам: «Я пишу романы, и вы, ребята, сейчас подкинули мне идею новой книги», я совсем не шутила. Спасибо Молли Месник, которая любезно согласилась ответить на мои вопросы о жизни звезд реалити-шоу. Я очень рада, что она нашла свое счастье и в реальной жизни.

И наконец спасибо моему мужу, который всегда поддерживает меня, но не только: он делает все возможное, чтобы наша жизнь шла своим чередом и не развалилась на части, пока я занята работой. Спасибо и моим чудесным детям, которые всячески подбадривают меня. Я так горжусь вами! Вы — самое важное, что у меня есть.

Об авторе

Трейси Броган — автор бестселлеров, получившая множество наград. Теперь она пишет смешные и легкие современные истории о том, как обычные люди находят необычную любовь, и роскошные исторические любовные романы, полные придворных интриг, девиц, приносящих беду, и время от времени — мужчин в килтах.

Американская ассоциация писателей в жанре любовного романа номинировала Трейси на престижную премию RITA за ее дебютный роман «Чокнутая милашка» и на премию «Золотое сердце» в двух номинациях. Она лауреат «Главной награды книготорговцев» и двух премий «Золотое перо» за свои романы о современности и исторические романы. Безмерно романтическая Трейси живет в Мичигане с мужем, которого она часто удивляет, одаренными детьми и двумя менее одаренными собаками. Трейси любит общаться со своими читателями, так что с ней можно связаться через ее сайт tracybrogan.com или написать ей по электронному адресу TracyBrogan@att.net.

Оглавление

Глава 1	7
Глава 2	28
Глава 3	48
Глава 4	63
Глава 5	81
Глава 6	102
Глава 7	115
Глава 8	126
Глава 9	145
Глава 10	161
Глава 11	177
Глава 12	186
Глава 13	203
Глава 14	220
Глава 15	232
Глава 16	243
Глава 17	256
Глава 18	272
Глава 19	292
Глава 20	300

Глава 21	309
Глава 22	324
Глава 23	335
Глава 24	353
Глава 25	364
Глава 26	375
Глава 27	389
Эпилог	399
Примечание от автора	407
Благодарности	409
Об авторе	411

Литературно-художественное издание

Для лиц старше шестнадцати лет

Трейси Бруган
СКАЖИ, ЧТО БУДЕШЬ МОИМ

Генеральный директор *Мария Смирнова*
Главный редактор *Антонина Галль*
Художественный редактор *Александр Андрейчук*

Издательство «Аркадия»
Телефон редакции: (812) 401-62-29
Адрес для писем: 197022, Санкт-Петербург, а/я 21

Подписано в печать 02.09.2019.

Формат издания 84×108 ¹/₃₂. Печ. л. 13,0. Печать офсетная.
Тираж 4000 экз. Дата изготовления 26.09.2019. Заказ № 1911790.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в ООО «Ярославский полиграфический комбинат»
150049, Россия, Ярославль, ул. Свободы, 97

Произведено в Российской Федерации
Срок годности не ограничен

По всем вопросам, связанным с приобретением книг издательства,
обращаться в ТФ «Лабиринт»:
тел.: (495) 780-00-98
www.labyrinth.org

Заказ книг в интернет-магазине «Лабиринт»:
www.labyrinth.ru

16+

ЗНАК ИНФОРМАЦИОННОЙ ПРОДУКЦИИ

Larisa_F

